

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ УРАЛА

Екатеринбург
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ УРАЛА

Екатеринбург
2015

УДК 908(470.5) (075.8)
ББК Т218+Т3(235.55)я 7490

*Рекомендовано Ученым советом федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве учебного издания
(Решение № 405 от 01.07.15)*

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор А.В. Сперанский (Институт
истории и археологии УрО РАН);
кандидат исторических наук, доцент Н.Н. Мельников (Уральский
государственный педагогический университет)

Историческое краеведение Урала. Учебное пособие
для студентов / Под ред. проф. Г.Е. Корнилова ; ФГБОУ
ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2015. —
254 с.

ISBN 978-5-7186-0688-1

Учебное пособие «Историческое краеведение» нацелено не только познакомить студентов с предметом, источниками и методами исторического краеведения, но и вооружить их одним из надежнейших и вернейших способов освоения исторического опыта, а в дальнейшем – преподавании этого опыта. Авторы предлагают свою структуру курса, наполнив ее конкретным региональным историческим материалом.

Учебное пособие предназначено студентам исторических факультетов вузов.

УДК 908(470.5) (075.8)
ББК Т218+Т3(235.55)я 7490

ISBN 978-5-7186-0688-1

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. История краеведения в XVIII - начале XXвв...	8
Глава II. Краеведение в России и на Урале в XX – начале XXI вв.	41
Глава III. Документальные источники краеведения.....	71
Глава IV. Археологическое краеведение.....	88
Глава V. Этнографическое краеведение.....	118
Глава VI. Искусствоведческое краеведение.....	138
Глава VII. Архитектурное краеведение.....	163
Глава VIII. Литературное краеведение.....	204
Глава IX. Генеалогия.....	218
Глава X. Школьное краеведение.....	233

ВВЕДЕНИЕ

Под краеведением понимается комплексное изучение локальных объектов, осуществляемое силами местного населения с целью познания общества и окружающего мира. Одним из разделов общего краеведения является историческое краеведение, задача которого – познание тех или иных исторических явлений, событий, процессов, относящихся к различным этапам истории края.

Актуализация проблем исторического краеведения вызвана нарастанием глобальных процессов регионализации, ориентацией в масштабах страны на субъекты федерации и связанной с этим потребностью изучения их специфики для определения стратегии развития, а также кризисом исторической науки, вызванном во многом отсутствием конкретных локальных исследований исторических объектов и процессов. Развитие исторической науки связано с переходом от глобальных к региональным и локальным исследованиям, введением в научный оборот нового фактического материала по истории регионов России. Изучение локальных структур придает историческому знанию многогранность и глубину, преодолевает схематизированное восприятие прошлого. Локальный подход с его комплексным охватом действительности, бережным отношением к прошлому, к человеческой личности способствует процессу гуманизации, возвращения к общечеловеческим ценностям.

Само по себе краеведение (краеведение – от: ведать, знать, изведывать) имеет глубокие корни в человеческой истории. Человек как существо, всегда стремился познать край, в котором он живет, его природные богатства, историю. Сущность краеведения – в познании края для его развития.

Ушедшему XX веку суждено было стать временем расцвета краеведческой деятельности. Изучали край представители государственных организаций и учреждений (административные и хозяйственные органы, архивы, музеи, научно-исследовательские и учебные заведения), общественные силы (разнообразные краеведческие общества и отдельные краеведы, другие общественные организации); принято выделять также учебное (школьное и вузовское) и академическое (научное) краеведение.

Все формы исторического краеведения находятся в тесной взаимосвязи: используют одни и те же источники (документы архивов, материалы и документы экспозиций, музеев, краеведческую литературу, воспоминания участников и очевидцев исторических событий и т.д.); занимаются одними и теми же объектами изучения (предприятие, город, село, район и т.д.); одинаковы методы познания (методы исторического исследования, непосредственного наблюдения и др.). Краеведы-любители знакомятся с методами исследования в современной науке и опираются на данные научного краеведения. Общим для всех форм краеведения является бережное отношение к историческому и культурному наследию прошлого, потребность в сохранении и пропаганде памятников истории и культуры.

Объектом краеведения могут быть различные территориальные уровни локальных объектов: межрегиональный, территориальный, микроуровень (отдельные населенные пункты, предприятия, памятники, биографии отдельных лиц).

При этом краеведение может играть:

- научную роль (пополняя знания человечества об окружающем мире и о самом себе);
- практическую роль (внося вклад в развитие родного края);
- учебно-просветительскую роль (выполняя учебные функции и расширяя кругозор местных жителей).

Однако между научным краеведением, общественным и школьным имеются и существенные различия как по содержанию и методам работы, так и по задачам исследования. В школьном и общественном краеведении внимание прежде всего сосредоточено на учебно-воспитательных, познавательных и культурно-просветительных целях, в научном краеведении в основе исследования лежит объект изучения. Пути и методы научного краеведения, а также объект изучения вытекают из задач развития той или иной отрасли знания. Участие в краеведческой работе духовно обогащает людей, содействует углублению общего образования, прививает навыки глубоких самостоятельных наблюдений и исследований.

Сам термин «краеведение» впервые прозвучал в 1914 г., его использовали для обозначения деятельности по всестороннему изучению крупных административно-территориальных единиц – губерний и областей. До этого в ходу были термины «родиноведение», т.е. изучение места рождения или проживания, конкретного населенного пункта, «отчизноведение» (отечествоведение) и «мироведение».

В последние годы содержание термина «краеведение» поглощается все более утверждающимся понятием «регионоведение». Кроме того, являясь составной частью общекультурного процесса, краеведение может входить составной частью в дисциплинарное пространство не только исторической науки. Что касается Урала, то здесь предпочитают использовать термин «ураловедение».

В культурной жизни России в последние годы отчетливо прослеживаются тенденции к дезинтеграции, связанные с общемировыми процессами, так и со спецификой переходного периода, переживаемого страной: углубляется разрыв между столицей и региональными центрами, возникает опасность распада научного гуманитарного сообщества и усиление провинциализма в науке, сокращаются возможности межрегионального обмена информацией. В этих условиях резко возрастает объединяющая роль краеведения. Входя в систему культурологических знаний, краеведение выступает в качестве консультативно-прикладной дисциплины, помогающей бороться с разрушением культуры, охранять и сохранять культуру.

Краеведение с его комплексным охватом действительности, бережным отношением к прошлому и настоящему, к человеческой личности может иметь немалое значение в процессе гуманизации общества, возвращения к общечеловеческим нормам нравственности и морали, что особенно актуально. Краеведение призвано обратить внимание общества на его исторические корни, опыт предков, помочь в возрождении Отечества.

При разработке данного учебного пособия авторы в определенной мере ориентировались на учебные пособия для студентов педагогических институтов и учителей В.Н. Ашуркова, Д.В. Кацюбы и Г.Н. Матюшина «Историческое краеведение» (М., 1980) и д.и.н. А.В. Даринского «Краеведение» (М., 1987). Принимая в ос-

новном принципиальные подходы этих ученых к содержательной стороне данного учебного курса, авторы пособия вместе с тем существенно переработали предложенную ими структуру курса, наполнив ее конкретным региональным историческим материалом.

Цель данного учебного курса – не просто познакомить студентов с предметом, источниками и методами исторического краеведения, а вооружить их одним из надежнейших и вернейших способов освоения исторического опыта, а в дальнейшем – преподавания этого курса.

Преподавание курса предполагает знакомство студентов с подлинными памятниками истории и культуры в экспозициях и фондах уральских музеев, с недвижимыми памятниками Екатеринбурга и Свердловской области.

Авторами учебного пособия являются преподаватели кафедры истории России УрГПУ и сотрудники Института истории и археологии УрО РАН: д.и.н. Г.Е. Корнилов (науч. редактор, введение, гл. 2, 5, 8, 10), д.и.н. Л.А. Дашкевич (гл. 6), к.и.н. Л.И. Зорина (гл. 1), к.и.н. Г.А. Кругликова (отв. за выпуск, гл. 2, 7, 10), к.и.н. Т.Г. Мосунова (гл. 6), д.и.н. А.Ф. Шорин (гл. 4), к.и.н. Т.Г. Шумкина (гл. 1), к.и.н. Э.А. Черноухов (гл. 3, 9), к.и.н. Ю.П. Чемякин (гл. 4).

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

План:

1. Становление и развитие краеведения в России в XVIII – начале XX вв.
2. Урал в трудах научных исследователей.
3. Краеведческие общества и организации Урала и их вклад в изучение края.
4. Краеведы Урала и их роль в развитии традиций краеведческого движения.

1. Истоки краеведения уходят в далекое прошлое и связаны с таким понятием, как «память народная». У всех народов мира, во все времена были люди, которые хорошо знали окружающую местность, ее природу, особые достопримечательности, интересовавшиеся прошлым своего народа. Свои знания – исторического, географического, природного, хозяйственного характера устно или через различные письменные документы они передавали последующим поколениям. Благодаря таким «краезнатокам» сохранялась преемственность в материальной и духовной культуре народов.

Так было и в России. Зачатки краеведческих знаний нашли отражение в летописях и различных государственных документах еще в XV – XVI вв. Местные летописи (княжеские, монастырские, городские) соседствовали с общегосударственными и обогащали их содержание, внося и элементы местного языково-литературного колорита. Сведения краеведческого характера использовались представителями власти при размежевании государственных границ, описании дворов и земельных угодий, при строительстве новых городов, монастырей, поиске руд и т. п.

Однако становление научного краеведения, в том числе исторического, неразрывно связано со становлением науки в России. В начале XVIII в. знания о прошлом различных краев России начинают приобретать научный характер. По указу Петра I от 13 февраля 1718 г. предписывалось населению России обо всех любопытных находках в разных местах докладывать царю, «собирать и сдавать губернаторам за вознаграждение все, что зело старо и необыкновенно». Создание Петровской Кунсткамеры стимулировало интерес к древностям на местах.

Начало изучения отдельных краев Российского государства было положено **Семеном Ульяновичем Ремезовым** (1642-после 1720), талантливым русским картографом, географом и первым краеведом-историком Сибири. Проживая в конце XVII в. в Тобольске, он составил карты как отдельных частей Сибири, так и всей ее громадной территории от Урала до Тихого океана. Большинство его карт собрано в «книги» (атласы). Из них особое место занимает «Чертежная книга Сибири». В атласе насчитывается 23 чертежа, на семи из них изображены Уральские горы. Атлас впервые был издан в 1882 г. Карты С.У. Ремезова содержат не только географические, но и важные исторические сведения по раннему периоду истории Сибири и Урала.

В 1703 г. С.У. Ремезов был направлен из Тобольска в Кунгур для описания Кунгурского уезда. В результате были составлены две «книги описные» – «Чертеж города Кунгура и посадов» и «Чертеж земли Кунгурского уезда». На основе этих материалов С.У. Ремезовым была создана иллюстрированная «Летопись Сибирская краткая Кунгурская» о походе Ермака. Вместе с написанной им ранее «Сибирской летописью» она приобрела известность в русской историографии как «Ремезовская летопись».

В начале XVIII в. с г. Тобольском был связан еще один местный краевед-исследователь, прославивший свое имя как первый этнограф Сибири. Это был **Григорий Новицкий** – ссыльный украинец, казачий полковник. Будучи в сибирской ссылке, Г. Новицкий вел этнографические наблюдения. В 1727 г. он был убит хантами. Неоконченной осталась его работа «Краткое описание о народе Остяцком», датированная 1715 г., и впервые изданная в 1884 г. Труд Г. Новицкого содержит богатые описания быта, нравов, религиозных верований сибирских хантов, истории их обращения в православие.

Первым ученым-энциклопедистом России, первым ученым-историком считается **Василий Никитич Татищев** (1686-1750). Поскольку он активно работал над историей, находясь на Урале, мы по праву можем считать его первым историком не только России, но и Урала. Он внес вклад в развитие географии, статистики, этнографии, картографии, философии, экономической мысли, права, педагогики.

В 1719 г., получив от Петра I поручение написать обстоятельную географию России, В.Н. Татищев начал предварительное изучение истории на основе «Повести временных лет» из царской библиотеки. В 1720 г. на Урале он обнаружил другой список этой летописи и

перешел к поиску новых источников, российских и иностранных. В 1722 г. он выехал в Петербург, уже имея на руках «начало истории». С 1730 по 1750 гг. он вел постоянную переписку с Академией наук, получал через библиотекаря и советника Академии И.Д. Шумахера литературу из Европы, отправлял в Академию переводы источников, готовые части работы.

В 1734 – 1737 гг. в Екатеринбурге В.Н. Татищев продолжил сбор материалов по истории и географии России, работал над географией Сибири, в понятие Сибири тогда включался и Урал. Под его руководством геодезисты составляли новые исправленные карты. Он организовал сбор сведений о природе, животном и растительном мире, ремеслах, торгах, древностях, о населявших народах, о воспитании и обучении детей. Уже в 1736 г. он приступил к «Общему географическому описанию всея Сибири», составил план, включавший 45 глав, и написал первые десять глав. Из-за недостатка сведений для запланированной части – конкретного описания уездов Урала и Сибири – прервал эту работу и в 1737 г. после отъезда в Самару приступил к составлению «Общего географического описания России».

В.Н. Татищев был первым исследователем природы Среднего и Южного Урала. Именно он ввел в науку понятие «Уральские горы», предпринял их научное описание, одним из первых провел границу между Европой и Азией по этим горам. При непосредственном содействии В.Н. Татищева были открыты многие месторождения полезных ископаемых, в том числе медные и железные руды, горный хрусталь, асбест, мрамор, каменный уголь. Одна из важнейших заслуг В.Н. Татищева – меры, принятые им по охране лесов от хищнического истребления. В 1722 г. ученым была составлена первая на Урале инструкция «О сбережении лесов».

Собственные исследования уральской природы ученый отразил в таких трудах, как «Лексикон гисторической, географической и гражданской, сочиненный господином тайным советником Василием Никитичем Татищевым» (1735), ставший первым в России историко-географическим словарем, «Общее географическое описание всея Сибири» (1736), «Предложение о сочинении истории и географии Российской» (1737), «Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи» (1744). Ни один из этих трудов не был опубликован при жизни В.Н. Татищева. Поэтому географические открытия В.Н. Татищева в свое время не могли быть в должной мере оценены и оставались практически неизвестными.

При жизни ученого был опубликован труд – небольшая статья «О мамонтовых костях» (1724), в которой содержались сведения о палеонтологических находках на Урале – костях мамонта, высказывалось мнение о возникновении пещер и карстовых провалов. По сути, своей статьей В.Н. Татищев заложил основы отечественного карстоведения. Ученым были даны первые достоверные описания Кунгурской пещеры. Ученый обратил внимание на «многие дивные или фигурные камни, в которых закаменелые рыбы, черви, листья и пр. видимы». Сбором и изучением окаменелостей на Урале он положил, фактически, начало новой науке – палеонтологии.

В.Н. Татищева можно назвать одним из первых уральских коллекционеров и библиофилов. Он собирал образцы геологических пород, минералы, палеонтологические находки и посылал их в петровскую Кунсткамеру. Ученый был обладателем огромной библиотеки, одну тысячу книг из нее он передал в дар Екатеринбург.

Научно-краеведческая деятельность В.Н. Татищева способствовала развитию интереса к естествознанию у его современников. Так, например, в 1732 г. при Екатеринбургской рудной лаборатории берг-пробирером А. Хрущовым начала собираться коллекция рудных образцов, которая явилась, по сути, прообразом первого геологического музея на Урале.

В научных начинаниях В.Н. Татищева поддерживал **Вильгельм Георг де Геннин** (Виллим Иванович Геннин) (1676-1750), возглавлявший уральские горные заводы в 1722-1734 гг. Под его руководством было составлено «Описание Уральских и Сибирских заводов» (1734), положившее начало историографии уральской промышленности.

Наряду с В.Н. Татищевым и В.И. Генниным выдающимся исследователем Урала XVIII в. был государственный деятель, ученый И.К. Кириллов.

Иван Кириллович Кириллов (1689-1737), сын подъячего, служил в Сенате копиистом, затем секретарем и оберсекретарем, возглавлял астрономические, топографические и картографические работы. В 1727 г. он составил обстоятельное экономико-географическое описание «Цветущее состояние Всероссийского государства», участвовал в организации Второй Камчатской экспедиции (1731-1733), издал первый географический атлас России – «Атлас Всероссийской империи» (1734). Став инициатором и руководителем Оренбургской экспедиции (1734-1737), И.К. Кириллов сыграл ведущую роль в осно-

вании крепостей Оренбургской (ныне Орск), Верхнеуральск, Бузулук, Сорочинск и др., в организации первых научных исследований в Оренбургском крае. Члены экспедиции составили ряд географических карт края, в ходе геолого-поисковых работ открыли месторождения медной руды и орской яшмы, начали разработку Илецкого месторождения соли, вели флористические и этнографические исследования. После смерти И.К. Кириллова главой Оренбургской экспедиции был назначен В.Н. Татищев.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765), приступая к работе над «Ландкартой Российской», вслед за В.Н. Татищевым использовал метод анкетирования. «Академическая анкета» М.В. Ломоносова содержала вопросы по истории отдельных городов и губерний России. Распространение таких анкет способствовало развитию краеведения, так как побуждало грамотных людей интересоваться прошлым своего края.

М.В. Ломоносов выступил основоположником школьного краеведения. В своей анкете (1760 г.) он стремился привлечь «малых, особливо крестьянских детей» к поискам «неизвестных руд, дорогих металлов и камней». К сбору материала для «Ландкарты Российской» он привлек учеников гарнизонной школы и гимназии при Академии наук.

В середине – второй половине XVIII в. начинают появляться описания отдельных областей, городов.

В 1750 г. **Герхард Фридрих Миллер** (1705-1783) издал 1-й том своего труда – «Описание Сибирского царства». Ученый-историк, академик Г.Ф. Миллер, родившийся в Германии, но впоследствии принявший русское подданство, путешествуя по Уралу в 1741-1742 гг., работая в архивах, собрал большую коллекцию исторических документов. Им же был подготовлен к печати труд В.Н. Татищева «История Российская с древнейших времен», составлены «Списки о рудных делах», представляющие статистические описи заводов, принадлежавших Строгановым и Демидовым.

В 1762 г. при участии М.В. Ломоносова была напечатана «Топография Оренбургской губернии» **Петра Ивановича Рычкова** (1712-1777) – географа, историка, экономиста, естествоиспытателя, члена-корреспондента Академии наук. П.И. Рычков с 1734 по 1743 гг. участвовал в Оренбургской экспедиции, организованной И.К. Кирилловым. В 1744 – 1760 гг. он заведовал губернской канцелярией, в 1770 – 1777 гг. работал директором Оренбургской соляной конторы.

Одним из первых в России П.И. Рычков занялся историей Разинского и Пугачевского восстаний. Он написал работу о восстании Степана Разина, основанную, главным образом, на рукописи П. Золотарева. В 1774 г. подготовил подробное «Описание осады Оренбурга» отрядами Е.И. Пугачева на основе личных впечатлений и записей, походных журналов П.М. Голицына и Ф.Ф. Щербатова, журнала губернской канцелярии и других источников. Эта обширная компиляция стала ценным источником по истории восстания под предводительством Е.И. Пугачева 1773 – 1775 гг., и была опубликована А.С. Пушкиным в приложении к «Истории Пугачевского бунта» (1834 г.). П.И. Рычков активно сотрудничал с учрежденным в 1765 г. Вольным экономическим обществом (ВЭО), опубликовал в его «Трудах» свыше 30 статей по вопросам земледелия, пчеловодства, пушного промысла и других промыслов.

Значительный интерес представляют и другие труды П.И. Рычкова – «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается», «О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии», «О сбережении и размножении лесов» и др. П.И. Рычков составил наиболее подробные для своего времени описания природы и хозяйства Южного Урала. Последним научным трудом ученого стал «Лексикон, или Словарь Оренбургской губернии», работу над которым автор закончил за несколько месяцев до своей кончины. Двухтомное сочинение, являвшееся первым географическим словарем по Южному Уралу, осталось неопубликованным.

Среди первых краеведческих монографий по истории города и деревни были работы жителя Архангельского посада **Василия Васильевича Крестинина** (1729-1795), который в 1784 г. издал «Исторические начатки о двинском народе», в 1790 г. – «Начертание истории города Холмогор», в 1792 г. – «Краткую историю о городе Архангельском». Вместе с купеческим сыном А.И. Фоминым В.В. Крестинин основал в конце XVIII в. в Архангельске «Общество для исторических исследований» – первое краеведческое общество в России.

Таким образом, к концу XVIII в. в краеведении определилось два направления – официальное (государственное) и общественное. Развитию официального способствовала губернская реформа, когда указом Сената от 1 ноября 1777 г. предписывалось подготовить топографические описания всех губерний. Они составлялись по единой

программе, где, кроме характеристики природных условий и экономики, предусматривались и вопросы местной истории. Не все составленные по этому указу описания увидели свет. Но многие исторические сведения, собранные в ходе работы над этими описаниями, были обобщены А. Щекатовым в его семитомном «Словаре географическом государства Российского», изданном в 1801-1809 гг.

В XIX в. исключительную роль в развитии науки, прежде всего – естествознания, сыграли научные общества России.

Одним из таких обществ было *Московское общество испытателей природы* (МОИП), созданное при Московском университете в 1802 г. Это было узкоспециальное общество, объединявшее в своих рядах избранных ученых университета, издававшее свой «Бюллетень» и «Записки» только на иностранных языках – французском и немецком. Вследствие этого его деятельность в России была малоизвестна. Тем не менее, его работа послужила примером для других научных обществ и явилась определенным вкладом в науку. В трудах МОИП печатались исследования таких выдающихся ученых России того времени, как К.А. Тимирязев, А.Г. Столетов, Д.Н. Анучин. МОИП просуществовало до 1917 г. и вновь возродилось уже в советское время.

В первой половине XIX в. в России – при Московском и Санкт-Петербургском университетах – появился целый ряд научных обществ: Общество истории и древностей российских (1804 г.), Императорское Русское Минералогическое общество (1817 г.), Императорское Русское Географическое общество (1845 г.), Императорское Русское Археологическое общество (1846 г.). В 1859 г. были основаны Императорское Русское Энтомологическое общество и Императорская Археологическая комиссия.

Очень много для развития краеведения было сделано **Императорским Русским Географическим обществом** (ИРГО), которое имело на территории России ряд отделений, в том числе на Кавказе, на Дальнем Востоке, в Сибири, на Южном Урале (г. Оренбург). В Обществе было четыре отдела – физической географии, математической географии, статистики и этнографии; оно развивало также научные работы в области естественноисторических наук, метеорологии, картографии, торговли, сельского хозяйства, промыслов, русского народного творчества. Общество осуществляло большую экспедиционную деятельность по всей России и в соседних с ней странах, издавало научные журналы, описания путешествий и монографии на гео-

графические и естественноисторические темы. Под руководством президента Общества, выдающегося ученого П.П. Семенова-Тян-Шанского, были подготовлены многотомные издания «Географо-статистический словарь Российской империи» и «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». Членами ИРГО были известные русские ученые В.А. Обручев, Н.М. Пржевальский и др.

Немалое влияние на развитие краеведения в Сибири оказали декабристы, находившиеся там на каторге и поселении. В Иркутской губернии братья Н.А. и М.А. Бестужевы занимались историко-этнографическими исследованиями. М.А. Бестужев, проживая в 1839 – 1867 гг. в г. Селенгинске, написал очерк об истории этого города. Н.А. Бестужев, являвшийся членом ВЭО, описывал быт и хозяйство местного коренного народа – бурят. А.А. Бестужев, проживавший в г. Якутске в 1827 – 1829 гг., наблюдал быт якутов и тунгусов (эвенков), о которых писал в своих «Отрывках из рассказов о Сибири».

Материалы краеведческого характера нередко помещались в литературных журналах – «Сын Отечества», «Московский телеграф», «Отечественные записки», «Москвитянин» и др. Широко публиковались они и в «Губернских ведомостях», которые начали выходить в российских губернских городах с 1838 г. Возможность опубликовать свои исследования в периодическом издании стимулировала работу местных краеведов.

Подъем общественно-краеведческого движения начался после реформ 1860-х гг. Он был связан с новыми тенденциями политического, экономического и социокультурного развития страны, способствовавшими усилению интереса к естественным наукам, с организацией не только новых столичных ученых обществ, но и большого количества провинциальных.

Первым таким обществом новой волны, поставившим своей задачей не только научные исследования, но и распространение научных знаний в широких слоях населения, стало **Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии** (МОЛЕ; 1863 г.). Первым его президентом стал известный ученый Г.Е. Щуровский (с 1890 г. – Д.Н. Анучин). Фактическим руководителем на протяжении многих лет – до 1896 г. – оставался ученый-зоолог А.П. Богданов (был ученым секретарем общества и возглавлял зоологическое отделение). Работой других отделений МОЛЕ руководили видные ученые: К.А. Тимирязев – председатель ботанического отделения, А.Г. Столетов – физического. Общество выпустило за несколько

десятилетий своей работы около 100 томов «Трудов», организовало немало научных экспедиций в разные концы страны, стало инициатором создания Политехнического музея в Москве (1877). Наряду с видными учеными в члены общества принимались исследователи, не имевшие высшего образования, талантливые энтузиасты науки. Общество просуществовало около 70 лет, в 1931 г. оно было слито с МОИП.

Новый толчок развитию общественно-краеведческого движения в стране дал 1-й съезд русских естествоиспытателей, собравшийся в Санкт-Петербурге в 1867 г. Участниками съезда с одобрением было встречено мнение известного русского зоолога К.Ф. Кесслера о необходимости открыть при каждом русском университете общества естествоиспытателей. В течение 1868-1869 гг. такие общества были учреждены при Санкт-Петербургском, Казанском, Киевском, Харьковском и Новороссийском университетах. В члены обществ принимались не только специалисты с высшим образованием, но и натуралисты-любители. Вслед за этими обществами в разных городах России стали открываться любительские общества по изучению местного края – не только природы, но и истории, древнейшего прошлого. Одним из первых – в 1870 г. – такое общество любителей естествознания было открыто в Екатеринбурге.

По инициативе **Московского археологического общества** (возглавлявшегося А.С. и П.С. Уваровыми) с 1869 г. в разных городах России собирались археологические съезды, в которых деятельно участвовали и профессора, и местные краеведы-любители, из среды которых вышли такие видные ученые-археологи как В.А. Городцов и А.А. Спицын.

Наряду с научными обществами организационными центрами краеведческой работы в 80-х гг. XIX в. становятся губернские ученые архивные комиссии, которые занимались выявлением, сохранением, описанием исторических памятников, организацией музеев, изданием краеведческой литературы, пропагандой знаний о местном крае.

Деятельность краеведческой направленности была характерна и для земских учреждений. Практические потребности земств в деле ведения местного хозяйства побуждали их проводить экономические, статистические и отчасти исторические исследования края, создавать музеи и библиотеки. Труды земских статистиков целиком базировались на местном материале.

Усилению интереса к краеведению способствовало и духовенство, представители которого нередко выступали в качестве исследователей-историков и естествоиспытателей, помещали свои материалы в епархиальных ведомостях, трудах научных обществ, открывали церковно-исторические общества и церковно-археологические музеи.

В XIX в. продолжает развиваться школьное краеведение, во многом благодаря учителям, которые занимались краеведческими исследованиями, принимали участие в работе местных научных обществ. Так, учитель из Костромы Н.Ф. Бунаков издал около двадцати книг историко-краеведческого содержания. Ему принадлежит первая учебная программа по краеведению, разработанная для костромских школ. Теоретически обосновал важность использования краеведческого материала в учебно-воспитательном процессе в школе К.Д. Ушинский в 60-х гг. XIX в. Сторонником использования местного материала в учебном процессе был и Л.Н. Толстой. Он поддерживал идею создания школьных учебников на краеведческой основе.

Краеведение, зародившись в России в XVIII в., прошло в своем развитии несколько этапов. Массовый характер краеведческое движение приобретает во второй половине XIX – начале XX вв., во многом благодаря деятельности появившихся в то время краеведческих обществ. В целом краеведение данного периода можно рассматривать как общественное движение ученых, энциклопедистов, интеллектуалов, любителей родного края, которые способствовали распространению и популяризации научных знаний, а в более широком плане – формированию региональной науки.

2. Во второй половине XVIII – XIX вв. большую роль в изучении Урала сыграли экспедиции, организованные Академией наук (Академические экспедиции), руководимые выдающимися учеными, естествоиспытателями П.С. Палласом, И.И. Лепёхиным, И.П. Фальком и др.

Петр Симон Паллас (1741-1811), один из крупнейших ученых XVIII в., родился в Берлине, с 1767 г. по приглашению Академии наук приехал в Россию и более 40 лет трудился на благо своей новой родины. В 1768 г. он был назначен руководителем Академических экспедиций и одновременно руководителем одного из Оренбургских отрядов. Ученый побывал не только на Южном Урале, но и на Среднем и Северном, выявил различие геологического строения западного и восточного склонов Урала, описал ряд месторождений полезных

ископаемых, собрал сведения разного характера о многих горных заводах, вел фенологические, флористические, этнографические наблюдения (описал быт русского населения, башкир, манси).

Во время своего путешествия на Средний Урал в 1770 г. ученый посетил Екатеринбург, Невьянск, Нижний Тагил, Кушву. Осмотрев Березовский золотой рудник, он подробно описал процесс добычи золота, сделал важное заключение о наличии в Уральских горах жильных месторождений золота и о возможных россыпях его в речных долинах.

П.С. Паллас опубликовал свои записки в пяти книгах «Путешествия по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук» в 1786 г. в Петербурге.

Иван Иванович Лепёхин (1740-1802) родился в Петербурге, в семье солдата лейб-гвардии Семеновского полка, окончил Академическую гимназию и Академический университет, получил степень доктора медицины Страсбургского университета. Он стал одним из видных русских путешественников-естествоиспытателей, членом Императорской Академии наук. В 1768 – 1772 гг. он руководил одним из отрядов академических экспедиций по изучению природы и естественных ресурсов Поволжья, Урала и Севера Европейской России. Исследования на Урале И.И. Лепёхин вел в 1769-1771 гг., описал многие месторождения полезных ископаемых, рудники, высказал рекомендации по рациональному использованию руд, глин, соляных источников. Ученый изучал растительный покров, животный мир, пещеры (Кунгурскую, Капову), собрал сведения об уральских горных заводах и городах, описал жизнь уральских коренных народов (башкир, манси). И.И. Лепёхин побывал в Соликамске, Кунгуре, Екатеринбурге, Красноуфимске, Верхотурье и многих других городах Урала. Результаты своих наблюдений он описал в «Дневных записках», четыре части которых были опубликованы в Петербурге в 1772, 1780, 1802 гг.

Иоганн Петер Фальк (1732-1774) – ученый-естествоиспытатель; родился в семье проповедника, учился медицине в Упсале, учительствовал в доме К. Линнея, где увлекся ботаникой. По протекции К. Линнея был приглашен врачом русских великих князей Крузе в Санкт-Петербург, где получил должность смотрителя кабинета естественной истории. Вступил в члены ВЭО. В 1768 г. ученый был отправлен Академией наук в путешествие с Оренбургской

академической экспедицией, которое длилось шесть лет. И.П. Фальк проехал через Оренбург, Орск, Челябинск, Екатеринбург до Томска. Ученый составил краткий, но очень содержательный очерк об Уральских горах. Он первый подразделил эти горы на три части – Башкирский (позднее стал называться Южный), Екатеринбургский (Средний) и Верхотурский (Северный) Урал. Полевые записи И.П. Фалька были систематизированы и изданы его коллегой И.Г. Георги.

На рубеже XVIII-XIX вв. изучением Урала занимались и местные деятели, особое место среди них принадлежит И.Ф. Герману и Н.С. Попову.

Иван Филиппович Герман (1755-1815), уроженец Австрии, получивший университетское образование. В 1781 г. поступил на русскую службу, в 1782 г. стал членом-корреспондентом Императорской Академии наук. В 1783 г. он впервые приехал на Урал с поручением найти место для строительства стальной фабрики, стал заведующим Пышминской стальной фабрики. Предметом научных исследований И.Ф. Германа были геология и минералогия, история и современное состояние горнозаводской промышленности. Ученый опубликовал труды: «Минералогические исследования Урала», «Сочинение о сибирских рудниках и заводах». В 1796 г. он уехал в Петербург для работы в Берг-коллегии, стал инспектором горного училища, но в 1802 г. вновь вернулся на Урал – в качестве начальника Екатеринбургского горного начальства. Под его руководством в 1803 г. в Екатеринбурге начала работать первая типография – горная, в которой И.Ф. Герман напечатал свои труды: в 1809 г. – «Описание заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих», в 1810 г. – «Историческое начертание горного производства в Российской Империи».

Никита Савич Попов (1763-1834) – уральский историк, экономист и географ – родился в Красноуфимском уезде, окончил в 1786 г. Петербургский педагогический институт, работал учителем истории и географии, а затем директором Главного народного училища в Перми. Написал «Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года» (напечатано в Пермской губернской типографии в 1801 г.) – первую фундаментальную монографию о Пермской губернии – и двухтомный труд «Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества сочиненное в 1802 и 1803 годах в г. Перми» (напечатано в Перми в 1804 г.). По

мнению, высказанному позднее пермским историком и библиографом Д.Д. Смышляевым, «до появления описания Киевской губернии Журавского ни одна губерния не была так хорошо описана, как Пермская». Специальный комитет ВЭО высоко оценил труд Н.С. Попова и решил переиздать его как образцовый. Второе издание книги вышло в Петербурге в трех частях в 1811-1813 гг.

Широкие исследования на Урале в первой половине XIX в. были проведены приезжими учеными – как российскими, так и иностранными – Э.А. Эверсманном, Э.К. Гофманом, Г.П. Гельмерсеном, А. Гумбольдтом, А.Я. Купфером, Р.И. Мурчисоном, Г.Е. Щуровским, А. Регули и др.

Выходец из Германии, **Эдуард Александрович Эверсманн** (1794-1860) окончил Дерптский университет, получил степени доктора философии и доктора медицины, с 1814 г. поселился в России, в 1816-1820 гг. жил в Златоусте у отца, который был инженером-металлургом, строил оружейную фабрику, затем переехал в Оренбург (1820-1827 гг.). Изучал природу Южного Урала. В 1820-е гг. первым из европейских ученых совершил путешествие в Бухару, описав его в своей книге «*Reise von Orenburg nach Buchara*», которая была опубликована в Берлине в 1823 г. на немецком языке. В 1828 г. поселился в Казани, был профессором зоологии и ботаники университета, продолжал исследования Южного Урала. В 1840 г. издал 1-ю часть своего капитального труда – «Естественная история Оренбургского края», ставшего первым образцом комплексной характеристики природы южноуральского края (2-я часть вышла в Казани в 1850 г., 3-я – в 1866 г.), включавшую исследования по географии, геологии, зоологии, ботанике, климатологии.

С 1830-х гг. Министерство финансов направляет в ряд районов страны, особенно на Урал и Алтай, экспедиции для поисков золота. С этой целью в 1828-1829 гг. были командированы на Южный Урал молодые геологи Э.К. Гофман и Г.П. Гельмерсен.

Эрнст Карлович Гофман (1801-1871), немец по происхождению, родился в г. Дерпте (ныне – Тарту), окончил Дерптский университет, принял русское подданство, в 1837-1842 гг. – профессор Киевского университета, в 1845-1863 гг. – профессор Петербургского университета. Совершил в 1828-1829 гг. Южноуральскую, в 1847-1850 гг. – Североуральскую экспедиции, в 1853-1859 гг. – экспедицию по Среднему Уралу. Крупный ученый-геолог, он заложил основы изучения золотых месторождений Сибири. Был неутомимым путешествен-

ником, пересек пешком весь Урал с севера на юг, открыл хребет Пай-Хой и гору Константинов Камень, уточнил истоки Печоры, Урала, Белой и других рек, определил абсолютные высоты ряда гор и населенных пунктов, изучил многие уральские месторождения железной руды, наблюдал быт и нравы коренных народов Урала. Именем ученого названы ледник на массиве Сабля и мыс «Полковник» в устье р. Кары.

Григорий Петрович Гельмерсен (1803-1885), уроженец Германии, выпускник Дерптского университета, в 1826 г. впервые посетил Урал с геологической целью, в 1828 г. участвовал в экспедиции на Южный Урал, отправленной на поиски месторождений золота. В 1833-1835 гг. изучал территорию «Киргизских степей» (равнин Южного Зауралья), Богословского, Екатеринбургского, Златоустовского горных округов. В 1835 г. Г.П. Гельмерсен был зачислен в Корпус горных инженеров, в 1850 г. стал академиком Петербургской Академии наук, с 1865 по 1872 гг. являлся директором Корпуса горных инженеров, в 1882 г. возглавлял Геологический комитет, был одним из его организаторов. Г.П. Гельмерсен являлся автором ряда геологических карт, в том числе одной из первых геологических карт Европейской России, стал лауреатом Демидовской премии (1842 г.). При жизни ученого Академией наук была учреждена премия им. Гельмерсена (1879 г.).

В 1828 г. разнообразные исследования провел на Урале профессор физики Казанского университета **Адольф Яковлевич Купфер** (1799-1865). Он был уроженцем Митава, окончил Берлинский университет, занимался минералогией и физикой в университетах Парижа и Геттингена, получил степень доктора философии. С 1824 г. он преподавал физику в Казани, в 1828 г. принял предложение преподавать в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, был избран членом Петербургской Академии наук по минералогии. Перед отъездом в северную столицу, А.Я. Купфер решил совершить путешествие на близлежащий Урал, пригласил в свои спутники казанского аптекаря, занимавшегося изучением приволжской флоры и к тому же хорошего рисовальщика К.К. Клауса. Все путешествие длилось шесть месяцев, маршрут его пролегал от Казани через Уфу, Златоуст, Миасс, Сысерть, Екатеринбург, Невьянск, Нижний Тагил, Кушву, Верхотурье до Богословского завода и обратно. Описание увиденного ученый изложил в своей книге, напечатанной в Париже в 1833 г. на французском языке, «Voyage dans l'Ourale» (Путешествие на Урал). В ней со-

держатся исторические сведения о тех населенных пунктах, через которые пролегал путь экспедиции, описания быта многих коренных народностей Урала, характеристика заводского производства и работы рудников. Особый интерес на протяжении всего путешествия А.Я. Купфер проявлял к геологическому строению местности. Этому вопросу он посвятил очерк в конце книги. Результаты естественнонаучных наблюдений на Урале ученый опубликовал также в других своих трудах.

В 1829 г. на Урале побывал по приглашению русского правительства выдающийся немецкий ученый-естествоиспытатель, имевший мировую славу, **Александр Фридрих Гумбольдт** (1769-1859). Он был одним из основателей современных наук о Земле: физической географии и общего землеведения, географии растений, геофизики. Ученый отправился в путешествие с двумя спутниками, профессорами Берлинского университета Х. Эренбергом и Г. Розе в сопровождении специалиста по горному делу Д.С. Меньшенина. Путешественники посетили Пермь, Екатеринбург, Березовские рудники, Невьянский и Нижнетагильский заводы, Богословский завод и гору Благодать, Конжаковский Камень и г. Верхотурье, Алапаевский и Режевской заводы. С Урала ученые отправились в Сибирь и на Алтай. На обратном пути проехали через Южный Урал. Несмотря на краткость пребывания на Урале, А. Гумбольдт сумел выявить основные особенности рельефа и геологического строения Уральских гор, предсказал наличие в их недрах платины и алмазов, нарисовал схему расположения горных цепей. А. Гумбольдт и его коллеги собрали большой материал о природе Уральского края, результаты их наблюдений А. Гумбольдт изложил в труде «Центральная Азия» (издан в Берлине на немецком языке в 1843 г.), одна из глав которого была названа «Система гор Урала». На русском языке работа была издана в 1915 г. Именем А. Гумбольдта в 1964 г. была названа пещера на р. Койве в Пермской области.

В 1838 г. исследования на Урале провел профессор геологии Московского университета, ботаник и зоолог **Григорий Ефимович Щуровский** (1803-1884). Результатом его работы стала книга «Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях» (издана в Москве в 1841 г.), которая явилась наиболее полной по тем временам сводкой о природных условиях всего Урала. Богатейшие коллекции, привезенные Г.Е. Щуровским с Урала, стали основой для создания геологического и мине-

ралогического кабинетов при кафедре геологии Московского университета.

В 1841 г. Урал посетил известный английский геолог **Родерик Импи Мурчисон** (1792-1870). Его сопровождали французский палеонтолог Э. Вернейль, русские ученые – палеонтолог А.А. Кайзерлинг и минералог Н.И. Кокшаров. Маршрут экспедиции Р. Мурчисона предусматривал многократное пересечение Уральского хребта. Результатом исследований Р. Мурчисона стал капитальный труд «Геологическое строение Европейской России и хребта Уральского» (на французском и английском языках вышел в свет в 1845 г., на русском – в 1849 г.). Ученый пришел к выводу, что Уральские горы сложены преимущественно горными породами силурийского, девонского и каменноугольного возрастов, одним из первых он выделил в Предуралье новую толщу осадочных пород, которая получила название «Пермская система». По завершении полевых работ Р. Мурчисон с помощью коллег составил две геологические карты: одну – Европейской России, включая Уральский хребет, другую – Урала (в 1849 г. были изданы в виде приложений к трудам ученого). Впервые на этих картах были показаны основные черты геологического строения всего Уральского хребта.

В 1843-1845 гг. по Уралу – от Перми до берегов Северного Ледовитого океана – совершил путешествие венгерский ученый-лингвист, этнограф, географ – **Антал Регули** (1819-1858). Его интересовал вопрос о происхождении венгерского языка и прародины венгров, предков которых он видел в коренных народах Северного Урала – хантах и манси. Одной из главных заслуг его экспедиции явилось доказательство генетического родства языков венгров и манси. А. Регули создал первую для Северного Урала карту. В Будапеште в 1864 г. уже после смерти ученого был издан основной труд его жизни «Вогульская страна и ее обитатели».

Большую роль в развитие краеведения на Урале сыграло ИРГО, начиная с 1846 г. посылавшее для изучения разных его краев научные экспедиции и содействовавшее деятельности местных исследователей. Среди членов-сотрудников ИРГО были уральцы: историк Н.К. Чупин, священник А. Луканин (с 1852 г.), шадринский краевед А.Н. Зырянов (с 1856 г.), пермский врач и летописец В.Н. Шишонко (с 1868 г.). В 1867 г. ИРГО открыло свое отделение на Южном Урале – Оренбургский отдел. Члены ИРГО занимались не только географическими исследованиями, но и статистическими, историческими, этно-

графическими, натуралистическими, печатали свои труды в «Пермских губернских ведомостях».

Ученые-естествоиспытатели и путешественники, чей путь пролегал через Урал, внесли заметный вклад в изучение края. В их трудах собран обширный материал о природе, хозяйстве, населении Урала. Большую роль в организации и проведении экспедиций в XVIII – XIX вв. сыграли Императорская Академия наук и научные общества – ВЭО, ИРГО. Деятельность этих организаций стимулировала исследовательскую работу местных краеведов, способствовала их сплочению и созданию краеведческих обществ.

3. Возникновение краеведческих обществ в различных регионах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. было связано с модернизацией и индустриализацией, внедрением в жизнь достижений науки и техники, ростом общественного сознания, профессиональной консолидацией соответствующих групп населения. Эти общества взяли на себя задачи всестороннего изучения отдельных регионов страны, а также стремились к популяризации этих знаний, желая сделать результаты своей работы достоянием общественности.

На Урале вплоть до начала XX в. не было высших учебных заведений, поэтому краеведческие общества и организации являлись практически единственными в крае научными и культурными центрами.

Первые научные общества на Урале появились в 1825 г. Это были горные общества в Екатеринбурге, Кушве, Дедюхине, Златоусте, Богословске, Воткинске, в задачу которых входило, по предписанию Департамента горных и соляных заводов, помогать Ученому Комитету по горной и соляной части в издании «Горного журнала». **Горное общество Екатеринбургских заводов** было открыто в 1825 г. под председательством горного начальника О.С. Осипова. Первыми его членами стали 20 человек из числа служащих Екатеринбургского горного округа – горные инженеры А.А. Агте, И.Л. Тетюев, Н.И. Мундт, И.И. Варвинский, А.Ф. Грамматчиков, управитель Нижне-Исетского завода Н.И. Подоксенов, управляющий екатеринбургской горной аптекой Г.Ф. Гельм, архитектор М.П. Малахов, управляющий екатеринбургскими золотыми промыслами И.К. Кокшаров, маркшейдеры И.Г. Шевкунов, П.Ф. Грамматчиков, лесничий И.И. Шульц и др. Ученому Комитету посылались отчеты, материалы и статьи для «Гор-

ного журнала». Опубликовано были описания целого ряда уральских заводов, фабрик, промыслов, рудников – Каменского завода (П.Ф. Грамматчиков), Екатеринбургской гранильной фабрики и мраморного Горнощитского завода (А.Ф. Грамматчиков), Преображенского золотого рудника (И.И. Колобов) и др. Деятельность Екатеринбургского Горного общества, как и других подобных на Урале, продолжалась недолго.

Большую роль в развитии краеведческих традиций сыграли **губернские статистические комитеты (ГСК)**. Первые ГСК появились в России в 30-е гг. XIX в., после того, как в 1834 г. при Министерстве внутренних дел было создано Статистическое отделение. Широкое распространение эти учреждения получили после 1858 г., когда был образован Центральный статистический комитет (ЦСК). Это во многом было связано с подготовкой крестьянской реформы, поскольку на Центральный и губернские статистические комитеты были возложены функции сбора и обработки материалов, необходимых для проведения реформы.

По «Положению о губернских и областных статистических комитетах» 1860 г. ГСК определялись как «учено-административные» учреждения и официально подчинялись ЦСК, но в то же время они находились под контролем местной администрации. Деятельность статкомитетов была направлена на сбор, обработку и публикацию статистических сведений, но помимо этого они занимались изучением местной истории, вели археологические раскопки, создавали музеи и библиотеки. ГСК вели активную издательскую деятельность. Среди их изданий главное место занимают «памятные книжки» и «адрес-календари». Памятные книжки представляли собой своеобразный тип издания – это были официальные универсальные справочники, содержавшие сведения о губернии (области) на определенный год.

На Урале ГСК были образованы в 1830-е гг. в Вятке, Перми, Оренбурге, Уфе (до деления Оренбургской губернии на Оренбургскую и Уфимскую губернии в 1865 г. – Оренбургский ГСК). В состав комитетов входили местное чиновничество и интеллигенция. В деятельности ГСК активное участие принимали местные историки-краеведы, журналисты, статистики, общественные деятели – Н.А. Гурвич, А.А. Дмитриев, И.В. Жуковский, Д.Д. Смышляев, А.А. Спицын, Р.С. Попов, Н.К. Чупин и др. Памятные книжки уральских ГСК занимали заметное место в репертуаре местных изданий. Значение памятных книжек было особенно важным в период, когда на Урале

еще не издавались труды краеведческих обществ, частные газеты и журналы и, таким образом, статкомитеты имели «некоторую монополию на издание всевозможных исследований». Всего Вятским ГСК в 1854 – 1916 гг. было издано 47 памятных книжек, Пермским ГСК в 1862 – 1916 гг. – 40, Оренбургским ГСК в 1836 – 1917 гг. – 33, Уфимским ГСК в 1873 – 1917 гг. – 29.

Памятная книжка включала две основные части. Первая – общий справочный отдел. Далее здесь же помещался адрес-календарь, содержащий сведения о штате служащих в губернии. Вторая часть состояла также из двух отделов. В первом из них помещались статистические сведения (таблицы, ведомости) о губернии или области. Во втором отделе печатались материалы по истории, археологии, этнографии, статистике и географии соответствующей местности. Больше половины историко-краеведческих материалов, опубликованных в памятных книжках и сборниках статей уральских ГСК, составляли работы по истории промышленности Урала и городов губерний.

ГСК были официально упразднены на основании Декрета СНК РСФСР № 67 от 15 сентября 1918 г. Началось формирование советской государственной статистики на базе статистических служб губернских земских управ.

Помимо ГСК к научно-краеведческим организациям Урала относились **губернские ученые архивные комиссии** (ГУАК), создававшиеся по всей стране по инициативе директора Петербургского археологического института Н.В. Калачова в соответствии с общим «Положением о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях» (1884). ГУАК возникли в результате подготовки реформы архивного дела. Их задача заключалась в создании губернских исторических архивов из документов местных учреждений, представлявших научный интерес. ГУАК выполняли роль научно-исторических обществ, а их печатные издания стали частью национального книжного репертуара. Из 39 ГУАК, действовавших в России до 1917 г., труды выпускали 29 комиссий.

На Урале ГУАК были образованы в Оренбурге (1887), Перми (1888), Вятке (1904) и Уфе (1916). Среди членов комиссий были известные уральские историки и краеведы. Параллельно с архивной работой они занимались археографией, археологией, созданием музеев, охраной памятников истории и культуры. ГУАК Урала имели периодические издания – «Труды». Они содержали исследования по археологии, истории заводов, городов и населенных пунктов, уральского

казачества, этнографии народов края. В «Трудах» публиковались исторические документы, местные летописи, описи и обзоры фондов архивов, а также протоколы заседаний и отчеты ГУАК.

Оренбургская губернская ученая архивная комиссия (ОГУАК) была создана в 1887 г., но до 1895 г. практически бездействовала. К началу XX в. сложилось основное её ядро, представлявшее собой костяк наиболее талантливых и активных исследователей (П.П. Бирк, В.Н. Витевский, П.Н. Столпянский, М.Н. Чернавский и др.), которые внесли неоценимый вклад в дело изучения и сохранения краеведческих материалов о Южном Урале. В 1897 г. при комиссии был организован Историко-этнографический музей. С 1904 г. проводились раскопки в Актюбинском уезде. В дальнейшем Комиссией был составлен полный свод археологических памятников губернии (1910). ОГУАК вела активную издательскую работу: за период 1889-1917 гг. комиссия выпустила в свет 35 томов «Трудов».

Пермская губернская ученая архивная комиссия (ПГУАК) была создана в 1888 г. (официально утверждена в 1889 г.). Первым председателем комиссии был избран В.Н. Шишонко. В состав комиссии вошли известные местные историки и краеведы: А.А. Дмитриев, Д.Д. Смышляев, Н.Н. Новокрещенных, Ф.А. Теплоухов и др. Первые четыре выпуска «Трудов ПУАК» редактировал А.А. Дмитриев, затем В.С. Малченко, в бытность которого председателем комиссии (1902-1905 гг.) издательское дело стало одним из ведущих в ее работе. ПГУАК за время своего существования издала 12 сборников трудов и несколько отдельных изданий.

Вятская губернская ученая архивная комиссия (ВГУАК) была создана в 1904 г. Первым председателем комиссии был избран Н.А. Спасский. Комиссия занималась публикацией исторических документов, осуществляла надзор за археологическими находками. При комиссии была создана подкомиссия «По вопросу о сохранении исторических памятников Вятского края». Вятская ГУАК выпустила в свет 44 выпуска «Трудов» (1905-1917).

Уфимская губернская ученая архивная комиссия (УГУАК) была создана в 1916 г. Первым председателем комиссии был избран П.П. Башилов. В 1916 г. в Уфимской комиссии насчитывалось 35 членов, но развернуть свою деятельность она не успела.

Серьезные финансовые и кадровые проблемы привели к свертыванию работы ГУАК. Оренбургская и Уфимская комиссии прекратили свою деятельность в 1918 г., Пермская – в 1919 г., Вятская – в

1920 г. Идея создания губернских исторических архивов осталась не до конца воплощенной, однако архивные комиссии сыграли положительную роль в сохранении и публикации ценных исторических источников, развитии краеведения. ГУАК стали своеобразными центрами распространения исторических знаний.

В развитии общественно-краеведческого движения на Урале в XIX – начале XX вв. большую роль сыграли **музеи**. Первый музей края («музеум») был основан в Оренбурге в 1831 г. военным губернатором, графом П.П. Сухтеленом. Устроителем **Оренбургского музея** стал В.И. Даль (1801-1872) – писатель, автор известного «Толкового словаря живого великорусского языка». После упразднения генерал-губернаторства коллекции музея были распределены по различным учебным заведениям г. Оренбурга. С 1887 г. восстановлением музея занялась Оренбургская ГУАК. В 1897 г. музей открылся как историко-археологический музей. К концу XIX в. музейное собрание насчитывало около 100 тыс. ед., среди которых наиболее ценными были зоологические и палеонтологические коллекции, коллекции национальных костюмов, древних золотых и серебряных монет и медалей, научная библиотека в 40 тыс. томов.

История создания первого музея в Уфе восходит к 1864 г., когда губернским статкомитетом была высказана идея создания **Уфимского губернского музея**. По мнению секретаря комитета Н.А. Гурвича, музей «должен служить постоянной выставкой всех произведений природы, фабричной, заводской и промышленной деятельности, сельского хозяйства, современных и древних одежд, уборов и других подобных предметов из народного быта, характеризующих как население губернии, так и самую местность». Идея получила поддержку губернатора Г.С. Аксакова. В 1884 г. Н.А. Гурвич составил проект устава Уфимского губернского музея, который был открыт в 1886 г. Его создание стало результатом труда первых уфимских краеведов В.А. Абрютина, А.Е. Алекторова, М.В. Лоссиевского, В.А. Новикова, А.А. Калачева, С.Г. Рыбакова. Непосредственно организацией музея занимались сотрудники статкомитета – член ИРГО Н.А. Гурвич, заведующий статистическим отделом губернской земской управы М.П. Красильников, а также уфимские любители старины К.А. Бух, В.И. Власов, А.Б. Иваницкий, А.А. Пекер.

Другим старейшим музеем России и Урала был **Вятский краеведческий музей**, созданный в 1866 г. по инициативе видного государственного и общественного деятеля, литератора, исследователя

края П.В. Алабина. За многолетнюю деятельность в музее был собран богатейший материал по истории, этнографии, культуре и природе Вятского края.

Пермский научно-промышленный музей (ПНПМ), как и большинство первых музеев в провинциях России, возник на базе местного общества по изучению природы и истории края – Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания в 1890 г., а самостоятельный статус обрел в 1901 г. Инициаторами создания Пермского музея выступили: доктор медицины П.Н. Серебренников, горный инженер, археолог Н.Н. Новокрещенных, естествоиспытатель, археолог С.И. Сергеев, ботаник, краевед П.В. Сюезв, ученый-лесовод, археолог Ф.А. Теплоухов и др. Пермский музей являлся крупным культурно-просветительным учреждением. За период 1891 – 1916 гг. в его фондах было собрано более 100 коллекций и более 13,5 тыс. отдельных предметов. В 1907 г. был издан «Краткий путеводитель Пермского научно-промышленного музея», составленный И.Г. Остроумовым. Важной частью музея была его библиотека, фонды которой постоянно расширялись. В 1907 г. был издан первый выпуск «Каталога книг о Пермском крае». При музее действовал Подвижной музей учебных пособий. Он снабжал учебные заведения г. Перми и соседних уездов наглядными учебными пособиями. «Главным детищем» музея в издательском плане стали «Материалы по изучению Пермского края» (1904 – 1915 гг.; 5 вып.) – научно-краеведческий сборник, в котором публиковались каталоги коллекций музея и их описания, статьи и доклады по вопросам истории уральской промышленности, культуры региона, проблеме колонизации Урала.

Одним из крупнейших научно-краеведческих обществ (НКО) Урала являлось **Уральское Общество любителей естествознания (УОЛЕ)**, которое объединило усилия отдельных исследователей-краеведов в деле всестороннего изучения края. Общество было открыто в Екатеринбурге в 1870 г. Инициатором его создания, главным организатором и фактическим руководителем был О.Е. Клер. Учредителями УОЛЕ выступили управляющий Уральского горного училища Н.К. Чупин, врач, заведующий госпиталем Верх-Исетских заводов А.А. Миславский, нижнетагильский врач П.В. Рудановский, преподаватель гимназии В.И. Обреимов, зоолог Л.П. Сабанеев, преподаватель Уральского горного училища Н.А. Иосса и другие – всего 80 человек. Общество поставило своей целью: «а) изучение и исследование Уральского края в естественноисторическом отношении; б) распро-

странение естественноисторических знаний в этом крае». Одновременно с открытием УОЛЕ были основаны его музей и библиотека. УОЛЕ издавало «Записки»: с 1873 по 1927 гг. вышло 40 томов в 106 выпусках. При Обществе работали комиссии: метеорологическая (с 1875 г.), археологическая (с 1890 г.), сельскохозяйственная (с 1895 г.), по распространению естественноисторических знаний (с 1896 г.), по охране памятников природы (с 1914 г.). Обществом были созданы: минералогическая мастерская (1896), Подвижной музей учебных пособий (1899). УОЛЕ создало на Урале широкую метеорологическую сеть, включавшую на 1914 г. 61 наблюдательную станцию. Члены Общества вели фенологические наблюдения, занимались флористическими и зоологическими, археологическими и этнографическими исследованиями, изучением края во многих других отношениях. УОЛЕ было инициатором и организатором Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге в 1887 г. В Перми в 1890 г. было открыто отделение Общества – Пермская комиссия УОЛЕ (1890).

Президентами УОЛЕ в дореволюционное время были горные инженеры В.А. Грамматчиков, И.П. Иванов, П.П. Боклевский, Р.Г. Миквиц, врач А.А. Миславский, преподаватель О.Е. Клер; хранителями музея – О.Е. Клер, лесничий И.С. Левандо, лаборант А.И. Дрездов, горный инженер В.М. Малахов, служащий железной дороги Д.И. Лобанов, горный техник Е.Н. Коротков, химик Л.Г. Романов и др. Среди активных членов Общества были провизор А.А. Черданцев, писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, фотограф В.Л. Метенков, археологи М.В. Малахов и В.Я. Толмачев, заводовладелец Д.П. Соломирский, пермские историки и краеведы А.А. Дмитриев, В.Н. Шишонко, И.Я. Кривошеков, Д.Д. Смышляев, П.В. Сюзов, лесничие Теплоуховы и др. Почетными членами Общества были многие видные русские и большой ряд иностранных ученых – Д.И. Менделеев, К.А. Тимирязев, Н.М. Пржевальский, А.П. Карпинский, А.Е. Ферсман, В.И. Вернадский, Ф. Нансен, А.Е. Норденшельд, Г.Ф. Кунц, барон де Бай и др. УОЛЕ имело широкие научные связи в России и за границей, считалось одной из крупнейших и авторитетнейших научно-краеведческих организаций в стране. Общество было закрыто в 1929 г. решением органов советской власти.

Вторая половина XIX – начало XX вв. стало временем возникновения специализированных научных обществ. Среди них видное место занимали **научно-технические общества** (НТО), создание ко-

торых стало следствием роста технических наук и их отделения от наук естественных, оживления общественной активности технической интеллигенции. В период с 1866 г. (открытие Императорского Русского технического общества (ИРТО)), по 1917 г. в России действовало около 50 НТО.

Возникновение НТО на Урале определялось потребностями уральской горнозаводской промышленности. Заметную роль играли **Уральское и Пермское отделения ИРТО и Общество уральских горных техников** (ОУГТ). Деятельность этих обществ была направлена на профессиональное единение технической интеллигенции и содействие развитию технического просвещения в крае. НТО были призваны сплотить уральских горных инженеров и техников «на почве научно-технической и взаимопомощи».

НТО Урала состояли, в основном, из представителей технической интеллигенции края. Состав обществ имел широкую географию. Их членами были горные инженеры и техники всей Уральской горнозаводской области, охватывавшей территории Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний. Среди них были представители разных слоев технического персонала горнозаводской промышленности края: инженер, металлург-металловед С.С. Штейнберг; инженер-химик, металлург Г.В. Вдовишевский; инженер-технолог А.В. Вологдин; сотрудник химической лаборатории Пермских пушечных заводов П.Г. Боголюбов; техник, конструктор по доменному оборудованию И.В. Поносов; лесничий М.И. Вейншток и др.

Печатные издания НТО Урала являлись одними из первых технических журналов в крае. «Записки» Пермского отделения ИРТО (ПО ИРТО) издавались в период с 1907 по 1917 гг.; вышло в свет 42 выпуска. В разное время редакторами «Записок» ПО ИРТО были инженер-технолог В.Г. Дьяконов, горный инженер И.Н. Темников, инженер-строитель А.Е. Ширяев. Журнал «Уральский техник» (печатный орган ОУГТ) начал выходить в свет с 1907 г. Всего в 1907-1917 гг. вышло 124 номера журнала. Журнал редактировали: В.М. Быков, С.И. Литвинов, С.Г. Турышев, Н.И. Башков, Я.Н. Чупраков.

НТО Урала ставили перед собой задачи: 1) знакомить своих читателей с новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки и техники; расширять кругозор читателей; 2) объединить силы технических кадров края на страницах специальных печатных органов; способствовать выяснению приемов и способов их профессиональной деятельности; 3) знакомить читателей с условиями жизни и

работы горных инженеров и техников в разных районах страны, в том числе на Урале; вести борьбу за улучшение этих условий; проводить в жизнь идею профессионального единения технических кадров; развивать и укреплять в них профессиональное самосознание; 4) устранить отчужденность, оторванность инженеров и техников, живущих в разных районах Уральского края; сплотить их для более продуктивной работы за отстаивание своих профессиональных интересов. Таким образом, НТО призваны были способствовать распространению общеобразовательных и технических знаний, освещать и защищать профессиональные интересы и нужды инженерно-технических кадров Урала. При ПО ИРТО действовала Постоянная комиссия по техническому образованию; при ОУГТ было создано Бюро труда, которое способствовало трудоустройству членов Общества.

Журналы НТО Урала отразили развитие горнозаводской промышленности Урала и ее отдельных отраслей в период раннеиндустриальной модернизации. Наиболее полно материалы этих изданий характеризуют состояние и развитие горнодобывающей, металлургической, топливной, золото- и платинопромышленности Урала начала XX в. Журналы также отразили развитие научной технической и экономической мысли, профессиональных сообществ уральской интеллигенции, формирование социальной психологии технической интеллигенции Урала.

Во второй половине XIX – начале XX вв. наблюдалось оживление общественной активности медицинской интеллигенции, которое выразилась в создании **научно-медицинских обществ** (НМО). Если в 1860-е гг. в России насчитывалось до 30 НМО, то к началу XX в. их число увеличилось до 120. На Урале в этот период действовали Оренбургское физико-медицинское общество, Общество врачей г. Вятки, Общество врачей Пермской губернии, Общество врачей Уфимской губернии, Уральское медицинское общество в г. Екатеринбурге.

На Урале медицинские общества издавали, главным образом, протоколы заседаний. На этом фоне выделялось **Уральское медицинское общество** (УМО), которое издавало журнал («Записки»), где публиковались не только протоколы, но и материалы научно-исследовательской деятельности его членов. Издание «Записок УМО» осуществлялось при финансовой поддержке Пермского губернского земства. «Записки» выходили в период с 1891 по 1915 гг. Редакторскую работу на протяжении всего времени издания «Записок» вел председатель общества, врач-педиатр Н.А. Русских. В издании приня-

ли участие более 40 человек, но наиболее активными корреспондентами были доктора медицины: А.А. Миславский, Д.П. Никольский, А.М. Новиков, В.М. Онуфриев, В.А. Падучев и врачи: А.А. Абражанов, Б.О. Котелянский, П.П. Кибардин, А.Э. Ландезен, А.С. Пономарев, А.И. Смородинцев, А.М. Спасский.

УМО активно сотрудничало с центральными и местными общественными организациями и осуществляло широкую научно-исследовательскую, просветительскую и практическую работу: принимало участие в систематическом углубленном изучении санитарного состояния региона; разрабатывало и внедряло в практику основные принципы предупреждения эпидемий и борьбы с ними; проводило местные санитарно-статистические исследования и разрабатывало основы санитарной статистики; положило начало систематическому изучению профессиональной заболеваемости и санитарных условий труда на предприятиях края; содействовало распространению медицинских знаний среди населения Урала.

Во второй половине XIX – начале XX вв. одним из направлений общественно-краеведческого движения являлось церковное краеведение. Мысль привлечь духовенство к сбору сведений о памятниках древности с целью их охраны высказывалась еще в начале XIX в. Приходские священники, как и епархиальные власти, были вовлечены в работу по изучению памятников через губернские и областные статистические комитеты еще в 1834 г. В дореволюционной России существовала целая сеть церковно-краеведческих организаций, которые много сделали для изучения истории епархий, отдельных приходов, монастырей и храмов, сохранения историко-культурного наследия. Созданию сети **церковно-археологических обществ** (ЦАО) в России предшествовало учреждение в 1865 г. Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода.

ЦАО создавались «с целью собрания местных исторических памятников и развития в местном обществе и особенно в среде духовенства и духовных воспитанников археологического интереса и знаний». Финансирование обществ осуществлялось из членских взносов, пожертвований епархиальной власти и доходов от изданий. Содержательная сторона деятельности ЦАО включала несколько направлений: 1) собирательно-охранительное, которое состояло в выявлении, описании и сохранении вещественных и письменных памятников, главным образом, архивов монастырей, духовно-учебных заведений и епархиальных учреждений, а также памятников зодчества: старинных

храмов, часовен и пр.; 2) изучение церковной жизни определенного региона, обследование местной церковно-религиозной жизни, изучение местных религиозных обычаев, преданий и обрядов; 3) пропаганда историко-археологических знаний в среде духовенства; 4) издательское.

На Урале действовали Вятский кружок любителей церковной старины (после 1908 г.), Екатеринбургское церковно-археологическое общество (1911), Пермское церковно-археологическое общество (1912), Уфимский церковно-археологический комитет (1913). Главным направлением исследовательской деятельности членов ЦАО было изучение местной истории и, прежде всего, истории церкви на Урале. ЦАО активно взаимодействовали с ГУАК. В работе ЦАО активное участие приняли деятели науки и культуры края П.С. Богословский, В.С. Верхоланцев, И.Я. Кривошеков, Н.Н. Новиков.

Размах краеведческого движения на Урале во второй половине XIX – начале XX вв. связан с модернизационными процессами, охватившими все сферы жизни. Из-за отсутствия в регионе высших учебных заведений научные изыскания проходили в рамках краеведческих обществ. Вокруг них формировалось местное научное сообщество, силы которого были направлены на всестороннее изучение края и популяризацию научных знаний среди его населения. Краеведческие организации внесли весомый вклад в изучение истории и культуры Урала и заложили традиции краеведческого движения в регионе.

4. Выдающимся ученым-энциклопедистом Урала второй половины XIX в. являлся **Наркиз Константинович Чупин** (1824-1882), историк-краевед, географ, этнограф, библиограф, педагог. Он родился в Екатеринбурге в семье чиновника Уральского Горного Правления, окончил историко-филологический факультет Казанского университета, работал преподавателем, а с 1862 г. до конца жизни – управляющим Уральского горного училища. Н.К. Чупин был автором более 50 научных статей – по истории, этнографии, географии края. Трудом всей его жизни стал «Географический и статистический словарь Пермской губернии», печатавшийся отдельными выпусками с 1873 г. и оставшийся незавершенным. Н.К. Чупин являлся первым историком Екатеринбурга, автором работы «Полуторастолетие Екатеринбурга». Ученый являлся одним из организаторов УОЛЕ, был членом ИРГО, членом-сотрудником Общества естествоиспытателей при Казанском университете, почетным членом Пермского статистического комитета

и многих других научных организаций. Был похоронен в Екатеринбурге в Ново-Тихвинском монастыре, близ Александро-Невского собора. В память об историке в 1882 г. по решению УОЛЕ была учреждена Чупинская медаль. В 1970 г. традицию вручения медали возродил Свердловский областной краеведческий музей. Медаль вручается один раз в год за активную краеведческую деятельность и научные труды по истории, географии, экономике Урала. С 2001 г. в г. Екатеринбурге проводятся «Чупинские Краеведческие чтения», посвященные истории, проблемам и перспективам уральского краеведения.

Одним из крупнейших краеведов конца XIX – начала XX вв. являлся **Онисим Егорович Клер** (1845-1920). Швейцарец по происхождению (родился в с. Корсель Невшательского кантона), в Россию он приехал в 1863 г. в качестве гувернера, получил свидетельство на право преподавания французского языка в русских гимназиях и остался здесь навсегда. Имел среднее образование (Невшательская Промышленная школа), много занимался самообразованием, естественными науками и археологией увлекался с детства. В 1864-1867 гг. жил в Ярославле, преподавал родной язык в женской гимназии, вошел в кружок натуралистов, создавших Общество для исследования Ярославской губернии в естественноисторическом отношении. В 1867 г. приехал в Екатеринбург, работал преподавателем французского языка в мужской гимназии (1867-1907), в реальном училище (1873-1878), смотрителем Екатеринбургской Магнитно-метеорологической обсерватории (1876-1886). По инициативе О.Е. Клера было создано УОЛЕ, которым он фактически руководил до конца своей жизни, занимая должность ученого секретаря УОЛЕ (1871-1898), хранителя музея (1902-1905), президента (1909-1920), редактора «Записок УОЛЕ». Благодаря работе в УОЛЕ О.Е. Клер был знаком со многими российскими и иностранными учеными, вел с ними переписку (сохранилась в его личном архиве). Будучи флористом-систематиком, О.Е. Клер постоянно занимался флористическими сборами на территории Урала, опубликовал многочисленные списки уральской флоры, выявил целый ряд новых растений, открыл новый растительный вид (шелковник Кауфмана). В «Записках УОЛЕ» печаталась серия его работ под общим названием «Материалы о флоре уральского края». Благодаря его организаторскому таланту и личным усилиям в музее УОЛЕ был создан огромный гербарий. Будучи метеорологом, исследователем климата Урала, О.Е. Клер стоял у начала организации широкой метеорологической сети в крае, опубликовал ряд научных работ по

метеорологии. Ученый был одним из первых уральских археологов, открывателем и исследователем ряда местных памятников древнейшей культуры, составителем первой археологической карты восточной части Урала. Среди наиболее крупных его работ были: «Заметки о некоторых доисторических предметах, найденных в Уральском крае» (1884), «Гончарное производство доисторического человека, жившего у дер. Палкино на р. Исети» (1895), «Предварительная заметка об открытии изображений животных на сосуде неолитической эпохи на Урале» (1901). Ученый заявил о себе также как исследователь в области палеонтологии, геологии, фенологии, этнографии. О.Е. Клер оставил заметный след в истории уральской педагогики как прогрессивный преподаватель-воспитатель, активно пропагандировавший новые формы обучения – наглядность, живую связь с природой, самостоятельность учащихся в изучении естествознания. О.Е. Клер являлся автором около 60 публикаций по краеведению, был награжден «за особые научные заслуги» шведским орденом «Полярная звезда», французским знаком отличия «Университетские (академические) пальмы», являлся членом более 20 русских и иностранных обществ. О.Е. Клер скончался в Екатеринбурге в 1920 г., был похоронен на екатеринбургском лютеранском кладбище. В память краеведа его именем академик А.П. Карпинский назвал нового представителя ископаемой фауны Урала, ботаник И.П. Крашенинников в его честь назвал новый вид уральского растения. В 1991 г. коллегией Управления культуры Свердловского облисполкома учреждена премия имени О.Е. Клера.

Видным уральским историком, краеведом второй половины XIX в. был **Александр Алексеевич Дмитриев** (1854-1902). Он родился в г. Дедюхине Соликамского уезда Пермской губернии в семье служащего, окончил Пермскую мужскую гимназию, историко-филологический факультет Казанского университета, преподавал историю и литературу в пермской гимназии, являлся инспектором народных училищ. А.А. Дмитриев был исследователем и организатором изучения истории Урала, создателем и председателем Пермской ученой архивной комиссии, редактором сборника «Пермский край». Основным трудом его жизни стал 8-томный сборник «Пермская старина», в котором им была разработана периодизация истории колонизации Урала. Ученый опубликовал более 140 исторических работ, являлся членом многих научных организаций, в том числе УОЛЕ. Умер и был похоронен в г. Перми.

Видным краеведом Урала второй половины XIX в. был **Василий Никифорович Шишонко** (1831-1889). Он родился в Черниговской губернии в семье крепостного, окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию (1856), с 1863 г. жил и работал в г. Перми – секретарем Пермского губернского статистического комитета (1868, 1870-1876), инспектором народных училищ Екатеринбургского уезда (1876-1879), директором народных училищ Пермской губернии (1879-1889). В 1888 г. В.Н. Шишонко был избран первым председателем Пермской губернской ученой архивной комиссии, являлся действительным членом УОЛЕ. Он собирал и обнародовал редкие исторические материалы, старинные книги, рукописи, стал автором крупной 7-томной публикации документов по истории Урала – «Пермская летопись» (1881-1889).

Выдающееся место среди пермских краеведов конца XIX – начала XX вв. занимала династия Теплоуховых. Родоначальником ее являлся **Александр Ефимович Теплоухов** (1811-1885). Он родился в с. Карагай Соликамского уезда в семье крепостного фельдшера графини С.В. Строгановой, окончил Ильинское двухклассное училище, Петербургскую Строгановскую школу сельского хозяйства и горных наук (1830), служил в петербургской конторе Строгановых, обучался в Тарандской лесной академии в Германии. В 1839 г. он получил вольную, преподавал лесоводство в Петербургской школе сельского хозяйства и горных наук (1839-1841), с 1841 г. служил главным лесничим, с 1864 г. по 1875 г. – управляющим Пермским имением Строгановых, где создал образцовое лесохозяйство. А.Е. Теплоухов занимался археологическими исследованиями на Урале, собрал большую коллекцию уральских древностей. Краевед опубликовал более 50 работ по лесоводству и археологии, был членом ВЭО (1845), Германского общества антропологии, этнологии и первобытной истории (1878), почетным членом УОЛЕ (1880) и многих других научных обществ и организаций, являлся учредителем Пермской ученой архивной комиссии.

Сын А.Е. Теплоухова **Федор Александрович Теплоухов** (1845-1905) унаследовал и дело и увлечения отца. Он родился в Санкт-Петербурге, окончил Пермскую гимназию, Тарандскую лесную академию в Германии (1868), Петровскую земледельческую и лесную академию (1872), являлся помощником главного лесничего, в 1875-1905 гг. – главным лесничим Пермского имения Строгановых. Вел археологические исследования на Урале, продолжал собирать кол-

лекцию древностей отца, опубликовал ряд научных работ по археологии. Ф.А. Теплоухов стал одним из организаторов и первым почетным членом Пермского научно-промышленного музея (1890), являлся действительным (с 1875 г.), а затем почетным (с 1894 г.) членом УОЛЕ и других научных обществ. Краевед занимался также ботаникой, энтомологией, орнитологией, вел фенологические наблюдения. Сын краеведа **Александр Федорович Теплоухов** (1880-1943) тоже стал ученым лесоводом, помощником главного лесничего Пермских имений Строгановых, в советское время был консультантом по лесным вопросам Уралплана. Он также увлекался археологией, этнографией, энтомологией, являлся действительным членом УОЛЕ (с 1910 г.).

Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828-1893), пермский историк-краевед и библиограф, происходил из семьи богатого купца. Он окончил Пермскую мужскую гимназию (1844 г.), стал составителем, редактором и одним из авторов «Пермских сборников» (1859, 1860). Д.Д. Смышляев являлся основоположником краеведческой библиографии, составителем «Указателя статей о Пермской губернии, помещенных в «Казанских известиях» (1811-1820)» и «Указателя статей о Пермской губернии, напечатанных в «Пермских губернских ведомостях» (1839-1858)» (1860), автором книги «Источники и пособия для изучения Пермского края» (1876), «Сборника статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842-1881 гг.», «Сборника статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в течение 1881-1884 годов», «Указателя статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867 – 1889 гг.» (1891), обзора «Ежегодники Пермской губернии» (1891). Он был редактором «Сборника Пермского земства» (1872-1878), неофициального отдела «Пермских губернских ведомостей» (1882). Среди его исторических трудов – «Летопись губернского города Перми» (1881), «К истории судоходства в Зауралье» (1877), «Сборник статей о Пермской губернии» (1891). Он возглавлял губернскую земскую управу, был секретарем Пермского губернского статистического комитета, действительным, затем почетным членом УОЛЕ, членом Императорского Русского Археологического общества и других научных организаций.

Иван Яковлевич Кривошеков (1854-1918) – видный пермский краевед (географ, картограф, археолог, этнограф, экономист) – происходил из семьи крепостного служащего графов Строгановых,

родился в с. Кудымкар. Он окончил Кудымкарское начальное училище и Московскую земледельческую школу. Окружной инспектор в с. Ильинском (1882), лесничий Добрянского завода. С 1909 г. жил в Перми. Краевед опубликовал около 25 научных трудов – по истории, географии, статистике Урала. Среди них были такие исторические работы, как «Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники» (1912), «К вопросу исчезновения Камской Чуди» (1904), «Река Кама, как водный путь» (1914), «Материалы для истории села Кудымкара». Он являлся составителем первой обстоятельной географической карты Пермской губернии, а также географических карт Верхотурского, Екатеринбургского (1910), Соликамского (1897) уездов, географо-статистических словарей Верхотурского (1910), Чердынского, Соликамского уездов, географических очерков Пермской губернии (1906). Краевед был крупным общественным деятелем (гласный по Соликамскому уезду, действительный, затем почетный член УОЛЕ, действительный член ИРГО, Пермской ученой архивной комиссии, Пермского научно-промышленного музея), он получил бронзовую медаль Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. за карту Пермской губернии и серебряную медаль имени П.П. Семенова-Тян-Шанского за второе издание карты Пермской губернии (1913 г.).

Видным пермским краеведом конца XIX в. являлся горный инженер **Николай Николаевич Новокрещенных** (1842-1902). Он родился в Юговском заводе в семье унтершхтмейстера, окончил Санкт-Петербургский Технологический институт (1863), работал на уральских заводах, в 1874-1889 гг. управлял заводами и соляными промыслами кн. Абамелек-Лазаревой. Н.Н. Новокрещенных был действительным членом УОЛЕ (1872), занимался историческими и археологическими исследованиями на Урале, стал учредителем и председателем Пермской комиссии УОЛЕ (1890), Пермской ученой архивной комиссии (1893-1898).

Среди пермских краеведов крупной фигурой был **Павел Васильевич Сюзов** (1867-1928). Он родился в с. Кудымкар, в крестьянской семье, окончил Пермское реальное училище, в 1891-1893 гг. он работал в Ботанической лаборатории Петербургского университета, в 1895 г. поступил практикантом по лесоводству в Пермское имение Строгановых, служил помощником окружного лесничего в с. Ильинском. В 1904-1905 гг. П.В. Сюзов участвовал в русско-японской войне, вернувшись в Пермь, он занялся активной краеведческой работой

как ботаник-флорист, фенолог, географ, стал одним из составителей и редактором «Иллюстрированного путеводителя по р. Каме и по р. Вишеру» (1911), «Конспекта флоры в пределах Пермской губернии» (1912). Краевед являлся действительным членом УОЛЕ, Пермской ученой архивной комиссии, автором более 50 научных работ, принимал активное участие в работе Пермского научно-промышленного музея. В 1918-1919 гг. он работал ассистентом, затем преподавателем на кафедре ботаники Пермского университета, в 1924 г. стал профессором Пермского университета. Его именем названа улица в г. Перми.

Развитие общественно-краеведческого движения неразрывно связано с людьми, внесшими значительный вклад в изучение Уральского края. Среди них ученые, преподаватели, учителя, музейные работники, журналисты, краеведы-любители. Деятельность каждого из них – пример подвижничества в деле всестороннего исследования родного края, распространения и популяризации научных знаний, развития традиций исторического краеведения на Урале.

Вопросы:

1. Выделите основные этапы становления и развития краеведения в России в XVIII – начале XX вв.
2. Каковы особенности развития уральского краеведения?
3. Определите вклад научных обществ в развитие краеведения на Урале.
4. Назовите исследователей Уральского края и определите их роль в развитии традиций краеведческого движения.

Литература:

- Архипова Н.П. Вклад западноевропейских ученых XVIII-XIX веков в познание природы Урала // Известия УрГУ. 2002. № 23. С.135-145.
- Архипова Н.П. Имена ученых и путешественников на карте Урала. Екатеринбург, 1997.
- Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Свердловск, 1990.
- Бердинских В.А. Ремесло историка в России. М., 2009.
- Бердинских В.А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003.
- Дашкевич Л.А., Бугаева С.Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век. Екатеринбург, 1997.
- Зорина Л.И. Екатеринбургские общества – предшественники Уральского общества любителей естествознания // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000.

- Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870-1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996.
- Историки Урала XVIII – XX вв. Екатеринбург, 2003.
- Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиографический справочник / Сост. Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. Пермь, 2000.
- Летописцы родного края. Свердловск, 1990.
- Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества пореформенного Урала // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 185-198.
- Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. / Сост., ред. А.Е. Загребин, О.М. Мельникова. Ижевск, 2012.
- Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.
- Усанов В.И., Свечников П.Г. Летописцы старого Урала. Челябинск, 1995.

ГЛАВА II. КРАЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ И НА УРАЛЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

План:

1. Краеведение в России и на Урале в 1920-1930-е гг.: трудности и противоречия.
2. Краеведческое движение в середине и во второй половине XX века.
3. Проблемы и перспективы развития современного краеведения.

1. События октября 1917 г., приведшие к смене политического строя в России, оказали большое влияние и на ситуацию в духовной сфере. Культура, по мнению большевиков, не только должна была стать достоянием масс, но и превратиться в новую, социалистическую культуру. Проблемы культурно-просветительной деятельности оказались в сфере внимания власти достаточно быстро, возможно потому, что просветительство связывалось, прежде всего, с проблемами агитации и пропаганды.

Взяв политическую власть в свои руки, большевики приступили к построению «пролетарского социалистического государства» (В.И. Ленин). В первые же дни после победы Октября советское правительство определилось и в области культурного строительства. В

частности, как первоочередная, была поставлена задача охраны памятников истории и культуры. 4 (17) ноября 1917 г. было опубликовано воззвание, в котором говорилось, что «народ унаследовал огромные культурные ценности – памятники архитектуры, музеи, библиотеки: все это поможет бедняку и его детям быстро перерасти образованностью прежние господствующие классы, поможет стать новым человеком, обладателем старой культуры, творцом еще невиданной культуры». Далее последовали декреты о национализации крупных музейных собраний. Вместе с тем правительство призывало бдительно охранять культурное достояние народа.

24 сентября 1918 г. «Известия ВЦИК» публикуют декрет «О вывозе за границу памятников искусства и старины», подписанный В.И. Лениным, А.В. Луначарским, В. Бонч-Бруевичем. Декрет запрещал вывоз за границу предметов особого художественного и исторического значения без разрешения Наркомата просвещения.

Ранее в ноябре 1917 г. при Наркомпросе РСФСР была создана Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Одной из задач коллегии была национализация наиболее ценных музейных собраний, находившихся во дворцах, монастырях, церквях, у частных лиц. В мае 1918 г. коллегия была преобразована в специальный музейный отдел Наркомпроса РСФСР, руководивший работой центральных и местных музеев и охраной памятников. В декабре 1918 г. Постановлением НКП РСФСР были созданы губернские подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при отделах народного образования Губсоветов.

Бурное развитие краеведческого движения в стране в 1920-е гг. не было случайным. Молодое советское государство ставило перед краеведением и музейными учреждениями серьезные и ответственные задачи: оказание хозяйственному и культурному строительству страны максимальной помощи путем повышения трудовой активности и культурного уровня населения. Краеведческие организации сыграли большую роль в музейном строительстве, которое приняло особый размах с переходом страны к восстановлению народного хозяйства после Гражданской войны. Причиной роста краеведческих учреждений явилось закономерное слияние двух тенденций: деятельности общественности в дореволюционный период и назревшая необходимость сохранить достояние национальной культуры, оказавшееся бесхозным в результате революционных событий.

В декабре 1921 г. Народный комиссариат просвещения РСФСР созвал в Москве I Всероссийскую конференцию научных обществ по краеведению, где было представлено 67 организаций. Народный комиссар просвещения А.В.Луначарский в своем докладе показал значение советского краеведения и определил его задачи. Были заслушаны доклады по отдельным отраслям краеведческой работы, в том числе и по историческому краеведению. Был разработан типовой Устав краеведческих обществ и высказаны пожелания - создать руководящий центр – Центральное Бюро Краеведения, ввести преподавание краеведения в университетах и педагогических институтах.

В связи с задачами восстановления народного хозяйства, ростом потребности в местных ресурсах, выяснением условий и возможностей строительства нового общества краеведческое движение обрело новые организационные формы. В январе 1922 г. при Академии наук было создано **Центральное Бюро Краеведения (ЦБК)** с Петроградским и Московским отделениями. Возглавил ЦБК академик Д.Н.Анучин, после его смерти в 1923 г. – академик С.Ф. Ольденбург, с 1927г. – П.Г. Смидович. Почетным председателем ЦБК был избран академик А.П.Павлов. В составе Президиума ЦБК были такие ученые, как А.Е. Ферсман, Н.Я. Марр, В.П. Семенов-Тянь-Шанский. При ЦБК была организована школьно-краеведческая комиссия, в задачу которой входило наметить пути и средства дальнейшего сближения преподавания школьных предметов с краеведческой работой, а также разработка методики проведения школьного краеведения. Центральный Комитет РКП(б) принял меры к тому, чтобы обеспечить партийное руководство краеведческой работой. Ее непосредственно осуществляли: Н.К. Крупская – заместитель Наркома просвещения, Ф.Н. Петров – начальник Главнауки Наркомпроса.

Количество краеведческих организаций в стране увеличивалось с каждым годом. Кружки и общества охватывали широкие массы населения. Необходимо было выработать более четкие формы краеведческого движения, конкретизировать направления дальнейшей работы. II Всероссийская конференция по краеведению, состоявшаяся в декабре 1924 г. в Москве, отметив некоторые успехи в развитии краеведческого движения, признала необходимым подчинить Центральное Бюро Краеведения Главному управлению научных учреждений (Главнауке) Наркомпроса. Конференция предлагала принять меры по вовлечению в краеведческие организации широких масс трудящейся молодежи.

11-14 декабря 1927 г. состоялась III Всероссийская краеведческая конференция. Выступая на ней, Н.К.Крупская отметила большое значение краеведения для народного образования. На конференции были заслушаны доклады о политической роли советского краеведения, его значении для социалистического строительства, развитии массового краеведения. Признав линию партии руководящей для краеведческого движения, конференция наметила следующие важнейшие задачи: повышение идейно-политического уровня работы, вовлечение в нее широких масс трудящихся, подготовку новых кадров. Таким образом, с 1920-х гг. шел процесс постановки всей работы в области краеведческой и музейной деятельности под идеологическое влияние правящей партии.

В 1930 г. краеведение было введено в программы педагогических вузов. В этом же году при Коммунистической академии была организована секция по краеведению, а в 1931 г. создано Общество краеведов-марксистов как общесоюзный центр по подготовке кадров краеведов-марксистов для научной разработки и пропаганды марксистско-ленинской методологии в области краеведения.

Центральное Бюро Краеведения было переведено из Ленинграда в Москву. Оно объединяло и направляло деятельность местных организаций на решение очередных задач социалистического строительства и разработку актуальных научных проблем.

Историческое краеведение играло важную роль в музейном и архивном строительстве, в охране памятников истории и культуры, была начата работа по сбору новых материалов - по истории революционного движения, по истории городов и сел.

Большое внимание при организации научно-исследовательской работы на местах стало уделяться кадрам. Планируя работу на 1929/1930 гг., Главнаука включила в свой производственный план учет, изучение и проверку личного состава музеев и краеведческих обществ, имевшую целью «коммунизацию учреждений». Старые специалисты не просто изгонялись с работы, против некоторых из них были выдвинуты обвинения в контрреволюционной деятельности и они были осуждены к заключению на Соловках, Беломор-Батлаге (Н.П. Анциферов, М.Д. Беляев, Т.С. Габаев, М.И. Смирнов и др.).

В вину Н.П. Анциферова на этапе следствия были вменены командировки в местные краеведческие организации с поручениями ЦБК, которые якобы являлись центром контрреволюционной органи-

зации, излишнее увлечение историей края и отвлечение краеведов от задач «производственного краеведения», возражения против внесения щитов с фотографиями, цитатами и диаграммами в мемориальные залы Детско-сельского дворца, задуманное и проведенное молодыми сотрудниками «не без влияния Политпросвета». Получив в 1928 г. первое заключение в Соловецкий лагерь за участие в философско-религиозном кружке, по новым обвинениям Н.Анциферов получил дополнительный срок, который отбывал на строительстве Беломор-Балтийского канала.

В результате такого «разгрома» кадров, Наркомпрос констатировал, что в первой пятилетке наблюдалась «частая смена и текучесть кадров, случайность подбора и недостаток подготовки их к музейной работе».

22-24 марта 1930 г. прошла IV Всероссийская конференция по краеведению. На ней были заслушаны доклады «Роль краеведов на путях социалистического строительства» и «О путях социалистического строительства»; также обсуждались теоретические и организационные вопросы. Было принято решение перестроить сеть краеведческих организаций так, чтобы обеспечить их «подлинную массовость». Старые краеведческие общества упразднялись. На фабриках, заводах, в колхозах, вузах, школах создавались новые краеведческие ячейки под руководством районных, окружных и областных бюро краеведения. 30 марта 1931 г. СНК РСФСР принял постановление «О мерах по развитию краеведческого дела», в котором перед краеведами выдвигались следующие задачи: «Изучение производительных сил и природных богатств страны, изыскание дополнительных местных ресурсов, могущих быть использованными в интересах развития социалистического строительства и ускорения культурного роста страны...».

Значительное место в краеведческой работе отводилось школе. Развитие школьного краеведения этого периода характеризовалось комплексным изучением природных, экономических и социальных условий родного края. Наркомпросу поручалось всемерно развертывать краеведческую работу в школах.

Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» предусматривало введение элементов краеведения в школьное преподавание. В нем указывалось: «Признать необходимым в учебные программы по обществоведению, литературе, языкам, географии и истории ввести

важнейшие знания, касающиеся национальных культур народов СССР, их литературы, искусства, исторического развития, а также и элементы краеведения СССР (природные особенности, промышленность, сельское хозяйство, социально-экономическое развитие и т.д.)»).

На местах была проведена большая работа по локализации школьных программ, нашедшая свое выражение в брошюрах, статьях, методических разработках. Историко-краеведческая работа вводила в научный оборот новые источники, способствовала работе местных музеев. Письмо-директива Наркомпроса «О постановке и организации краеведческой работы» от 25 апреля 1938 г. предписывала развернуть краеведческую работу в школах, вузах, культпросветучреждениях, производственных коллективах под научно-методическим руководством местных краеведческих музеев. Однако стремление к перестройке школьной системы образования повлекло за собой ряд ошибок, в частности, преувеличению роли краеведения в изучении программных дисциплин.

С конца 1920-х гг. краеведческое движение пошло на убыль. Было ликвидировано Центральное Бюро Краеведения, краеведческие общества по всей стране подверглись идеологическим, политическим и административным давлению со стороны тоталитарного государства; многие краеведы были подвергнуты арестам и ссылкам.

В плане изучения краеведческого движения в различных регионах страны определенный интерес представляет Урал – крупнейший экономический и культурный центр России. Действовавшие до 1917 г. краеведческие организации (УОЛЕ, Оренбургский отдел Русского Географического общества, Круг по изучению Северного края при Пермском университете и т.д.) внесли весомый вклад в изучение Урала и заложили традиции краеведческого движения в регионе. В 1920-е гг. резко возросло количество краеведческих организаций. В 1920 г. на Урале насчитывалось 16 краеведческих музеев и 6 краеведческих обществ. Причиной роста краеведческих учреждений явилось закономерное слияние нескольких тенденций: возрастание интереса к краеведению, осознание необходимости спасти и сохранить достояние национальной культуры, оказавшееся бесхозным в результате революции и Гражданской войны, а также направляющая роль в создании новой сети краеведческих организаций государства.

Период с 1917 по 1929 гг. вошел в историю науки как «золотое десятилетие» отечественного краеведения (С.О. Шмидт). Причины

столь высокого взлета краеведческого движения, его необыкновенное влияние на научную, культурную и общественную жизнь российской провинции до сих пор еще не до конца раскрыты исследователями.

До революции краеведение на Урале, как и по всей стране, основывалось в основном на коллекционировании, случайном выборе тем. Просветительной деятельности, вопросам популяризации научных и краеведческих знаний среди широких слоев населения уделялось недостаточное внимание. Новая власть поставила задачу перестройки краеведческой работы, чтобы она стала одной из форм вовлечения широких масс в культурное и хозяйственное строительство.

Большое значение для развития краеведения и музейного дела региона сыграл Первый съезд музейных деятелей Урала, состоявшийся в апреле 1921 г. в г.Екатеринбурге по инициативе УОЛЕ. Впервые музейные работники получили возможность встретиться и вместе обсудить наболевшие вопросы. Несмотря на все трудности того времени, откликнулись почти все приглашенные учреждения и организации (в работе приняли участие представители из Тюмени, Челябинска, Златоуста, Шадринска, Ирбита, Камышлова, Верхотурья, Алапавска, Нижнего Тагила, Перми и других мест). На съезде была высказана мысль о создании объединения музеев Урала и Приуралья. Была создана комиссия, в состав которой вошел представитель от каждой губернии, разработан проект положения об объединении музеев. Решения съезда сыграли большую роль в деле интенсификации развития музейно-краеведческой работы на Урале в первые годы Советской власти.

К 1924 г. на Урале существовало уже около 20 краеведческих организаций. Необходимо было объединение усилий всех существующих краеведческих обществ и музеев, создание координационного центра. Эта задача была возложена на **Уральское областное бюро краеведения** (УОБК), организованное в Свердловске на II Уральском Областном краеведческом съезде в октябре 1924 г., работавшее под руководством Центрального Бюро Краеведения. Основными задачами съезда определялись: выявление состояния краеведческого движения, перспективы его развития, планирование научно-исследовательской и культурно-просветительной работы, организация постоянной плановой связи направлений деятельности с народнохозяйственными потребностями края.

Участники съезда утвердили положение о Бюро, в задачи которого входило: учет работы краеведческих организаций на территории

области, планирование и научное руководство краеведческой работой.

Бюро представляло интересы уральского краеведения в союзных и республиканских органах, организовывало лекции, доклады, привлекало массы к изучению родного края, охраняло памятники истории и культуры. Деятельность Бюро распространялась на всю Уральскую область; в его подчинении находились окружные и районные бюро краеведения.

Руководство УОБК было утверждено в составе: Я.А. Истомин (председатель), Л.М. Хандросс (ученый секретарь), В.М. Быков; работавшие в Перми Д.М. Бобылев и проф. П.С. Богословский. С 1926 г. в Бюро начали работать Б.В. Дидковский, М.А. Протопопов, А.А. Берс. До 1930 г. УОБК находилось в подчинении Главнауки Наркомата просвещения РСФСР, а затем сектора науки Наркомпроса.

Истомин Яков Алексеевич (1887-1939) – видный общественный деятель, организатор народного образования на Урале. В 1924-1927 гг. – заведующий Уральского областного отдела народного образования, редактор журналов «Уральский учитель», «Записки Уральского общества любителей естествознания», позже «Краеведение на Урале», «Информационный бюллетень краеведческой работы на Урале». С 1927 по 1937 гг. работал в Уральской (Свердловской) областной плановой комиссии заведующим сектором культуры и быта; один из авторов 1-го и 2-го пятилетнего планов развития народного хозяйства Уральской (Свердловской) области по разделу «Культурное строительство». Репрессирован в 1937 г.

Съезд явился вехой, с которой начался период объединенной организационной работы уральского краеведения. В 1925 г. Екатеринбургский музей, существовавший ранее за счет частных пожертвований, был выделен из УОЛЕ и подчинен Центральному Бюро краеведения АН СССР, с переименованием в Уральский государственный (позже Свердловский областной краеведческий). Уже тогда на его фондах предполагалось развернуть новые экспозиционные помещения, создать новые музеи.

Значительное место в массовой работе Уралмузея занимала организация выставок по актуальным вопросам. В начале 1920-х гг. Уралмузей принимал участие в выставке «Колчаковщина», устроенной Истпартом; в выставке горисполкома, посвященной 200-летию Екатеринбурга. Выставка на III Уральской областной краеведческой

конференции, посвященная памяти Д.Н.Мамина-Сибиряка, послужила основой для создания литературно-мемориального музея писателя.

Уральскую областную краеведческую организацию долгое время возглавляла группа ветеранов партии. Второй съезд краеведения во многом был обязан своему созыву В.М. Быкову, члену первого Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов (1917 - 1918).

Виктор Михайлович Быков (1888-1925) после Февральской революции вел активную партийную работу на Урале. В 1922 г. был назначен заведующим Уралистпартом. Принимал участие в пропаганде историко-революционной тематики, развитии исторической науки на Урале. Он был составителем и редактором справочника-путеводителя “Свердловск – столица Урала” (1924).

Одним из крупнейших уральских краеведов был **Борис Владимирович Дидковский** (1883 - 1938), активный участник революционных событий и Гражданской войны на Урале, член Уральского обкома партии, президиума Облисполкома, ВЦИК XIV и XV созывов, один из организаторов Уральского государственного университета (1920). Б.В. Дидковский возглавлял комиссию по переименованию Екатеринбурга, был редактором цикла лекций-конспектов для политпросвета по истории и географии Урала, внес большой вклад в развитие музейного дела Свердловской области. В течение 5 лет он занимал по совместительству должность директора музея УОЛЕ, работая на общественных началах. При его содействии музей получил новое благоустроенное помещение, был увеличен штат сотрудников, созданы отделы уральской промышленности и истории развития рабочего движения.

Благодаря активности энтузиастов краеведческого движения, уже к концу 1920-х гг. УОБК возглавляло деятельность 120 краеведческих организаций различного масштаба, объединивших в своем составе около трех тысяч человек.

К десятилетию Октябрьской революции в Свердловске в бывшем доме особого назначения инженера Н.Н.Ипатьева, где в 1918 г. была расстреляна бывшая царская семья, открылся музей революции. В эти же годы появился Уральский антирелигиозный музей в помещении Вознесенской церкви. Новые музеи носили политический характер, выполняя социальный заказ.

В 1927 г. по инициативе членов УОБК была проведена первая реорганизация Уралмузея, придавшая его работе чисто краеведческое

направление. Музей поставил цель – охарактеризовать различные стороны Уральской области. К примеру, отдел промышленности должен был дать общее представление о состоянии уральской промышленности и перспективах ее развития.

По инициативе краеведов, УОБК промышленно-экономические уголки создавались при фабриках, заводах, а уголки сельского хозяйства и кооперации при избах-читальнях в деревнях. На заседании УОБК было решено составить автобиографии героев труда Урала, записывать их воспоминания, а затем представить эти материалы в промышленно-экономических отделах. В это время в Уралмузее открылись новые отделы: «История развития рабочего движения», «История Октябрьской революции и борьба за Советскую власть на Урале».

На территории Уральской области в 1928 г. находилось 44 музея, не считая ведомственных музеев и постоянных выставок при учреждениях и предприятиях, и 65 краеведческих организаций. Почти все музеи и краеведческие организации, кроме Уральского областного государственного музея, Тобольского, Пермского, Сарапульского, Чердынского, Обдорского музеев, общества изучения Тобольского Севера и УОЛЕ возникли в 1920-1926 гг.

В 1928 г. по количеству краеведческих организаций Урал занимал среди других областей страны 3 место.

Активное участие в краеведческом движении принимали свердловчане А.А. Анфиногенов, В.А. Батманов, пермяки А.С. Лебедев, И.Г. Остроумов, В.Н. Серебренников, Н.Н. Серебренников, шадринцы В.П. Бирюков, тагильчанин А.П. Слобцов, чердынец И.А. Лунегов, челябинец И.Г. Горохов.

Одним из ярких представителей краеведческого движения был **Валентин Николаевич Серебренников** (1881-1943). Он принимал активное участие в создании Клуба по изучению Северного края. В 1924-1928 гг. В.Н. Серебренников работал в Кунгуре. Был создателем общества краеведов, издававшего ежемесячный журнал «Кунгурско-Красноуфимский край». В марте 1928 г. В.Н.Серебренников уехал в Свердловск, работал в Уральском бюро краеведения, с сентября того же года – в Челябинском музее, откуда в 1929 г. возвратился в Пермь. С 1930 г. работал в Пермском краеведческом музее. С его именем связано возникновение собирательского интереса в Прикамье к такому жанру народного творчества, как заговоры и заклинания, загадки, частушки, пословицы и поговорки, солдатские песни, сказки, перм-

ские диалекты, календарные обряды, народный театр. По своим записям подготовил сборник фольклорных произведений «Меткое слово», который должен был увидеть свет в 1941 г. в Свердловске под заголовком «Фольклор Прикамья», но помешала война; книга появилась только в 1964 г. В.Н. Серебренников занимался методической работой, составил инструкцию «О записывании произведений народного творчества». При его активном участии в школах организовывались краеведческие кружки. Занимаясь краеведением около 40 лет, В.Н. Серебренников оставил после себя большую коллекцию записей текстов фольклорных произведений.

Николай Николаевич Серебренников (1900-1966) – музейный работник, собиратель основных коллекций Пермской государственной художественной галереи, в том числе уникальных коллекций – пермской деревянной скульптуры, организатор и первый председатель Пермской организации Союза художников (1931-1939); с 1925 по 1949 гг. – директор Пермской государственной художественной галереи, с 1949 г. по 1960 г. – главный хранитель галереи, общественный деятель.

В 1921 г. организовал в с.Ильинском Пермской губернии музей, был собирателем ботанических, минералогических, археологических коллекций. С 1923 г. Н.Н. Серебренников стал научным сотрудником Пермского музея. С 1923 г. по 1926 г. он организовал 6 экспедиций в северные районы Пермской области по сбору памятников искусства и старины. В 1924 г. по результатам экспедиций была организована выставка, которая стала настоящим открытием искусства края. В 1928 г. вышла книга «Пермская деревянная скульптура», в которой Н.Серебренников впервые систематизировал собранную коллекцию, атрибутировал, сделал каталог, собрал колоссальный исторический и библиографический материал. В 1925-1927 гг. Н.Н. Серебренников организовал первые выставки современного искусства Урала, которые явились прообразом будущих художественных региональных выставок «Урал социалистический» (1964-1989), с 1991 – «Урал». В период Великой Отечественной войны организовал и был директором мастерских агитационных плакатов, где работали пермские и эвакуированные из Москвы и Ленинграда художники. В 1959 г. Н.Н. Серебренников завершил 25-летний труд «Урал в изобразительном искусстве», в котором впервые рассмотрел изобразительное искусство Прикамья и Урала в синтезе с историей края и особенностями его промышленного и культурного развития. Современную художествен-

ную жизнь Перми особенно ярко отразила книга-альбом Н.Н. Серебренникова «Художники Перми», в которой даны основательные библиографические справки о живописцах, графиках, скульпторах, работавших в Перми в 1950-60-е гг.

После утверждения плана первой пятилетки Главнаукой 20 июня 1929 г. было принято постановление «О пропаганде пятилетнего плана», в котором указывалось, что исследовательская работа краеведческих музеев должна быть в большей степени, чем раньше, сконцентрирована на изучении производительных сил страны в целях реализации пятилетнего плана.

В начале 1930-х гг. Центральное бюро краеведения активно проводило работу по пропаганде задач советского краеведения среди широких масс, по вовлечению в краеведческое движение трудящихся города и деревни. С этой целью практиковались заседания краеведческих организаций на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, организовывались выставки книг в библиотеках, красных уголках, избах-читальнях, проводились агитационные краеведческие пятидневки.

Представители УОБК приняли активное участие в работе межведомственной комиссии по выработке пятилетнего плана. Члены Нижне-Тагильского общества изучения местного края участвовали в составлении пятилетнего плана городов Нижнего Тагила, Надеждинска, Алапаевска. Тагильское общество изучения местного края предложило организовать на Урале «завод-музей», где в неприкосновенности сохранились бы местные особенности, характерные для уральских заводов: особые конструкции горнов, «кулачных» молотов, эллиптическая домна.

В связи с решением партии создать на востоке страны вторую сырьевую базу, остро встал вопрос о местных энергетических ресурсах. В 1931 г. УОБК организовал поход краеведов для разведки полезных ископаемых Урала, который дал существенные результаты. В районе Кунгура была открыта магнитная аномалия, было выстроено несколько заводов, велась разработка минерального топлива, открытого силами краеведов. И.Коновалов, заведующий краеведческим музеем в Усолье, нашел колчедан, алебастр. Чердынское краеведческое общество вело исследования на северной реке Вишере, где позднее было обнаружено крупнейшее месторождение алмазов. Все это свидетельствовало о том, что работа краеведов в содружестве с музеями приносила несомненную пользу.

В 1920-30-е гг. на Урале наметилась тенденция к научной специализации создаваемых музеев. Возникали производственно-технические, сельскохозяйственные, геологические, музеи революции. В 1923 г. при доме крестьянина в Уфе был создан сельскохозяйственный музей; в 1930 г. организован музей живой природы – Свердловский зоопарк; в 1931 г. открылся Асбестовский геологический музей – единственный в стране музей такого профиля (музей асбеста).

Члены краеведческих обществ остро ощущали необходимость спасения культурных ценностей, архивных фондов и особенно памятников архитектуры. В 1925 г. при Уральском областном бюро краеведения была организована комиссия по охране памятников старины и искусства. На заседаниях комиссии рассматривались вопросы охраны исторических объектов, например, домов декабристов Е.П. Оболенского и А.Е. Розена в Кургане, проводились мероприятия по учету, описанию, составлялись охранные грамоты.

Большое внимание вызвал доклад Л.М. Каптерева о необходимости охраны архитектурных памятников Далматова монастыря. В 1922 г. краеведами был основан Далматовский музей-монастырь. Подобные музеи-монастыри в те годы возникали во многих российских религиозных центрах, но на Урале музей-монастырь был создан только в Далматове. Во главе комитета по охране монастыря стоял заведующий музеем И.Я. Иванча, который сообщал в Центральное бюро краеведения: «Местная власть никак не может примириться с тем, что музей-монастырь, то есть его имущество является не неподведомственным и служит только для нужд музея». К сожалению, несмотря на все усилия краеведов, старинный комплекс монастыря сохранить не удалось. И.Я. Иванча был арестован в 1930 г., музей распался, его имущество растащили. От Далматова монастыря остались только развалины.

Более счастливая судьба выпала на долю Дома Воеводы в Соликамске, который И.Э. Грабарь назвал «одним из драгоценных памятников гражданского зодчества Древней Руси». По инициативе краеведов памятник был спасен и передан для размещения экспозиции краеведческого музея.

Краеведы Верхотурья приняли меры по охране Одигитриевской церкви, единственного дошедшего до нас памятника древнерусской деревянной архитектуры на Урале.

Много сделал для спасения культовых памятников Нижнего Тагила директор краеведческого музея А.Н. Словцов, вставший на защиту от сноса Выходно-Иерусалимского собора и Выйско-Никольской церкви, творения великого К.А. Тона. Со спора о культовых памятниках началась травля краеведа в прессе. А. Словцова обвиняли в том, что он защищает эти сооружения в интересах церковников. Осенью 1934 г. краевед был арестован и приговорен к восьми годам лишения свободы как организатор и руководитель антисоветской группировки в музее.

Оригинальные идеи культурологических исследований в отдельных регионах в те годы зарождались на местах. Так, в 1927 г. вышла работа профессора Пермского университета П.С. Богословского «О постановке культурно-исторических изучений Урала», опубликованная в первом выпуске сборника «Уральское краеведение».

В своей работе П.С. Богословский выступил как один из первых историков культуры Уральского региона, сформулировав основные принципы всесторонних культурологических исследований родного края. Он дал веское обоснование причин особой ценности культурно-исторических изучений региона. Урал и Прикамье отличает богатство и своеобразие культуры и быта, что обусловлено чрезвычайно пестрым составом населения. Исследователь определил Уральскую область как огромную географическую единицу со специфическими факторами культурно-социального порядка. Отмечая факт переселения на Урал десятков тысяч крестьян из различных мест европейской России, П. Богословский обосновал наличие здесь «своеобразной горнозаводской цивилизации» с особой идеологической сущностью и специфическим стилем художественного оформления.

Деятельность краеведческих обществ на Урале в 1930-е гг. была прекращена или парализована. Краеведческая деятельность по всей стране, в том числе и на Урале, искусственно направлялась лишь на помощь социалистическому строительству. Деятельность краеведческих организаций также ослабила их реорганизация: вместо общественных организаций на местах стали создаваться бюро краеведения с административными методами руководства. Так, Пермское общество краеведения в апреле 1931 г. было преобразовано в Пермское районное бюро краеведения. В резолюции о работе общества, принятой тогда же Уральским областным бюро краеведения, в порядке критики отмечалось «снижение размаха» краеведческой работы в Перми, что в условиях гонений против краеведов вполне объяснимо. Что же каса-

ется Пермского районного бюро краеведения, то в условиях кадровых потерь оно оказалось не в состоянии в сколько-нибудь серьезных масштабах развернуть свою деятельность. К весне 1932 г. бюро краеведения не смогло организовать ни одной краеведческой ячейки, по существу его работа носила формальный характер.

В 1934 г. в связи с ликвидацией Уральской области УОБК переименовано в Свердловское областное бюро краеведения, в 1935 г. преобразовано в Общество изучения Свердловской области. Кружок мичуринцев при этом обществе был инициатором создания ботанического сада, лесохимическая секция положила начало подсобному хозяйству. Несмотря на трудности, краеведческая работа продолжалась: с 1931 по 1934 гг. проводились геологические походы, организовывались фенологические наблюдения.

Ситуация с состоянием краеведческой работы осложнилась в связи с тем, что с начала 1930-х гг. нарастали репрессии, направленные против краеведов. В 1935 г. был арестован работавший тогда в Москве активный участник краеведческих обществ профессор П.С. Богословский, в 1937 г. были репрессированы и погибли бывший директор Пермского музея А.С. Лебедев, известный пермский краевед и общественный деятель В.Н. Трапезников.

Логическим завершением этого этапа, проходившего под знаком борьбы с представителями так называемого «старого краеведения», не принимавшими установок на его идеологизацию, явилось постановление Совнаркома РСФСР от 10 июня 1937 г. о ликвидации краеведческих организаций в стране.

Тем не менее, многие планы краеведов по созданию музейной сети на Урале претворились в жизнь несколько позднее, когда краеведческие общества уже прекратили свое существование. В 1936 г. в Свердловске открылась Картинная галерея с выставочным комплексом художественного литья и Каслинским павильоном (с 1956 г.). В 1937 г. в Свердловске к сессии XVII Международного геологического конгресса была открыта выставка, которая положила начало Уральскому геологическому музею, открывшемуся в 1938 г. в обширных залах которого хранится богатейшая коллекция образцов горных пород, руд, минералов и окаменелостей. При Уральском индустриальном институте начала действовать промышленно-техническая выставка.

2. В годы Великой Отечественной войны краеведческое движение несколько активизировалось. На Урале (с 1939 по 1946 гг.) действовали областные советы краеведения при краеведческих музеях. Перестройка экономики страны на военный лад требовала выявления новых местных ресурсов, необходимых для фронта, для победы. Поэтому краеведами ряда городов и областей была проведена большая работа по выявлению местных источников сырья для промышленности и лекарственных растений для медицины.

Подъем патриотических чувств вызвал большой интерес к героическому прошлому Родины, ее вековой истории и культуре. Краеведческие изыскания и материалы стали необходимы для проведения политико-воспитательной работы среди трудящихся и воинов Красной Армии. В июне 1942 г. Наркомпрос РСФСР предложил с помощью краеведов «усилить собирание местных материалов по истории края и участию местного населения в Великой Отечественной войне».

Во время войны многие музеи были закрыты для посетителей, но работа по изучению, пропаганде музейных коллекций продолжалась. В сложнейших условиях военного времени была развернута работа по выявлению и сбору вещественных и письменных источников об участии населения края в вооруженной борьбе против фашистских захватчиков и о самоотверженном труде советских людей в тылу.

Свердловск дал приют не только военным заводам, но и многим культурным учреждениям. В город прибыло собрание Херсонесского археологического музея, эвакуированного из Севастополя. В картинной галерее, в помещении антирелигиозного музея и бывшего костела хранились шедевры мирового искусства – коллекции Эрмитажа. В Перми – находились шедевры Третьяковской галереи, Русского музея, в Сарапуле – произведения из музейных пригородов Ленинграда и из Курска, в Кургане – коллекции Тульского областного музея. Их сотрудники вели преподавательскую работу в эвакуированном в Свердловск МГУ и других учебных заведениях Урала. В Свердловске была организована выставка «Военная доблесть русского народа» (1943) из экспонатов Эрмитажа. В последние годы войны музейно-краеведческая деятельность активизировалась. В 1944 г. был основан Ивдельский этнографический музей, посвященный быту и культуре манси; открыт Нижне-Тагильский музей изобразительных искусства.

Значительный вклад в краеведение внес известный советский историк Л.Е. Иофа, работавший в Перми в 1941-1944 гг. Он занимался исследованием народного хозяйства Коми-Пермяцкого округа, работал над книгой «Города Урала». Л.Иофа стал первым из советских историков, который дал оценку пермскому краеведению XIX - начала XX в. как исключительного явления, «одного из наиболее сильных и ярких в провинциальной России».

Пермский областной краеведческий музей в годы войны целенаправленно комплектовался документами и вещественными памятниками, связанными с Великой Отечественной войной. В первые военные годы экспозиционная деятельность музея прекратилась (как и большинства музеев Урала), так как ему пришлось принять на хранение фонды эвакуированных музеев из центральных районов страны. В феврале 1944 г. музей открылся вновь, а с февраля 1945 г. были организованы научно-краеведческие чтения – «пятницы», посвященные изучению фольклора, истории, литературы, природы и промышленности края.

В 1945 г. I Всероссийское совещание работников культпросветучреждений приняло решение о развертывании краеведческой работы библиотеками, клубами, Домами культуры. С окончанием войны начали действовать закрытые музеи городов Урала, появились новые экспозиции. Уже в 1946 г. в Свердловске родился первый литературный музей Д.Н. Мамина-Сибиряка. Он расположился в мемориальном доме жены писателя М.Я. Аксаковой.

Большую роль в повышении внимания к краеведческой работе в нашей стране сыграло постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» в целях восстановления разрушенных реликвий государства. С 1949 г. при областных музеях были созданы музейно-краеведческие советы для координации работы по изучению родного края, научно-методической помощи народным, школьным музеям и другим организациям. Таким образом, краеведческая работа даже в такое сложное время не прекращалась, а краеведы продолжали накапливать материал по истории и культуре региона.

Очередной подъем краеведческого движения падает на период так называемой «хрущевской оттепели». В 1960-е гг. при исполкомах Советов создавались Советы краеведения, позже краеведческая деятельность сосредоточилась в основном в краеведческих музеях и краеведческих отделах публичных библиотек. Это время отмечено

резким ростом музейной сети, развитием музееведческой науки, ростом посещаемости музеев.

В декабре 1962 г. состоялось Всесоюзное совещание историков, которое, обсуждая вопросы развития исторической науки, не обошло и вопросы исторического краеведения. В принятых рекомендациях предлагалось уделить главное внимание изучению советской эпохи отечественной истории, современным процессам, связанным с победой социализма и коммунистическим строительством. Развивать на общественных началах краеведческую работу, способствуя повышению интереса широких слоев населения к истории своих республик, областей, краев, городов, сел, мобилизовать местный краеведческий материал для воспитания чувства патриотизма, особенно у молодежи. Поощрять создание краеведческих объединений, исторических кружков и клубов при активном участии преподавателей истории, учащихся старших классов, студентов.

В это время были открыты новые музеи: 1960 г. – Нижне-Салдинский исторический музей; 1961 г. – краеведческий музей в Ревде; 1963 г. – Туринский музей декабристов; 1967 г. – Артинский краеведческий музей, Полевской исторический музей; 1975 г. – Верхотурский краеведческий музей и др.

В 1950-60-е гг. общественностью, интеллигенцией страны, историками и краоведами все чаще и острее ставился вопрос о необходимости охраны памятников истории и культуры, являющихся достоянием всего народа. Патриотическое движение общественности вылилось в создание всероссийского общества, силы которого были направлены на спасение сохранившихся культурных ценностей. В 1966 г. было образовано **Общества охраны памятников истории РСФСР**. Это событие значительно усилило существующее в стране общественное краеведение.

11 января 1966 г. был организовано Пермское отделение ВО-ОПИК, деятельность которого продолжается до настоящего времени. Практически сразу после образования общество принялось собирать воедино разрозненные краеведческие силы. В том, что общество стало привлекательным как для участия в его деятельности профессиональных краеведческих организаций, так и для краеведов-любителей, велика роль людей, в разные годы возглавлявших его отделения. Это председатели областного отделения Л.Г. Дворсон, Н.И. Корсаков, П.И. Кочин, В.А. Оборин, В.В. Мухин.

Свердловское отделение ВООПИК было образовано согласно распоряжению исполкома Свердловского областного совета депутатов трудящихся от 31 августа 1965 г. в целях привлечения широкой общественности к активному участию в охране памятников истории и культуры. В соответствии с постановлением президиума совета областного отделения Общества от 23 марта 1967 г. были утверждены созданные ранее в области городские и районные отделения. У истоков создания Общества стояли лучшие представители научной и творческой интеллигенции Урала. Огромный вклад внесли профессор Уральского госуниверситета В.Я. Кривоногов и А.Г. Козлов, ректоры архитектурного института (ныне академии) Н.С. Алферов, Г.С. Заикин, А.А. Стариков, председатель Общества уральских краеведов В.М. Слукин, директор музея истории медицины А.Д. Бальчугов, ветеран движения А.С. Верилов и многие другие.

При активном участии совета областного отделения ВООПИК и частично на его средства были спасены и отреставрированы десятки памятников истории и культуры. Так, 19 ноября 1971 г. на заседании решался вопрос о реставрации дома Н.П. Малахова. Дом Малахова был построен заново с сохранением его наиболее важных фрагментов, так как реставрация и передвижка были невозможны в связи с ветхостью здания. Общество отстояло постройки дома Расторгуева-Харитоновна, которые должны были снести при создании театра юного зрителя. Благодаря деятельности Общества ныне действует литературный квартал, объединивший несколько музеев. Сохранена площадь 1905 г. от уничтожения во время строительства метрополитена.

Большую роль сыграл **Иван Данилович Самойлов** при содействии ВООПИК реставрации Спасо-Преображенского храма в Нижней Синячихе и создании там музея деревянного зодчества под открытым небом. В 1978 г. в Спасо-Преображенской церкви открылся музей уральской народной живописи, а вблизи храма расположились уникальные архитектурные памятники. Это усадьбы XVII, XVIII, XIX вв., сторожевая башня, ветряная мельница. В 1988 г. Нижней Синячихе был присвоен статус музея-заповедника.

К сожалению, не удалось сохранить дом Ипатьева, хотя в 1974 г. решением облисполкома дом был взят на государственную охрану как историко-революционный памятник. 16-19 сентября 1977 г. дом был обнесен забором и с помощью солдат стройбата разрушен до основания.

В эти же годы было организовано региональное отделение ВООПИК в Челябинске. К этому времени традиции краеведения были во многом утрачены, и новая общественная организация, обратившись к изучению исторического наследия, генерировала новые идеи, разрабатывала и апробировала новые формы и методы работы. На собранные средства были осуществлены работы по реставрации многих архитектурных памятников Челябинской области, которые и сегодня составляют своеобразный «золотой фонд». В самом Челябинске это Ак-Мечеть (1890-е годы), Александро-Невская церковь (1907–1911), новое здание Свято-Троицкой церкви (1911–1914), Народный дом (1903) и многие другие старинные архитектурные сооружения.

К началу 1990-х годов Челябинское отделение ВООПИК насчитывало около 200 тыс. членов, из которых около 700 были так называемыми коллективными членами (организации, учебные заведения, предприятия и т. д.). Всего за годы работы Челябинского ВООПИК было взято на учет около 2 тыс. и поставлено на государственную охрану более 500 памятников.

Одним из важных направлений в деятельности местных отделений ВООПИК являлась пропаганда историко-культурного наследия: организация выставок и научных конференций; издание библиографических указателей и научных сборников, книг, брошюр, буклетов, плакатов; выступления активистов Общества в средствах массовой информации; организация общественно-значимых мероприятий. Были организованы конференции «Подвиг южноуральцев в Великой Отечественной войне», «Проблема охраны памятников науки и техники», «Проблема андроновской культурно-исторической общности» и др. По инициативе ВООПИК в Челябинске многие годы действовал краеведческий дискуссионный клуб «Уральский собеседник». Заседания проходили в Публичной библиотеке, собирали исследователей Урала, увлеченных изучением родного края, участников археологических и фольклорных экспедиций.

В эти годы продолжалась работа по организации новых музеев. В здании Дворца пионеров г.Свердловска в 1958 г. начал свою деятельность Музей пионерской организации и комсомола Урала, который в конце 1970-х гг. переехал в особняк на улице К.Либкнехта, изменил свое название и стал называться «Музей истории уральского комсомола» (ныне Музей молодежи). Годом позже, в 1959 г. распахнул свои двери Музей истории краснознаменного Уральского военного округа «Боевая слава Урала» в помещении окружного дома

офицеров УралВО, а следом за ним техническая экспозиция – Областная пожарная выставка УПО.

В 1967 г. было принято решение о создании филиала литературного музея – Дома-музея известного уральского сказителя П.П.Бажова (открыт в 1969 г.), а затем появился музей Ф.М. Решетникова и целый Литературный квартал.

В 1975 г. в центре города Свердловска, в Историческом сквере начинала функционировать выставка по застройке города Института Свердловскгражданпроекта. Рядом с ней появился Музей архитектуры под открытым небом.

Решением Свердловского облисполкома от 17 марта 1978 г. и Министерства культуры РСФСР Свердловский областной краеведческий музей развешивался в объединение с филиалами, на базе его коллекций началось появление новых музеев.

Период конца 1960-х-1970-е гг. отмечен возросшим интересом к краеведческой деятельности на местах. В 1970-е гг. Научно-исследовательский институт культуры Министерства культуры РСФСР возглавил работу по созданию «Материалов Свода памятников истории и культуры» по отдельным областям. В Перми такая работа началась в 1974 г. под руководством Л.С. Рафиенко. В 1978 г. вышел пермский том «Материалов Свода памятников истории и культуры РСФСР».

В областном краеведческом музее начал работать специальный лекторий «Памятники истории и культуры нашего края». Музей в 1960-70-е гг. по-прежнему оставался одним из лидеров краеведческого движения. Здесь продолжал работать Народный университет по изучению края, начались чтения «Замечательные люди Прикамья», проходили с участием краеведов семинары-совещания музейных работников. Осенью 1975 г. в Перми прошла научно-методическая конференция краеведов Прикамья, первая в РСФСР. В резолюции конференции была отмечена «разобщенность краеведческих сил области, оторванность во многих случаях деятельности краеведов от работы историков высших учебных заведений и школ области, что наносит большой ущерб делу научного изучения, собирания, сохранения и учета памятников истории и культуры, приводит в отдельных случаях к утрате ценнейших материалов».

Одним из направлений деятельности краеведов в этот период явилась подготовка к празднованию памятных дат в истории советского общества – 50-летию Октябрьской революции и 100-летию со

дня рождения В.И.Ленина. Появились многочисленные сборники документов; работы, посвященные подготовке и проведению социалистической революции на местах, очерки по истории местных партийных организаций.

В 1970-е гг. массовым явлением становится открытие музеев в школах и других учебных заведениях. Школьные музеи не просто содержали материал по истории школы, но чаще всего были тематическими – по истории литературы Урала, по истории Великой Отечественной войны и другие. В эти годы активно открывались краеведческие факультативы, кружки, велась экскурсионная работа. Большое развитие получили массовые краеведческие походы комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы, экспедиции «Слава», «Трудовая доблесть», «Мое Отечество». Участники походов собрали большой исторический материал – документы революционной борьбы, фотографии, записи воспоминаний старых большевиков, ветеранов минувших сражений. Были созданы ленинские комнаты, музеи и уголки боевой славы.

В разное время, в разные годы крупные промышленные предприятия, НИИ, вузы создавали свои музеи. Наиболее интересны, своеобразны из ведомственных музеев музеи Уралмашзавода (1967 г.), Уралхиммашзавода (1972 г.), Уралэлектротяжмаша (1973 г.), ВИЗа (1975 г.), Свердловской железной дороги (1967 г.). Свои музеи имели вузы города: Музей древней книги УрГУ, музеи УГТУ-УПИ, УГЛТА, УрГСХА, УрГПУ и др.

В 1980-е гг. в Перми особенно активно велась работа по пропаганде, популяризации краеведческих знаний силами Пермского общества охраны памятников истории и культуры, причем, как правило, готовился целый комплекс мероприятий – тематические декады, «недели», циклы, что значительно повышало их действенность, результативность. Так, в 1980 г. состоялась декада, посвященная 600-летию Куликовской битвы под названием «И не прервется связь времен». В 1981 г. общественность города широко отмечала 400-летие похода Ермака в Сибирь, в 1983 г. – 200-летие Сибирского тракта. Декады сопровождались циклами лекций, встречами, показом фильмов, литературно-музыкальными встречами и привлекали большое количество народа.

В начале 1980-х гг. любительское, индивидуальное краеведение организационно оформилось: в Перми был образован городской клуб краеведов. Инициаторами его выступили краеведы Г.М. Матве-

ев и Б.Ф. Субботин. В апреле 1982 г. совет клуба избрал своего первого председателя. Им стал С.А. Торопов, возглавлявший клуб вплоть до 1990 г., когда руководство приняла на себя Н.А. Аликина. Работа клуба в 1980-е гг. была особенно интересной и привлекательной для краеведов. Здесь нередко обсуждались такие события в истории края, о которых нигде нельзя было прочитать. Клуб краеведов продолжает работать и в настоящее время.

Несмотря на деструктивные процессы в обществе, когда прекратили свое существование многие учреждения и организации, поддерживающие краеведческую работу, традиции краеведения не были утрачены. В Челябинске продолжали активно работать краеведческий отдел Челябинской областной универсальной научной библиотеки, Челябинский областной краеведческий музей, Челябинская областная картинная галерея, Музей декоративно-прикладного искусства Урала, Челябинский областной фонд культуры, Совет Уральских Бирюковских чтений, национально-культурные центры.

3. Процесс создания новых музеев продолжался и в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Среди самых молодых музеев Екатеринбурга: музей истории камнерезного и ювелирного искусства, музей Свердловской киностудии, музей истории фотографии. Последнее десятилетие отмечено появлением многочисленных галерей.

Экспозиции музеев сегодня интенсивно перестраиваются как в связи с освоением новых экспозиционных площадей, что обусловлено, в частности, передачей Русской православной церкви культовых зданий, так и с новым осмыслением истории. Музеи с середины 1990-х гг. участвуют в осуществлении крупных культурных программ; выставочная деятельность многих из них приобретает международный характер.

В начале 1990-х гг. Свердловский областной краеведческий музей разработал концепцию музеефикации города Екатеринбурга, согласно которой на базе действующих музеев и их фондов предполагалось музеефицировать уникальные архитектурно-исторические памятники столицы Урала, создав в центральных районах города очаги культуры и отдыха.

Концепция была одобрена постановлением областного Совета народных депутатов от 5 августа 1991 г. Задумывалось создание новых музеев и их деятельность в конкретной исторической среде, объединенных единой идеей – полнее осветить историю города и края на

подлинных памятниках материальной и духовной культуры: Музея истории Екатеринбурга, Музея археологии и этнографии, Музеи иконы и книги и др. Однако, решение осталось невыполненным. Из всех зданий, отмеченных на квадрате, по целевому назначению разместились Музей и истории камнерезного и ювелирного искусства.

Деятельность краеведческих, научных, художественных объединений при музеях играет заметную роль в культуре Урала. Во многих городах созданы краеведческие объединения: клуб знатоков города; общество уральских краеведов в Свердловской области; «Пермское краеведы»; «Краеведы Прикамья»; краеведческие общества в Челябинске, Кургане и т.д. С 1989 г. в Свердловске (Екатеринбурге) организована ассоциация краеведов Урала.

В 1989 году было образовано Челябинское областное Общество краеведов. Первым председателем был избран Александр Павлович Моисеев. Общество в своей деятельности опиралось на традиции уральского краеведения. Сам А. П. Моисеев отмечал: «Общество краеведов использует опыт краеведческой работы... накопленный в ходе проведения Бирюковских чтений, деятельности Общества охраны памятников истории и культуры (рук. А. И. Лазарев, С. И. Загребин), клуба «Уральский собеседник» (рук. А. А. Шмаков)».

Направления работы Общества краеведов были вполне традиционными: изучение и популяризация историко-культурного наследия Уральского региона. Новационными стали энциклопедические проекты. Были выпущены златоустовская и саткинская энциклопедии. При непосредственном участии членов Общества создавались и две челябинские энциклопедии. Постепенно шла ротация руководящего состава Общества краеведов, которое поочередно возглавляли доктор исторических наук, профессор В. И. Усанов (1998–2000); доктор исторических наук, профессор В. Я. Рушанин (2000–2005); доктор исторических наук, профессор С. С. Загребин (2005–2007); учитель истории, краевед Т. Л. Корецкая (2007–2010).

В 1993 году создается Центр историко-культурного наследия города Челябинска, первым его директором становится В. С. Боже. Сейчас Центр возглавляет А. И. Скориков. Центр проводит активную краеведческую работу. Среди основных направлений его деятельности можно назвать следующие: организация археологических раскопок; реставрационные и восстановительные работы после актов вандализма на памятных местах города; комплектование фонда документальных материалов по краеведческой тематике; установление

мемориальных досок; организация научных конференций. В числе крупных издательских проектов выделяются сборники «Краеведческие чтения», «Челябинск неизвестный». Наиболее масштабные проекты Центра – работа в редакционном совете энциклопедий «Челябинск» и «Челябинская область».

Одной из организационных форм краеведческого движения является проведение конференций, чтений, посвященных истории и проблемам уральского краеведения. Проводимые мероприятия являются своеобразной научно-исследовательской лабораторией накопления краеведческих знаний. Они призваны привести в систему весь объем краеведческих знаний, выявить существующие информационные пробелы и проблемы с освещением в краеведческой литературе отдельных периодов и событий в истории Урала.

Одним из самых значимых научных проектов Челябинского отделения ВООПИК стали **Бирюковские чтения** – научно-практическая конференция уральских краеведов, своего рода бренд Челябинской области и всего Южного Урала, проводимый в регионе с 1973 г. Премия имени В. П. Бирюкова воспринимается культурной и научной общественностью региона как знак особых достижений в области краеведения. Всегда остается неизменным принцип Чтений, не декларируемый официально, но зримо присутствующий в докладах: разнообразие и новизна научных проблем, неординарность и смелость мышления.

Как составная часть процесса изучения региональной литературы выступали секции лингвистического краеведения и уральского фольклора. Поднимались проблемы лексики, топонимики, семантики, терминологии, причем всегда сохранялся региональный контекст исследуемых проблем. Изучение фольклора Урала стало одной из важных проблем Бирюковских чтений. Народные праздники, обряды, верования, предания, устные рассказы, песни стали предметом пристального внимания исследователей. Были вскрыты связи уральского фольклора и русской классической литературы, современных культурных процессов. В этих же аспектах изучалось творчество самого В. П. Бирюкова.

На всех Чтениях постоянно работала отдельная секция истории культуры Урала. Именно здесь было наибольшее количество докладов и сообщений, иногда их приходилось разделять на подсекции: «Проблемы краеведения, музееведения», «Печать», «Из истории художественной культуры Урала», «Культурно-просветительская рабо-

та». Проблематика секций заключала в себе наиболее значимые темы культуры и искусства на Урале. Все сообщения об истории культуры региона опирались на анализ первоисточников – архивные материалы, библиографические находки, материалы научных экспедиций, личный творческий опыт.

«Смышляевские краеведческие чтения» действуют в Пермской областной библиотеке им. А.М. Горького с 1990 г. Чтения носят имя Д.Д. Смышляева (1828-1893) – общественного и земского деятеля, публициста, библиографа, издателя, краеведа. Особенностью чтений является то, что каждая конференция посвящена конкретной теме. Так, проведение первых чтений (1990 г.) было посвящено жизни и деятельности Д.Д. Смышляева. Темой вторых (1992 г.) стало 200-летие пермского книгоиздания. Третьи краеведческие чтения (1993 г.) были посвящены 170-летию г.Перми и 100-летию со дня смерти Д.Д. Смышляева. В 1996 г. состоялись четвертое заседание Смышляевских чтений, посвященное 70-летию образования Пермского общества краеведов. Участниками чтений становятся уральские ученые и краеведы, журналисты, учителя, представители общественности. В период между чтениями Пермская областная библиотека им. А.М. Горького издает «Вестник Смышляевских чтений». На его страницах не только печатаются статьи о новых краеведческих исследованиях, но и впервые публикуются ценные в историческом отношении архивные документы, сопровождаемые научными комментариями.

В Курганской области краеведческое движение занимает важное место в культурной жизни. Не случайно только в 2007 году в областную библиотеку поступило около 450 наименований новых работ по краеведению, написанных как в крупных городах (Кургане и Шадринске), так и в сельских районных центрах, селах и деревнях области. Характерной чертой зауральского краеведения является то, что в этой благородной деятельности участвуют как опытные специалисты, так и молодежь.

Во многом этому способствовала подвижническая деятельность таких ученых Курганского университета, как профессора Н.Ф. Емельянов (председатель общества краеведов с 1990 до 2002 г.), В.А.Кислицын (зам. председателя с 1990 по 2002 г., председатель общества с 2002 г. по настоящее время), профессора В.В. Пундани, В.В. Менщиков, доценты В.В. Подливалов, П.А. Свищев (создатель общества генеалогии), Д.М. Совков, Г.Г. Павлуцких, И.Г. Коурова, В.А. Никитин и многие другие. За последние годы защитили диссер-

тации по истории свыше 20 молодых ученых, многие - по краеведческой тематике. Активно работают в этом направлении работники музеев, архивов, библиотек, школьные учителя, специалисты различных сфер народного хозяйства, студенты и учащиеся и просто любители краеведения и родоведения, ставшие блестящими профессионалами. Например, на счету у кадрового военного В.Т.Серкова уже три монографии, не считая многочисленных статей.

Ежегодно проходят **«Зыряновские» и «Емельяновские» чтения**, другие научно-практические конференции, Дни краеведа, презентации новых книг. Вот и последняя презентация стала очередным смотром достижений работы зауральских краеведом, позволила еще раз поговорить о том, что удалось сделать, обсудить насущные проблемы краеведческого движения.

В истории России было немало славных имен государственных деятелей и политиков, писателей и ученых, крупных инженеров и военачальников, внесших заметный вклад в создание и приумножение экономического и культурного потенциала Отечества. Проведение в Екатеринбурге **Татищевских чтений** (с 1998 г.) стало хорошей традицией, заметным явлением в научной, культурной и общественной жизни не только города, но и Урала в целом.

Идея проведения Татищевских чтений принадлежала уральским краеведам. Сегодня ее подхватили многие ученые (Институт истории и археологии УрО РАН, УрФУ, УрГПУ) и общественные организации (Общество уральских краеведов, Свердловский филиал Российского фонда культуры), - те, кому небезразлична судьба культурного наследия Урала, сохранение исторической памяти и преемственности поколений россиян. Широка география участников подобных конференций. Все это свидетельствует о том, что история наших предков, особенно таких, как основатель г. Екатеринбурга, выдающийся государственный деятель XVIII в. В.Н. Татищев, - это прошлое, настоящее и, в известном смысле, - будущее «опорного края державы», его экономического, политического и социокультурного потенциала.

Большую работу по пропаганде историко-краеведческих знаний проводят вузы региона. Уральский государственный педагогический университет ежегодно (с 1995 г.) организует историко-педагогические чтения, на которых обсуждаются не только актуальные проблемы отечественной и региональной истории, но и вопросы методики обучения истории. На чтениях вместе с учеными выступают с докладами

учителя школ, руководители краеведческих кружков и экспедиций. На историческом факультете работала историко-краеведческая лаборатория, в рамках которой подготовлены сборники «Верхотурский край в истории России», «Ирбитский край в истории России», монографии по истории Ирбитской ярмарки и ирбитской деревне.

Уральский Федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина проводит научную конференцию **«Урал индустриальный. Бакунинские чтения»**. В 2015 г. состоялись уже XII чтения, посвященные 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора А.В. Бакунина. Тематика конференции всегда разнообразна. В числе обсуждаемых вопросов: современная историография, источниковедение и теоретико-методологические компоненты исторического знания; Россия и ее регионы в XVI – XIX вв.: социально-политический аспект развития; Россия в региональном измерении XX – XXI вв.: экономика, политика, идеология; культура России и Урала: институты, практики, формы и проблемы межкультурной коммуникации. Немаловажными проблемами для обсуждения являются: Учитель и его школа: вопросы развития и совершенствования научных направлений; Молодежь в науке: результаты исследований. На этих научных форумах активно участвуют студенты и школьники, будущие краеведы получают научную подготовку.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральское отделение Российской Академии наук, Президентский центр Б.Н. Ельцина, Фонд Ельцина с начала 2010 г. инициировали проведение в регионе Ельцинских чтений. В 2015 г. тематикой конференции стали «Актуальные проблемы современного краеведения на Среднем Урале». В эпоху глобализации, стремительно изменяющегося социального и политического ландшафта страны особое значение приобретает распространение знаний о прошлом и настоящем своего края. Краеведение охватывает различные сферы деятельности, объединяет педагогов, ученых, гражданских активистов, представителей общественных движений. Задача организаторов конференции – обеспечить диалог специалистов, занимающихся изучением истории и культуры Среднего Урала, культурно-просветительской деятельностью, охраной культурных и природных объектов. В рамках конференции планируется уделить особое внимание обсуждению взаимосвязи краеведения с проблемами культурного, социально-экономического развития региона. В повестке дня так-

же вопросы деятельности Б.Н.Ельцина по организации уральского краеведения, обзор памятных мест на Урале, связанных с жизнью и работой первого Президента России.

Крупным событием в культурной и общественной жизни Екатеринбурга стало проведение здесь в июле 1999 г. V Всемирного конгресса ВФАК ЮНЕСКО. На круглом столе конгресса «Развитие и культура мира: Стратегия и программы. Культурное наследие» шел заинтересованный разговор о роли клубов ЮНЕСКО, властных структур, научных учреждений и общественных краеведческих организаций в сохранении и развитии духовного наследия Уральского региона. Появление в свет таких изданий, как монография «Екатеринбург: Исторические очерки (1723-1998)», «Уральская историческая энциклопедия», энциклопедия «Екатеринбург» – уникальные своды современных научных знаний по истории региона – свидетельствует о том, что произошел определенный сдвиг в сторону внимания к проблемам исторического развития региона, его культурным традициям. Конечно, подобная работа немыслима без помощи краеведов; их деятельность приносит неоценимую пользу при создании подобных трудов, а также при непосредственной работе по изучению и пропаганде культурного наследия среди населения.

В начале XXI века перед краеведением стоят серьезные задачи. Проблемы современного краеведения можно подразделить на «исследовательские» и «организационные». Исследовательская группа проблем включает вопрос о способах взаимодействия «любительского» и «профессионального» краеведения.

«Любительским краеведением» можно обозначить феномен изучения регионального природного и культурного наследия авторами, проживающими на данной территории и не имеющими специальной научной подготовки. «Профессиональным краеведением» является феномен контекстуального изучения региона как природно-климатической и социокультурной системы исследователями, имеющими специальное образование и профессионально занимающимися научно-исследовательской работой.

В настоящее время краеведение существует как область знания и учебная дисциплина, но не как наука. Думается, перспективную работу следует строить по направлению обретения краеведением научного статуса, с четкой экспликацией предмета исследования в его главных системно-структурных характеристиках, выработкой специфической методологии и комплекса научных методов, выявлением

базовых закономерностей и собственного понятийного аппарата. Все перечисленные параметры во многом определены и сформированы, но не систематизированы.

В перспективе «профессиональное» краеведение должно взять на себя методические и экспертные функции по отношению к краеведению «любительскому». Научное краеведение должно занять достойное место в системе гуманитарных наук.

Вопросы:

1. Определите причины подъема краеведческого движения в стране в 1920-е гг.?
2. Каковы основные факторы размаха краеведения на Урале в советский период?
3. Вклад краеведческих обществ в дело охраны памятников истории и культуры.
4. Выделите особенности краеведческого движения на Урале во время Великой Отечественной войны?
5. Каковы основные направления развития краеведения на современном этапе?

Литература:

- Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002.
- Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870-1929. Из истории науки и культуры. Екатеринбург, 1996.
- Историки Урала XVIII-XX вв. Екатеринбург, 2003.
- Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиографический справочник / Сост.: Т.И.Быстрых, А.В.Шилов. Пермь, 2000.
- Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII-XX вв.). М., 1991. Ч. I, II.
- Неподобная Г.А. Государственная политика в отношении культурного наследия в 1921-1929 г. (на материалах Урала): дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.
- Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963.
- Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И. Карташевой. СПб., 2000.
- Тагильцева Н.Н. Краеведческое движение и становление музейного дела на Урале (1924-1936) // Из истории охраны и использования культурного наследия в РСФСР. М., 1987. С. 155 – 173.

Тагильцева Н.Н. Роль краеведческого движения в культурном строительстве на Урале (1917-1937 гг.) // Октябрь на Урале: история и современность. Свердловск, 1988.

Тагильцева Н.Н. «Золотой век» уральского краеведения // Уральское краеведение. Екатеринбург, 1996. С. 8 – 18.

ГЛАВА III. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ КРАЕВЕДЕНИЯ

План:

1. Организация Архивного фонда Российской Федерации.
2. Документы по истории региона в федеральных учреждениях.
3. Документы по истории региона в учреждениях Урала.
4. Справочно-поисковые средства к документам Архивного фонда Российской Федерации, основные правила работы в архивах.

1. Слово «архив» в сознании разных людей вызывает различные ассоциации. У историков и краеведов оно обычно вызывает представление о собраниях бесценных документов, многогранно отражающих прошедшую жизнь человеческого общества. Архив является «лабораторией» для исследователей. Классическими стали слова академика Н. М. Дружинина о том, что: «в исследовании основную роль играют архивные материалы, если, конечно, желаешь сказать что-то новое, а печатные источники – лишь вспомогательную».

Краеведы должны учитывать в своей исследовательской деятельности ряд существенных различий между печатными изданиями документов и неопубликованными материалами, хранящимися в архивах, музеях или рукописных собраниях различных организаций.

Печатные издания документов предназначены для широкого круга читателей и соответственно более доступны, в том числе в оцифрованном виде. Возможность работы с архивными материалами ограничена по целому комплексу причин (удаленность нужного архивного учреждения, недостаток мест в его читальном зале, неудовлетворительное состояние ряда документов и др.). Только в последние годы, с бурным развитием информационных технологий, часть из них стала более доступной в оцифрованном виде.

Информатизация – основная тенденция развития архивного дела во всем мире. Но следует понимать нереальность перевода всего Архивного фонда РФ (это документы с постоянным сроком хранения)

в электронный вид в обозримой перспективе. Этому препятствует его огромный объем, дороговизна хранения электронных документов, элементарная целесообразность (многие дела исследователи заказывают раз в несколько десятилетий) и другие веские причины. В настоящее время оцифрованы и широко доступны в основном справочно-поисковые средства архивов (научно-справочный аппарат) и наиболее востребованные пользователями комплексы документов. Поэтому исследователи должны быть готовы к кропотливой работе с неопубликованными материалами в читальных залах архивов.

Квалифицированные составители изданий документов (археографы) обычно сопровождают их обширными предисловиями и примечаниями (биографические справки об упомянутых лицах, пояснение устаревших слов и специальных терминов, различные указатели и т.п.). Это позволяют быстрее и полнее понять содержание самих документов. Работа с материалами, хранящимися в архивных учреждениях, зачастую значительно сложнее: она требуется самостоятельно выявлять условия и обстоятельства создания текста, его автора, адресата и др.

Само правильное прочтение и понимание текста рукописных архивных документов вызывает серьезные трудности у неспециалистов. Для работы с ними необходимо овладеть основными палеографическими знаниями и приемами.

Эти особенности предопределяют значительные трудности для краеведа-исследователя в работе с документами архивных учреждений. Ее эффективность во многом определяется уровнем знаний и навыков в области вспомогательных исторических дисциплин и архивоведения.

Краеведу, осознавшему необходимость работы в архиве, необходимо представлять сложность и разнородность существующей сети архивных учреждений страны. Ведь в пределах всего Архивного фонда Российской Федерации (АФ РФ) никогда не было и уже не появится единого признака организации архивов. Классификация документов длительное время осуществлялась по пяти признакам. В результате архивы были образованы и до сих пор действуют: или по значимости их материалов; или созданию документов в определенные исторические эпохи; или по принадлежности документов к определенным отраслям государственной и общественной деятельности; или видам носителей, способам и технике закрепления информации; или при-

надлежности к определенной территории. Следует учитывать и более общий принцип недробимости архивных фондов.

К тому же по федеральному закону «Об архивном деле» (2004) параллельно, фактически независимо друг от друга действуют: федеральные архивные органы и учреждения; региональные государственные архивные органы в субъектах; архивы, образуемые органами местного самоуправления (муниципальные); архивы организаций.

Архивный фонд Российской Федерации в подавляющем большинстве случаев внутри архива организован по архивным фондам. Это исторически и (или) логически связанная совокупность архивных документов.

Большинство архивных фондов в нашей стране образовалось в результате деятельности государственных учреждений, предприятий и организаций, отдельных лиц, которые определяются в специальной литературе как «фондообразователи». В состав фонда входят как документы, составленные им самим, так и полученные им от других учреждений, организаций, предприятий и лиц. Каждый фонд имеет официальное название, совпадающее с названием фондообразователя. Кроме того, он имеет порядковый номер, под которым он (наряду с названием) фигурирует в справочных пособиях и научной литературе.

К архивному фонду приравнивается архивная коллекция – совокупность отдельных документов АФ РФ и других архивных документов, созданных в процессе деятельности разных источников комплектования архива (фондообразователей), объединенных по одному или нескольким признакам (тематическому, номинальному и др.). Коллекциям также присваивается номер фонда.

По отношению к некоторым видам архивных документов допускается их нефондовая организация. Это так называемые электронные документы – документы, созданные и/или читаемые при помощи применения особых устройств и приспособлений. К ним относятся кино, фото, фоно, видеодокументы, электронные документы, выполненные любым способом и любым способом закрепляющие информацию. Они систематизируются (заносятся в описи) по видам записи или носителя.

В пределах архивного фонда документы организуются по единицам хранения. Это физически обособленный архивный документ или документы (в подавляющей массе это сшитые дела). Исследователю архивное дело может быть выдано в микрофильмированном или оцифрованном виде.

2. Архивный фонд Российской Федерации превышает 500 миллионов единиц хранения на различных носителях. Ключевое место в этой огромной системе хранения и использования документальной информации играют федеральные архивы. Они содержат комплексы документов общероссийского значения и подчиняются непосредственно Федеральной архивной службе (Росархиву).

Система федеральных архивов России сформировалась на базе бывших центральных архивов СССР. Ведь после его распада, исходя из ключевого принципа целостности и неделимости архивных фондов, раздела их фондов между странами Содружества независимых государств (СНГ) не производилось. В результате к России, как правопреемнице СССР, перешли все документы ее центральных архивов.

В настоящее время в стране действуют 15 федеральных архивов. Здесь хранится примерно 9% АФ РФ, к которому ежегодно обращаются в среднем до 15% от всех пользователей.

Многие из федеральных архивов содержат ценнейшие комплексы документов по истории Урала. Поэтому дадим их краткую характеристику.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) хранит более тех миллионов дел по всем сторонам истории Российского государства с XIII до начала XIX века. В его фондах высших и центральных государственных учреждений имеются обширные материалы по различным аспектам русской колонизации и освоению Урала. В частности, фонды Берг-коллегии и Сената содержит ценнейшие документы по созданию и развитию горнозаводской промышленности в регионе.

РГАДА имеет и значительное число личных фондов, содержащих документы до 1917 года. Особо отметим фонды таких известных уральских предпринимателей как Демидовы и Строгановы. В них содержится и обширная переписка столичных контор с руководством уральских хозяйств этих магнатов по самой различной проблематике (производственной, социальной и т.п.).

Сразу отметим, что личные собрания в нашей стране рассредоточены по различным архивам, музеям, библиотекам и научным учреждениям. Материалы одного рода могут храниться более чем в десятке архивохранилищ. Серьезную помощь краоведам—исследователям в решение этой проблемы может оказать Центральный фондовый каталог, размещенный на портале Росархива. Он по-

могает определить место хранения всех имеющихся в стране архивных фондов.

Российский государственный исторический архив (РГИА) является одним из крупнейших архивохранилищ в мире (более 12 миллионов дел). Здесь сконцентрированы документы большинства государственных и частновладельческих организаций России XIX – начала XX века. Особый интерес для многих уральских исследователей представляют фонды Горного департамента и Штаба корпуса горных инженеров, осуществлявших руководство горнозаводской промышленностью региона.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) содержит более 3,5 миллионов дел по военной истории России конца XVII – начала XX в. Отметим, что более ранние документы по этой проблематике хранятся в РГАДА, а более поздние – Российском государственном военном архиве (РГВА) и ведомственной архиве Министерства обороны. Кроме того, около одного миллиона дел по военной истории дореволюционной России рассредоточено по архивам республик, краев и областей, рукописным отделам музеев, библиотек и научных учреждений страны. Это создает серьезные проблемы для исследователей, занимающихся этой проблематикой.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) содержит более четырех миллионов дел по политической истории Российской империи, СССР и РФ. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ) хранит более миллиона дел по истории российского и советского флота XVIII–XX вв. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ставший первым в мире учреждением подобного профиля, содержит более десяти миллионов дел по истории отечественной культуры с XVIII века. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) хранит более двух миллионов дел по истории КПСС (и ее предшественниц), ВЛКСМ, международного рабочего, социалистического и коммунистического движений, в том числе зарубежных. В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) сосредоточены документы шести современных субъектов РФ с середины XIX в. (того, что в дореволюционной России называлось Восточной Сибирью).

Несколько федеральных архивов созданы по видам носителя и способам закрепления информации. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД) имеет в своих фондах более 50

тысяч кинофильмов и огромное количество отечественных фотоматериалов со второй половины XIX века. Российский государственный архив фонодокументов (РГАФД) содержит ценнейшие отечественные «звуковые» документы со второй половины XIX века. Центр хранения страхового фонда (ЦХСФ) комплектуется копиями особо ценных документов из других архивов страны.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ) хранит документы по истории народного хозяйства страны с 1917 года. Российский государственный военный архив (РГВА) сосредоточил материалы по истории Красной армии (1918–1941 гг.), Белого движения (1918–1922 гг.), вооруженных формирований правоохранительной системы (1918–1991 гг.), а также личные фонды известных военачальников. Российский государственный научно-технический архив (РГНТА) хранит документы по истории отечественной науки и техники, а также специальную научно-техническую документацию ряда организаций и учреждений. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) сосредоточил документы, образовавшиеся в процессе деятельности высших центральных и контрольных органов и аппаратов КПСС.

Во всех федеральных архивах имеются ценные документальные материалы по истории Урала. Они также хранятся и в других учреждениях федерального уровня: рукописных собраниях музеев, библиотек и ряда научных учреждений. Наиболее известными из них являются коллекции Отдела письменных источников Государственном историческом музее (ОПИ ГИМ), отделы рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) и Российской национальной библиотеки (РНБ), Института русской литературы Российской Академии наук (ИРЛ РАН). Доступ к ним также предоставляется по специальным отношениям с места работы исследователя.

Особо отметим, что почти половина АФ РФ находится на депозитарном (долгосрочном) хранении в нескольких десятках архивов органов федеральной исполнительной власти, различных отраслевых фондах и отдельных организаций. Так, более 80 млн единиц хранения по военной тематике, начиная с 1941 г., сосредоточены в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО). Получить разрешение на работу в этих архивах для рядовых исследователей крайне сложно.

В целом практически все архивные собрания федерального уровня, в большей или меньшей степени, имеют ценнейшие документы по различным аспектам истории Урала. Серьезные проблемы для

исследователей региона создает их относительная удаленность (большинство расположено в Москве и Санкт-Петербурге) и ограниченный объем выдачи дел. Поэтому перед обращением к материалам этих учреждений следует обстоятельно поработать в региональных архивохранилищах. Ведь в них имеются копии многих ценных документов федеральных архивов, прежде всего, нормативных актов и различных делопроизводственных материалов. Кроме того, именно здесь краевед-исследователь может отработать эффективную методику работы с неопубликованными документальными комплексами.

3. На Урале действует одна из самых обширных в стране система архивных учреждений. Покажем это на примере Свердловской области.

В Екатеринбурге действуют четыре областных архива. Два из них имеют филиалы в городах области.

Днем рождения Государственного архива Свердловской области (ГАСО) считается 1 сентября 1919 г., когда в Екатеринбурге было создано Губернское управление архивным фондом (губархив). Современное типовое здание для архива было построено в 1971 году. В настоящее время ГАСО – одно из крупнейших на Урале хранилищ документов. В нем сосредоточено более миллиона единиц хранения с начала XVIII века.

Документальные материалы ГАСО составляют источниковую базу для изучения истории огромной территории так называемого «Большого Урала», а в отдельные периоды также Поволжья и Восточной Сибири. Ведь в дореволюционном Екатеринбурге действовали органы управления горнозаводской промышленностью, руководившие предприятиями от Волги до Алтая, а в 1923–1934 гг. город был центром огромной Уральской области. Другая специфическая особенность ГАСО – наличие в нем документов с начала XVIII в. – становления горнозаводской промышленности в регионе.

В ГАСО хранятся документы, отражающие практически все стороны жизни Урала. При этом одними из самых ценных считаются фонды органов управления промышленностью в регионе, а также отдельных государственных и частных предприятий. «Жемчужиной» ГАСО справедливо называют фонд 24 «Уральское горное правление». В дореволюционный период этот орган, несколько раз менявший свое название, руководил как казенными, так и частными горными производствами на огромной территории империи.

Особый интерес для генеалогов представляет фонд 6 «Екатеринбургская духовная консистория», содержащий около 50 тысяч метрических книг церквей и мечетей. В настоящее время проводится их оцифровка.

ГАСО имеет более 60 личных фондов и коллекций. Наиболее известны собрания заводчиков Демидовых, писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, краеведов Н. К. Чупина и В. П. Бирюкова. Кроме того, в архиве хранятся более 50 тысяч фотодокументов, в том числе более тысячи – снимки дореволюционного периода.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) был образован в декабре 1991 г. на базе бывшего архива Свердловской обкома КПСС. Последний был создан в 1929 г. и комплектовался документами организаций Коммунистической партии и ВЛКСМ. В начале 1970-х гг. этот архив получил современное типовое здание.

В ЦДООСО хранится свыше миллиона единиц хранения партийных и комсомольских организаций с начала XX века. Особая ценность этих документов в том, что в них отражены не только формы и методы работы правящей партии, но и многогранные процессы развития Свердловской области, а в отдельные периоды и других регионов страны.

В настоящее время ЦДООСО занимается сбором и обработкой документов различных общественных организаций: партий, движений, союзов, обществ. С частью из них заключены договоры о сотрудничестве.

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО) был образован в 1992 г. на базе части документальных материалов, переданных областным Управлением Комитета государственной безопасности по Свердловской области. Это первый и единственный государственный архив подобного профиля в России. В фондах ГААОСО хранится значительное количество фильтрационно-трофейных дел и архивно-следственных дел. В них содержатся анкеты осужденных, их дневники, письма, фотографии.

В список источников комплектования архива входят административные органы области: правоохранительные, судебные, налоговые, таможенные, военные комиссариаты, управления исправительно-трудовых учреждений (ИТУ), гражданской обороны и др. В соответствии со спецификой архива началась работа по созданию коллекций и личных фондов. Всего в фондах ГААОСО более 80 тысяч дел.

Главной проблемой остается отсутствие у архива собственного помещения.

Государственный архив документов по личному составу Свердловской области (ГАДЛССО) начал работать в 2001 году. В него перемещается значительное число этой категории дел из государственных, муниципальных и ведомственных архивов области. Это позволило несколько разгрузить их хранилища, улучшить работу по ответам на социально-правовые запросы граждан, а также облегчить деятельность исследователей.

Проблема нехватки помещений в Екатеринбурге была частично решена путем создания шести филиалов архива во всех управленческих округах Свердловской области (кроме Центрального). Всего в ГАДЛССО хранится более 300 тысяч единиц хранения. Самые ранние из принятых документов относятся к 1930-м гг.

В 2008–2014 гг. действовало еще одно архивное учреждение областного уровня: Государственный архив научно-технической специальной документации Свердловской области (ГАНТСДСО). Затем на его базе был создан филиал ГАСО.

В двух городах Свердловской области (Ирбите и Красноуфимске) действуют государственные городские архивы. В центрах всех ее остальных муниципальных образований имеются собственные архивные учреждения. Этот или архивные отделы местных Администраций или муниципальных архивные учреждения. По федеральному закону «Об Архивном деле» 2004 г. они получили право постоянного хранения документов. Все эти учреждения хранят архивные материалы местного значения только по советскому и современному периодам.

В других субъектах федерации на Урале функционирует подобная сеть архивных учреждений. Так, ценнейший комплекс документов по дореволюционной истории Урала содержат государственные архивы в городах, бывших губернскими столицами. Это Государственный архив Пермской края (ГАПК), Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) и Государственный архив Кировской области (ГАКО).

Отметим, что фонды ряда предприятий и учреждений, ныне находящихся на территории одного субъекта области, могут храниться в архивах другого. Это связано с многочисленными административными реорганизациями и традициями ведомственности в нашей стране.

Кроме того, многие организации, предприятия и учреждения Свердловской области, как и других субъектов РФ, имеют собствен-

ные ведомственные архивы. Они существенно отличаются по времени создания, принадлежности, количеству единиц хранения, степени закрытости для посторонних лиц. Материалы большинства из них также представляют значительную историческую ценность.

Рассмотрим в качестве примера несколько ведомственных архивов разных уровней. Архив Министерства общего и профессионального образования Свердловской области был образован в 1993 г. на базе бывшего архива Областного отдела народного образования (ОблОНО). Его документальные материалы (более трех тысяч дел) составляют богатую источниковую базу для изучения истории общего и профессионального образования на Урале с 1940-х гг.

Архив Управления здравоохранения администрации г. Екатеринбурга был образован в 1995 году. Его документальные материалы (более 100 тысяч единиц хранения) составляют богатую источниковую базу для изучения истории здравоохранения города с 1940-х гг.

Архив Уральского отделения РАН (УрО РАН) был образован в 1952 году. Его документальные материалы (более 15 тысяч дел) позволяют изучить многие аспекты истории академической науки на Урале с 1932 года.

Архив Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ) был образован в 1950 году. Его документальные материалы (более пяти тысяч единиц хранения) позволяют изучить многие аспекты истории вуза с 1930 года.

При этом многие из материалов ведомственных архивов области еще долгое время не будут переданы на государственное хранение. Это связано как с объективными (отсутствием у государства необходимых хранилищ, штатов и т.п.), так и субъективными факторами (вперемежку подшиты как материалы, подлежащие сдаче на государственное хранение, так и документы по личному составу, подлежащие ведомственному хранению в течение 75 лет).

В абсолютном большинстве ведомственных архивов Свердловской области и других субъектах Урала отсутствуют читальные залы. Это делает практически невозможным работу в них «посторонних» исследователей. Большинство этих архивов лишь выполняют запросы социально-правового характера и предоставляют материалы для различных ведомственных изданий, обычно юбилейного характера.

Значительными собраниями неопубликованных материалов по различным аспектам истории Урала также обладают государственные и муниципальные музеи. Среди них в нашей области особо выделя-

ются Свердловский областной краеведческий музей (СОКМ) и Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» (НТМЗ).

СОКМ имеет в своем составе обширную (более трех тысяч) коллекцию документов с текстами XVIII–XX вв., написанными на разных языках на различных материалах (бересте, пергамене, ткани, бумаге). Она объединяет самые разнообразные по содержанию источники: официальные документы правительственных учреждений, купчие, рукописи известных авторов, театральные билеты и афиши и др. В музее создана коллекция личных фондов видных уральских революционеров, военачальников, руководителей крупных предприятий, ученых. Ценными материалами располагает и научный архив музея, который регулярно пополнялся подлинниками и копиями важнейших документов.

В коллекциях НТМЗ, в том числе обширном архиве, отражены многие аспекты истории Нижнего Тагила и его округа. Здесь имеются материалы многих деятелей, внесший существенный вклад в развитие горнозаводского Урала (заводчики Демидовы, крепостные изобретатели, художники и др.).

Обширные коллекции документов имеют и другие крупные музеи Урала. По дореволюционной истории особую ценность имеют материалы Пермского краеведческого музея.

Следует учитывать, что серьезной проблемой для краеведов-исследователей может стать практическая закрытость, в отличие от государственных архивов, документальных материалов музеев. Посторонним исследователям, имеющим официальные отношения от организаций, сложно получить доступ к их архивным собраниям.

Таким образом, архивы и музеи Урала обладают огромным фондом источников по различным аспектам истории региона. Значительная его часть до сих пор не введена в широкий научный оборот.

4. В современной публицистике архивы часто называют сокровищницей недоступных знаний о важнейших событиях прошлого. Архивный фонд Российской Федерации в настоящее время включает более чем 500 миллионов единиц только постоянного срока хранения и продолжает постоянно расти. В этом «океане» документов нужен опытный «лоцман», которым является справочно-поисковые средства (СПС). В качестве синонима активно применяется и более ранний термин – система научно-справочного аппарата (НСА).

Это совокупность архивных справочников, учетных документов и автоматизированных информационно-поисковых систем, созданных на единых методологических и научно-методических основах для обеспечения сохранности и поиска архивных документов. Свою систему СПС имеет каждый архив страны.

Исходя из объекта описания справочника, выделяют четыре основных типа архивных информационно-поисковых систем: справочник по архивам (уровень его описания – архив); путеводитель архива (фонд); опись (дело); каталог (документ или информация).

Справочники по архивам содержат информацию о существующих архивах в мире, стране, регионе. То есть, они могут быть самого разного уровня: международного, федерального, регионального. В настоящее время практически все справочники по архивам доступны для пользования в Интернете. Главный итог работы с ними – определение нужного исследователю архива.

Архивные путеводители являются основным справочным средством для исследователя. Они предназначены для общего, первичного ознакомления с составом и содержанием фондов того или иного архива.

Архивные путеводители бывают двух основных видов: путеводитель по фондам и краткий справочник по фондам. Первый тип более полный. Он содержит наименование и характеристику всех фондов архива, историческую справку, аннотацию документов, имеющийся научно-справочный аппарат к фондам. Краткий справочник более дешевый, и поэтому выбран многими архивами страны. Он содержит краткие сведения об основных фондах, а по остальным – только их перечень. В настоящее время путеводители по большинству крупных архивов страны размещены на их сайтах.

Архивные документы в большинстве из них группируются по производственно-отраслевому принципу. Первая часть путеводителя обычно посвящена дореволюционному периоду, вторая часть – советскому. Номера фондов советского периода обычно имеют букву «Р», написанную через дефис перед или после номера. Для личных фондов выделяется самостоятельный отдел. Они располагаются по алфавиту фондообразователей.

Характеристика фондов обычно индивидуальная, хотя встречается и групповая – на ряд фондов. Она включает в себя наименование фонда, его порядковый номер, объем фонда, количество описей, крайние даты документов, сведения о наличии к нему СПС. Далее

более мелким шрифтом: краткая историческая справка о фонде и аннотация его документов, а иногда и библиографическая справка о литературе и публикациях материалов фонда. В результате нужные фонды могут быть достаточно легко найдены.

Кроме того, исследователю всегда нужно узнавать, нет ли в архиве по нужной теме специальных обзоров и перечней. Обзор фонда – архивный справочник, раскрывающий состав и содержание одного фонда по всем существенным темам и вопросам. В настоящее время он может располагаться как перед описью (если она одна или несколько в фонде), так и отдельным томом, когда в фонде много описей. Обзоры некоторых известных архивных фондов опубликованы в научных сборниках.

Кроме того, в архиве могут быть специальные тематические межфондовые перечни. Так, в ГАСО имеется специальный «Список обзоров и перечней документов, составленных по материалам ГАСО» (более ста наименований).

Архивные описи являются базовым архивным справочником и одновременно учетным документом. Опись – систематизированный перечень заголовков дел. Если описей в фонде много, то сначала смотрят реестр описей фонда. В нем указаны крайние даты содержащихся документов, краткая характеристика документов (планы, чертежи, бухгалтерия и т. п.). В результате исследователь определяет нужные ему описи и именно с ними и работает.

В настоящее время крупные архивы страны начали размещение описей на своих сайтах. Но большинство из них до сих пор существуют только в нескольких машинописных или даже рукописном вариантах. Поэтому работа с ними возможна только в читальном зале архива.

Большинство описей составлены по четкой схеме: индекс дела для работников архива, порядковый номер единицы хранения (дела), заголовок дела, крайние даты, количество листов, примечания. В последней графе может быть указано, что дело выбыло, ветхое или особо ценное (ОЦД). Для ОЦД в архивах существует специальный порядок их выдачи исследователям.

Начинать работу с описью следует с общего знакомства: уяснить принципы систематизации материала в описи (тематический, хронологический, смешанный и т.п.), наличие в ней СПС (обзоры, справки, указатели). В описи могут быть самые разные указатели: тематический (например, заводы, школы, больницы и т.п.), именной, геогра-

фический и др. По ним можно узнать конкретные номера интересных дел. При этом обязательно следует посмотреть конец описи, т.к. часть дел именно туда позднее приписывали. В итоге работы с описью нужные номера и заголовки дел выписываются на отдельный лист, отдельно по каждому фонду.

Краеведу–исследователю необходимо учитывать, что часто заголовок дела содержит лишь краткое обозначение вопроса, типа «статистические сведения» или совсем глухо: «разная переписка», а также бывает и ошибочный. Кроме того, может быть несоответствие заголовка дела в описи и его реального содержания, например из-за того, что заголовок был дан по первому документу многоаспектного дела.

В 1960-х гг. отечественные архивы приступили к созданию справочного аппарата тематического плана: каталогов. Каталоги – межфондовые архивные справочники, в которых имеется информация о содержании конкретных документов. В отличие от описей они учитывают материалы по определенной теме, вне зависимости от того, в каких фондах они отложились; объектом описания служит не единица хранения, а вопрос; составляются в карточной форме. Каждая карточка каталога обычно содержит название темы (в верхней части); описание материала; сноску: номера фонда, описи, дела.

Архивные каталоги, являясь межфондовыми справочниками, позволяют вести поиск одновременно по всем включенным в каталог фондам. В зависимости от специфики архивы составляют предметный, именной, административно-территориальный каталоги, каталоги по истории государственных учреждений и др. Ядром системы каталогов, при наличии в архиве нескольких взаимосвязанных каталогов, является системный каталог.

Необходимо помнить, что каталоги и описи – равноценные звенья системы СПС, они не заменяют, а только дополняют друг друга. Каталоги никогда не будут описывать все хранящиеся в архивах документы. Создание их полноценной системы – сложная и очень трудоемкая задача. В первую очередь они составляются и используются сотрудниками для выполнения запросов.

Каталогизация архивов рассматривается как одно из основных направлений совершенствования системы СПС архивов. Именно эту сферу в первую очередь затронуло внедрение автоматизированных технологий. К сожалению, в нашей стране этот процесс носит, во многом стихийный характер. Почти все архивы, имеющие соответ-

вующую компьютерную базу и средства, имеют собственные программы автоматизации (при отсутствии общегосударственной).

Таким образом, система СПС или НСА к документам АФ РФ играет ключевую роль в деятельности профессиональных архивистов и исследователей. Ее умелое использование значительно облегчает их деятельность.

При этом каждый краевед во многом вырабатывает собственную методику работы с архивными материалами. Однако необходимо следовать и целому ряду общих практических рекомендаций, выработанных поколениями исследователей.

1. Эффективная работа с архивными материалами возможна только после длительного и кропотливого изучения научной и популярной литературы, а также опубликованных источников по заинтересовавшей теме. Иначе может оказаться, а это нередко встречается с начинающими исследователями, что найденные материалы уже помещены в опубликованных сборниках или использованы в трудах ученых. Ведь архивные документы в нашей стране начали вводиться в научный оборот путем публикации еще в XVIII в. как специальными учреждениями, так и отдельными историками. Только после анализа всего опубликованного материала краевед-исследователь будет способен самостоятельно и всесторонне извлечь новые данные из огромного комплекса архивных и музейных документов.

2. При работе с фондами архива или музея началу выписок должно предшествовать общее знакомство и анализ возможно большего количества выявленных документальных материалов. Это позволит исследователю лучше их систематизировать и правильно наметить те документы, которые имеют основное значение. В самом конце дела вполне может быть сводная ведомость по необходимым материалам или указание на то, что они фальсифицированы.

3. Выписки из архивных и музейных дел следует делать с определенным запасом. Это позволит предусмотреть возможные дальнейшие повороты исследования, компенсировать рассредоточение документов по различным архивам, музеям и рукописным собраниям страны. Ведь в большинстве случаев не может быть решен вопрос об окончательной группировке материала и значении каждого документа для будущей работы до того, как исследователь закончит изучение всей совокупной источниковой базы.

4. У каждой выписки из архивного или музейного дела должен быть четкий заголовок и ссылка. В заголовке кратко указывается,

что представляет выписываемая информация с ее точной датировкой. При оформлении ссылки в отечественной практике получил широкое распространение т.н. «глухой» вариант. В нем указывается сокращенное название архива, номера фонда, описи, дела, листов (архивные документы нумеруются не по страницам, а по листам, причем, как правило с одной стороны, а вторая считается оборотной). Например: ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 59. Л. 5–6 об. Кроме того, в выписке желательно указание на подлинность документа (подлинник, копия, черновик и т.п.), а при необходимости – способ его воспроизведения (рукопись, машинопись и т.п.).

5. Опыт показывает целесообразность делать выписки возможно ближе к тексту самих документов. Во всех случаях фразы и слова, которые выписываются дословно, обязательно отмечаются кавычками. Это позволяет избежать в последующем неправильного толкования материала дает возможность точно процитировать в издании необходимый документ, не обращаясь вновь в архив или музей, который может быть расположен и в другом регионе.

Если при выписке допускается исключение из цитаты отдельных слов или фраз, то всякий пропуск отмечается отточием. При необходимости пояснения цитируемого текста это следует делать вне цитаты, в частности, в подстрочнике. Лишь отдельные поясняющие слова могут быть внесены в цитату в квадратных скобках. Таким же образом могут быть раскрыты допущенные в документе сокращения слов или исправлены ошибочно написанные в тексте слова.

В тоже время в самом тексте исследования необходимо строго следовать правилам современной орфографии. В частности надо избегать архаизмов, заменять их в большинстве случаев на современные термины. Например, в XIX в. учителей в документах обычно называли учащие, писали представить, а не как сейчас: предоставить и т.п. Если устаревшее слово не имеет современного четкого аналога, его в тексте исследования следует помещать в кавычках. Кроме того, необходимо расставлять знаки препинания, заглавные и строчные буквы в соответствии с действующими в настоящее время правилами орфографии и смыслом документа.

6. Существуют два основных способа делать выписки: тетрадный и карточный. Каждый имеет свои преимущества и недостатки. Поэтому исследователю необходимо эффективно чередовать их при ведении записей.

Преимущества тетрадного способа состоят в более последовательном и связном изложении материала. Кроме того, он более экономичен, так как позволяет один раз отметить необходимые справочные данные о деле. Вместе с тем главный недостаток тетрадного способа в невозможности свободной перекомпоновки записей, которая достаточно регулярно требуется исследователю. Это делает необходимым или создавать какие-то указатели к тетрадям с записями или делать из них повторные выписки.

При карточном способе на каждом листе (карточке) делается лишь одна выписка из документа, соответствующая одному определенному вопросу. Впоследствии они легко систематизируются в соответствии с темой и планом исследования. Именно этот метод обеспечивает «полное и стройное использование всех источников» (Н. М. Дружинин) в исследовании.

7. В конце работы с документальными материалами необходимо тщательно проверить все сделанные ссылки. Еще раз это следует сделать перед их изданием в любой печатной работе.

Следование этим рекомендациям поможет избежать типичных ошибок, допускаемых начинающими исследователями. Впоследствии оно облегчит введение выявленных в архивах материалов в научный оборот.

Вопросы:

1. Покажите особенности работы с неопубликованными материалами.
2. Раскройте признаки организации АФ РФ.
3. Назовите основные места хранения неопубликованных документов по истории Урала.
4. Дайте характеристику справочно-поисковым средствам архивов.

Литература:

Алексеева Е. В., Афанасьева Л. П., Бурова Е. М. Архивоведение (теория и методика). Учебник для вузов. М., 2012.

Архивная служба Свердловской области – 85 лет. Екатеринбург, 2004.

Голиков А. Г. Архивоведение отечественной истории. М., 2011.

Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009.

Хорхордина Т. И., Волкова Т. С. Российские архивы: история и современность. Учебник. М., 2012.

Черноухов Э. А. Документы Госархива Свердловской области о социальной инфраструктуре частных горнозаводских округов Урала в XIX в. // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 32–40.

Шепелев Л. Е. Архивные разыскания и исследования. М., 1971.

Портал Федеральной архивной службы. URL: <http://www.rusarchives.ru>.

Сайт Управления архивами Свердловской области. URL: <http://www.uralarchives.ru>.

ГЛАВА IV. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ¹

План:

1. Этапы развития археологии как науки. Первые археологические открытия и изыскания на Урале.
2. Становление археологической науки на Урале.
3. Археологические исследования на Урале в советское и постсоветское время

1. Становление археологии как науки относят к концу XVIII в. Оно связано с определенными потребностями в развитии общественного сознания, когда представлениям о древнейших этапах истории человечества и отдельных народов было необходимо дать научную основу. В ее развитии выделяют несколько этапов. В.Ф. Генинг, один из организаторов современных исследований на Урале и в Западной Сибири, видел три этапа, в зависимости от представлений об объекте науки, ее методах исследования и конечном результате.

I этап — археология древностей (конец XVIII – 70-е гг. XIX в.). Это период первоначального накопления древностей, сбора случайных находок, начала раскопок. Объект познания рассматривался как механическая сумма вещей, характеризующих древние общества. Цель познания — выявление вещей, определение их хронологии и элементарных функций. Конечный результат виделся как описание вещей, установление их хронологии и функций, что являлось доказательством древности человека, его истории.

Завершается этап организационным оформлением и признани-

¹ Раздел написан при финансовой поддержке проекта № 14-06-00287а «Металлургия горно-лесного Урала в раннем железном веке».

ем новой науки: в 1866 г. во Франции состоялся I международный конгресс по антропологии и доисторической археологии, а в 1869 г. — I Археологический съезд в Москве.

II этап — культурантархеология (с 70-х гг. XIX в. по 30–60 гг. XX в.). Это период формирования системы эмпирических основ археологического знания и познания на основе интенсивного развития национальных археологий. В основе археологического познания лежит культурно-историческая концепция, согласно которой культурно-исторический эволюционизм рассматривался как выражение исторического прогресса развития человечества. Объектом познания на этом этапе было не общество как социальное образование, а культура как совокупность отдельных локальных систем, отражающих разнообразие форм деятельности человека. Выявление этих систем — цель познания археологии. Главная задача, конечный результат исследования понимался как систематизация археологических памятников, выделение и описание их в комплексах археологических культур как совокупности материальных остатков различных сфер деятельности и показатель уровня развития отдельных обществ прошлого.

Реакцией на упрощенный культурно-исторический эволюционизм явилось возникновение идей (теорий) культурно-исторических кругов, диффузионизма, миграционизма и проч.

III этап — социоархеология (с 30-х гг. XX в. в советской археологии и с 60-х гг. — в западной). Это время дальнейшего накопления источников, рост объемов полевых работ. Представление об объекте науки складывается под воздействием идей диалектизма. Общество рассматривается как социально-историческая системная целостность с диалектической взаимосвязью отдельных компонентов. В этой системе предметный мир — обязательный компонент социальной действительности, и он является основой для реконструкции общественной жизни конкретных обществ прошлого. Цель науки — изучение закономерностей социально-исторического развития прошлых обществ в их конкретном многообразии. Отсюда конечный результат знания — представить общество прошлого как социально-историческую целостность.

В познании выделяются четыре уровня исследования: источниковый, реконструкция образа жизни, познание социально-исторических закономерностей, выявление ступеней формационного развития.

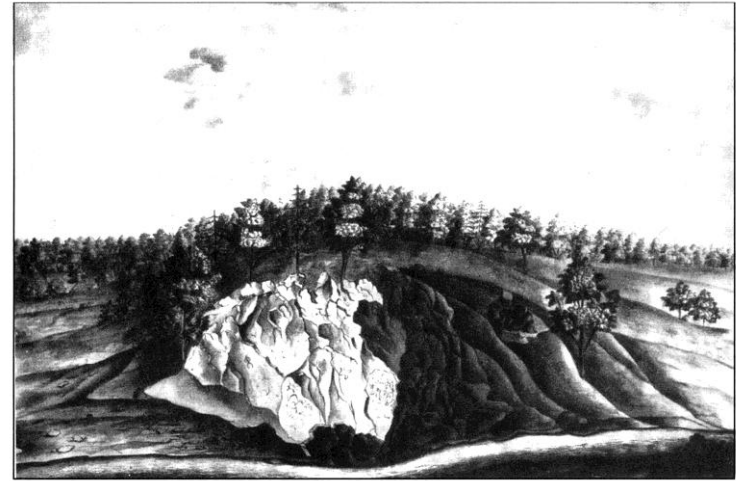
Региональные периодизации нередко отличаются от глобаль-

ных. В частности, в развитии археологии Урала выделяют 4 этапа: 1) **конец XVII — середина XIX вв.** — упоминания о древностях Среднего и Южного Урала; 2) **1850-е — до 1920-х гг.** — целенаправленные исследования уральских краеведов, создание обществ, в рамках которых ведутся археологические раскопки и сбор информации, выход первых обобщающих работ; 3) **конец 1920-х — 1950-е гг.** — систематические и широкие исследования отдельных регионов Урала, переход к реконструкции древней истории больших регионов края; 4) **с конца 1950-х гг. по настоящее время** — возникновение вузовско-академических центров на Урале, сплошное археологическое исследование края, переход от широких хронологических и региональных обобщений к проблемным исследованиям и углубленному изучению материала по эпохам, периодам, отдельным археологическим культурам и историко-культурным общностям, сегодня с упором на междисциплинарные исследования.

С Уралом связаны одни из древнейших документов, свидетельствующих об интересе к древностям в России. Уже в середине XVII века, во время царствования Алексея Михайловича, была предпринята экспедиция для обследования чудских городков на р. Сыsole в Вычегодском крае. Но местное население еще раньше знало археологические памятники и в целом верно оценивало их назначение: курганы как места погребений, городища — как крепости или места поселений. Знало оно и наскальные рисунки — Писаный Камень на р. Вишере служил разграничительным знаком ясачных угодий. А к 1699 г. относится документ, хранившийся в делах Верхотурской приказной палаты и который можно считать началом изучения уральских писаниц (в частности, Ирбитского Писаного Камня). Вот его текст:

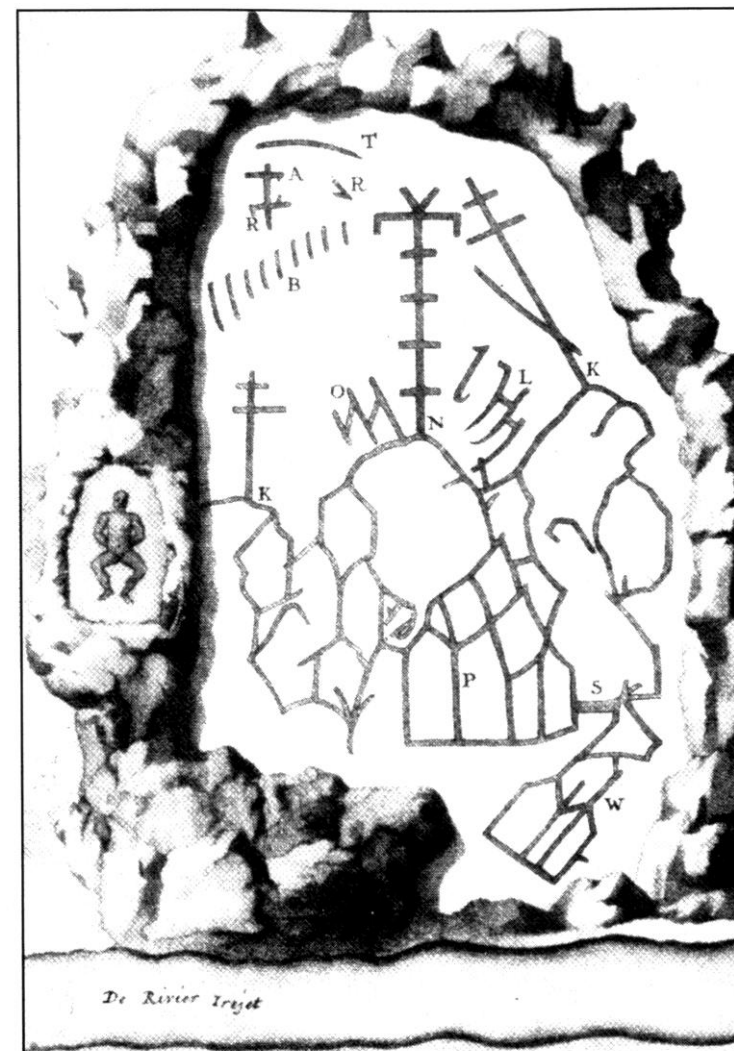
«Лета 7207 году генваря 14 день. По указу Великого государя и по приказу Стольников и воевод Кузьмы Петровича Козлова с товарищи память Верхотурские Приказные палаты подъячему Якову Лосеву стрельцу Петрушке Сапожникову стрельцу Петрушке Каптыреву ехать им с Верхотурья Верхотурского уезда в Арамашевскую слободу. А приехав взяти им прикащика Ивана Албычева а буде иво в той слободе неизъедут им взяти старосту да беломесного казака и ехать из Арамашевской слободы в деревню Писанец. А приехав и взяв тое деревни жителей крестьян старых людей и им велеть указать Гору, на которой камнях написаны слова и иные какие письма. А приехав к той горе тое гору осмотреть и описать сколь велика и высока и в котором месте на камени написаны слова или иные какие письма. И

сколь высоко те письма на камени написаны от воды и сколько написано слов. Написать на чертеже тое гору и подписать слова слово в слово ничем не разнo и вoвсем бы сходно».

„Камень Писаный на реке Ирбеть“. Рисунок И.Люрсениуса, нач. XVIII в.; портфели Г.Миллера, ЦГАДА (по В.Н.Чернецову)

Вероятно, именно эти копии, сделанные Яковым Лосевым, попали к Николаю Витзену и были опубликованы в Амстердаме во втором (1705) и третьем (1785) изданиях «Северная и Восточная Тартария» [Noord en Oost Tartarye, ofte Bondig Ontwerp Van eenige dier Lenden en Volken, Welkt voormaels bekend zijn geweest... in de Norder en Velen, voormaels bekend zijn geweest... in de Norder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa... door Nicolaes Witsen. Tweede Druk. – Amsterdam, by Francois Halma, 1705]. В этом же сочинении впервые публикуются сведения о курганах на территории близ Тобольска, Верхотурья и Тюмени.

“Сибирская Крестовая Гора, или скала Писанец, именуемая, на реке Иртыше”. Из: Witsen N. Noord en Oost Tartarye... – Amsterdam, 1705 (по В.Н.Чернецову)

В апреле 1703 г. боярский сын Семен Ремезов со своим сыном Леонтием по указу великого государя отправились из Тобольска на Верхотурье и Кунгур для составления Чертежа Земли Города Кунгура. Тогда же они попутно посетили Писаный Камень на р. Ирбит и сделали зарисовки с его изображений, занесенные в Служебную Чертежную книгу. Копии Ремезова также были помещены в «Северную и Восточную Тартарию» Н. Витзена. Кроме того, они вместе с изображениями Писаного Камня на р. Вишере были опубликованы в 1730 г. в Стокгольме П. Страленбергом, побывавшим у этих скал, и в 1742 г. в Амстердаме Г. Кюпером. Следующим после Страленберга Писаный Камень на р. Ирбит посетил в 1741 г. Герард Миллер, который впоследствии, примерно в 1748 г., написал статью «О сибирских писаных камнях».

В начале XVIII в. археологические исследования коснулись и Сибири. Отчасти находки в сибирских курганах обусловили указы Петра I. В 1718 г. выходит его указ об организации Кунсткамеры. В нем есть строки о собирании старинных вещей: «Также, ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным; также какие старые надписи на каменьях, железе или меди, или какое старое, необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно – такожь бы приносили, за что давана будет довольная дача». Указ 1721 г. запрещал переливать находимые «куриозные» драгоценные вещи, предписывая отсылать их в Санкт-Петербург. Известный историк В.Н. Татищев в 1739 г. составил детальную инструкцию по сбору сведений о различных древностях. Подробные сведения об уральских чудских копиях оставили участники Оренбургских экспедиций П.С. Паллас, П.И. Рычков и И.И. Лепехин. Последний при описании Оренбургской губернии упоминает о медных рудниках на реках Каргалы и Самара; рядом с рудниками находились развалины печей, слитки и инструменты. В 1780 г. Паллас издает «Рассуждения о старинных рудных копиях в Сибири и их подобии с венгерскими, различествующими от копей римских». Путешественником И.Г. Георги в 1776 г. было описано святилище в одной из пещер Камня Дыроватого на р. Чусовой. Но в целом сбор сведений о древностях Урала и Сибири носил эпизодический характер. Памятники приписывали «чуди белоглазой» или легендарной Биармии. Сборы и обследования проводились еще в русле географиче-

ческих изысканий и антикварных увлечений.

Даже в начале XIX в. обследования памятников с целью познания исторического прошлого были весьма ограничены. Первые такие раскопки в 1819 г. провел пермский чиновник В.Н. Берх, решивший опровергнуть данные о легендарной Биармии (по данным скандинавских саг, раннесредневековой стране на севере Европы, богатой пушминой и серебром). Для этого он предпринял раскопки древних памятников северного Урала в местах Перми Великой. Из русских летописей было известно, что в 1472 г. московская рать разбила войско пермских князей около городов Искор, Урос, Покча и Чердынь. В.Н. Берх разыскал по сведениям местных жителей остатки города Искора и в течение 5 дней прорезал его площадку 56 продольными и поперечными траншеями. Находки оказались скромными: серебряное кольцо, два замка, ключ с золотой насечкой, бердыш, сошник и другие незначительные вещи, при полном отсутствии остатков монументальных сооружений, что, по мнению Берха, свидетельствовало об отсутствии следов городской жизни и богатой страны Биармии. В том же году им были предприняты раскопки на Пянтежском городище, где он обнаружил остатки шлаков и плавильной печи, Уральском городище и Дивьем городке.

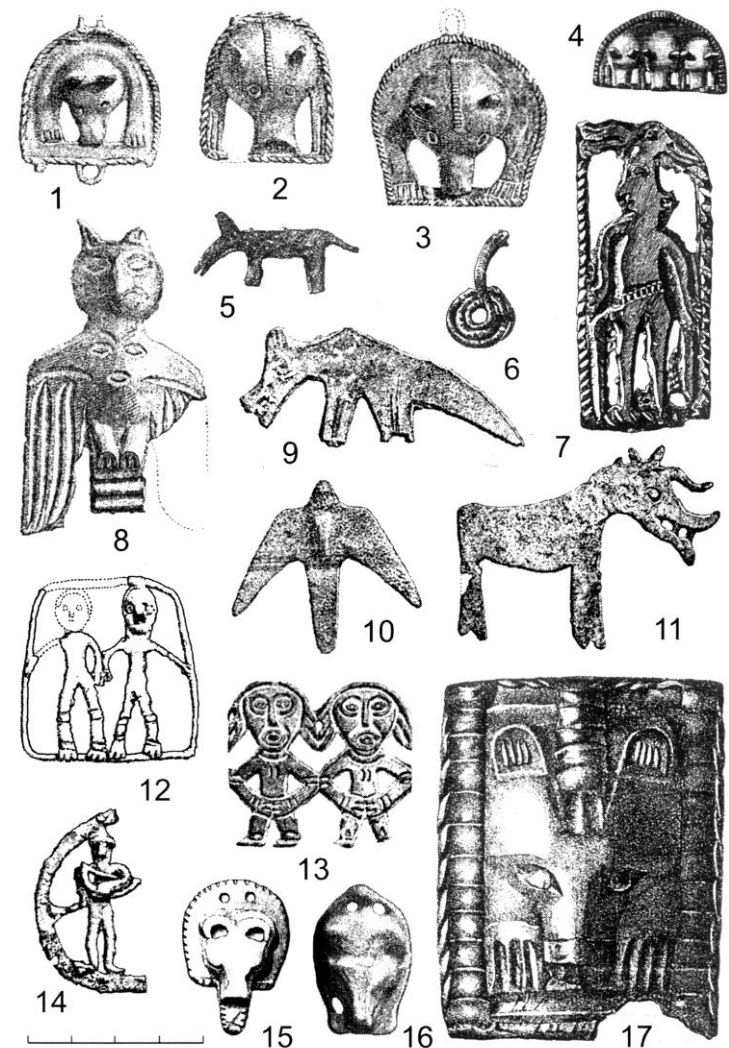
К началу XIX в. относятся новые упоминания об уральских писаницах, принадлежавшие Никите Попову. В 1804 г. он описал Писанный камень на р. Вишере, а также первым сообщил о существовании тагильских писаниц. Позднее, в 1829 г., рисунки на скалах по берегам р. Тагил осмотрел Александр Гумбольдт, высказавший мнение о их сходстве с американскими.

В 20–30-е гг. XIX в. в России формируется археология как наука о древностях (еще раньше — в 1804 г. — при Московском университете было создано первое Историческое общество, в 1811 г. переименованное в Общество истории и древностей Российских). Оформляются несколько разделов археологии: славяно-русская, античная и восточная (позднее, в третьей четверти XIX века, возникает еще один ее раздел — первобытная археология). В 1845 г. создается Русское географическое общество, а в 1846 г. — Петербургское археолого-нумизматическое общество в Санкт-Петербурге, преобразованное впоследствии в Русское археологическое общество.

На Урале в 1830–40-х гг. в районе Нижнего Тагила работали местные археологи-любители — служащий Нижнетагильского завода Дмитрий Петрович Шорин и преподаватель Выйского училища, член-

корреспондент Пермского губернского статистического комитета Иродион Матвеевич Рябов, начавший сбор древних вещей для музея естественной истории и древностей, открытого в 1840 г. в Нижнем Тагиле. В 1837 г. И.М. Рябов проводит раскопки неолитической стоянки на р. Полуденка. В 1845 г. там же копают Д.П. Шорин. Эти раскопки явились первыми планомерными археологическими исследованиями на Урале. Шорин и Рябов вместе обследуют окрестности Тагила, копируют писаницы на р. Тагил, описывают уникальный насыпной памятник археологии Кокшаровский холм.

Обилие случайных археологических находок, обнаруженных в Прикамье, побудило владельца огромных имений графа С.Г. Строганова, любителя искусства и будущего председателя Археологической комиссии в Петербурге, дать подробное указание управляющему имениями В.А. Волегову о сборе археологических предметов. Волегов и сам интересовался археологией и собирал древности. Часть находок отправлялась в столицу, другая оставалась в Прикамье, в селе Ильинском. В.А. Волеговым был составлен альбом местных находок. Заложенная им в 1830-х гг. коллекция явилась началом собирания пермских древностей. В 1864 г. она перешла в руки А.Е. Теплоухова, бывшего крепостного, а затем главного лесничего, управляющего Пермским имением Строгановых, а в 1885 г. — к его сыну Ф.А. Теплоухову. К 1890 г. это собрание насчитывало около 7000 древних предметов различных эпох. Кроме собирания коллекций, Теплоуховы проводили раскопки, занимались научной деятельностью. А.Е. Теплоухов впервые выделил костыща как особый тип жертвенных мест на Урале, Ф.А. Теплоуховым написаны обобщающие работы по истории древнего земледелия, торговли, религиозных представлений Пермской Чуды. Коллекция Теплоуховых была опубликована в 1902 г. А.А. Спицыным.

Бронзовая металлопластика Прикамья: 1–14 — Гляденовское
костище; 15 — д. Михалёва; 16 — д. Плесо; 17 — р. Кын
(1–3, 8–14 — по Н.Н.Новокрещенных, 1914;
4 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 г.;
5–7, 15–17 — по: Материалы по археологии России. Т. 26, 1902)

На протяжении первой половины XIX в. формировалась материальная база археологических исследований, организационная структура и связь с конкретными научными и просветительскими учреждениями. Со второй половины XIX в. в России оформляется первобытная археология, которая до этого времени была известна только исследованиями в Сибири и отчасти на Урале. В связи с появлением трудов Ч. Дарвина, распространением идей эволюционизма в обществе возрос интерес к истории древнего человека.

2. В 1859 г. при Министерстве Двора было создано государственное учреждение — Императорская Археологическая комиссия, призванная осуществлять надзор за археологическими работами в России. Позднее комиссия получила право на выдачу разрешения на раскопки («Открытые листы»). В 1860–70-х гг. ее председателем был граф С.Г. Строганов. Через 5 лет, в 1864 г., графом А.С. Уваровым было основано Московское археологическое общество с целью «распространения в России археологических знаний». Состоялось 15 съездов этого общества. Разворачивают свою деятельность Русское географическое общество и Археологическая комиссия, особенно в Сибири. Их отделения открываются в Иркутске, Красноярске, Томбольшке. Публикуются Отчеты Императорской Археологической комиссии. В этих обществах впервые начали обсуждать с научных позиций своего времени археологические находки, их значение для расширения знания.

В эти годы (1858) раскопки с целью поисков кладов предпринял управляющий Верх-Исетского завода С.С. Сигов, нашедший в деревне Палкино медных идолов и другие вещи различных эпох. Впоследствии находки поступили в музей в Санкт-Петербурге, а информация о них была опубликована в Перми. В 1860-х гг., заручившись разрешением Императорской Археологической комиссии, шадринский краевед А.Н. Зырянов произвел раскопки ряда курганов в окрестностях села Замараевского.

В 1863 г. в Уфе был основан Оренбургский статистический комитет, а после разделения Оренбургской губернии на Оренбургскую и Уфимскую в 1865 г. — Уфимский статистический комитет. Эти комитеты, помимо прочей деятельности, способствовали проведению археологических изысканий на Южном Урале. В 1863–64 гг. детальную археологическую разведку здесь провел приехавший из Москвы Руф Гаврилович Игнатьев. Разведка увенчалась открытием и описа-

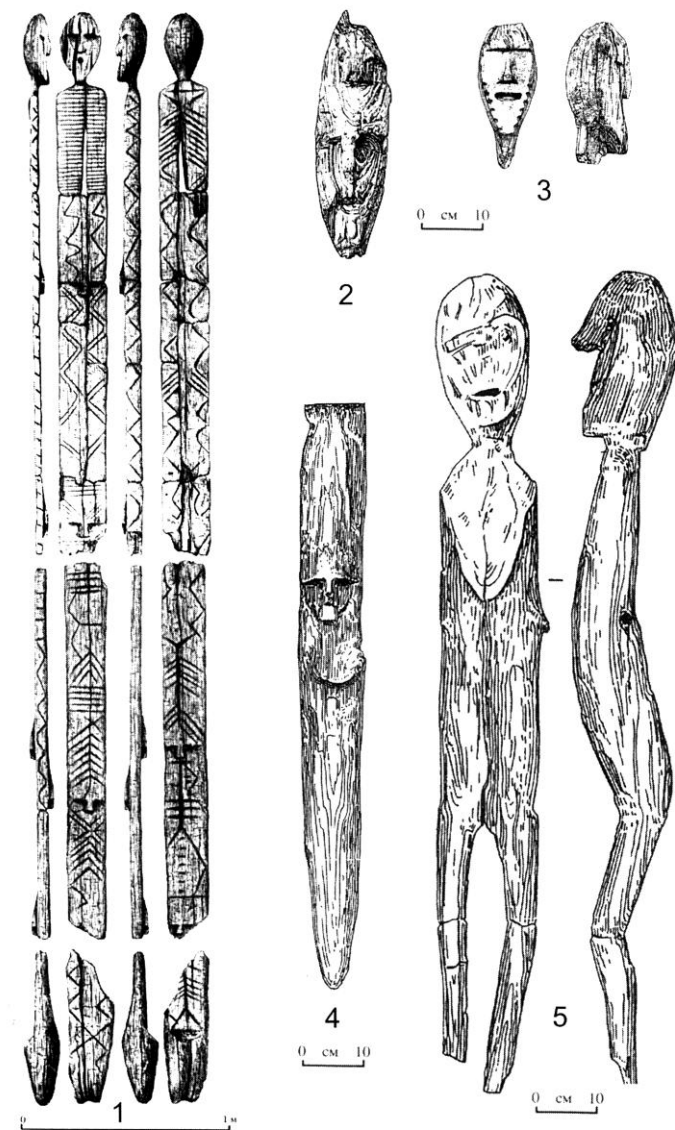
нием большого количества курганов. Игнатьевым была составлена археологическая карта Оренбургской губернии.

В 1870 г. было открыто Уральское общество любителей естествознания — УОЛЕ, главным организатором и учредителем которого стал Онисим Егорович Клер. Учредителями Общества были А.А. Иосса, А.А. Миславский, Л.П. Сабанеев и другие — всего около 80 человек. Среди его членов — горный инженер Ф.Ю. Гебауэр (чьим именем уже в советское время будет названа пещера с археологическими находками), М.О. Клер, М.В. Малахов, А.Е. и Ф.А. Теплоуховы, В.Я. Толмачев, учителя А.А. Спицын, И.Я. Словцов, писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк. Общество ставило целью: «а) изучение и исследование Уральского края в естественно-историческом отношении; б) распространение естественно-исторических знаний в этом крае». В музей УОЛЕ была передана коллекция Строгановых. В 1890 г. в Перми было открыто отделение УОЛЕ — Пермская комиссия со своим музеем.

Одним из первых доисторическим прошлым Урала стал заниматься Михаил Викторович Малахов (1856–1885). В 1874–75 гг. он вместе с О.Е. Клером проводил разведки стоянок у деревни Палкино, а в 1876 и 1878 гг. — раскопки стоянок на Аятском озере и Таватуге. Крупным событием, всколыхнувшим интерес краеведов и ученых к древней истории Урала, явилась находка каменного шлифованного топора в окрестностях Екатеринбурга в 1873 г. С сообщением о ней на общем собрании УОЛЕ в 1876 г. выступил О.Е. Клер, и уже вскоре, благодаря усилиям специалистов и любителей археологии, на Урале были открыты многочисленные памятники древности, в том числе и датированные каменным веком. В 1877 г. в результате раскопок Ф.Ю. Гебауэра в одной из пещер на р. Пышме около Сухого Лога были найдены изделия из камня и кости, служившие несомненным доказательством обитания в пещере человека в каменном веке. В 1879 г. от вице-президента УОЛЕ А.А. Миславского поступило первое известие о шигирских находках. В 1880–82 гг. по заданию РГО М.В. Малахов организовал экспедицию по Уралу, в ходе которой было обнаружено 500 археологических памятников, в том числе костяшки и наскальные рисунки на реках Вишере, Реже, Тагиле. Им были произведены раскопки на Шигирском торфянике, Аятском озере, у деревни Палкино, обследованы острова Исетского озера. Ранняя смерть не позволила М.В. Малахову завершить многие начинания. Его рукописи были изданы О.Е. Клером в «Записках УОЛЕ».

В 1887 г. Шигирский торфяник посетили профессор МГУ Д.Н. Анучин и граф Ф.А. Уваров, приехавшие на Урал с целью приобретения вещей для Московского археологического общества и частного собрания древностей Уваровых. В ходе экскурсии ими были приобретены вещи с торфяника и Палкинских стоянок. Собранные коллекции были увезены в Москву и демонстрировались на VII и VIII Археологических съездах. В 1890 г. на 2-ом Курьинском прииске торфяника был найден знаменитый шигирский идол. По реконструкции В.Я. Толмачева он представлял собой фигуру высоту 5,3 м и был сделан из цельного бревна. В конце XIX – начале XX в. Екатеринбург и ряд других уральских городов посетили археологи-иностранцы. В 1895–96 гг. проездом на Афонтову гору здесь останавливался барон Ж.О. де Бай, побывавший на стоянках в окрестностях Палкино и на Шигирском торфянике, в 1915 г. — А.М. Тальгрэн. Они увезли значительные коллекции в Парижский и Гельсингфорский музеи.

Одним из интереснейших археологов-любителей конца XIX – начала XX в. был Н.А. Рыжников — сын рабочего Верх-Исетского завода. Он был сторожем, затем препаратором в музее УОЛЕ. С 1885 г. у него пробудился интерес к археологии. Совместно с О.Е. Клером в 1890 г. он обследовал берега Исетского озера и раскопал ряд стоянок в окрестностях деревни Коптяки, в 1891 г. вместе с М.В. Малаховым провел раскопки на Шитовском озере и островах озера Таватуй. В результате экспедиций было собрано несколько десятков тысяч различных находок, часть из которых была отправлена в Петербург в Главное управление Верх-Исетских заводов (в качестве компенсации за финансирование работ). Большая же часть предназначалась для музея УОЛЕ. Две заметки об этих работах были опубликованы в журнале «Округ».

Деревянные антропоморфные изображения из Шигирского и Горбуновского торфяников: 1 — Большой Шигирский идол (по В.Я.Толмачеву); 2, 4, 5 — стоянка “6-й разрез” Горбуновского торфяника; 3 — Малый Шигирский идол

В 1888 г. Московское археологическое общество предложило Ф.А. Теплоухову и О.Е. Клеру принять участие в составлении Археологической карты России. Первому поручалось составление карты западной части Пермской губернии, второму — восточной. В 1890 г. О.Е. Клер и К.И. Фаддеев на общем собрании УОЛЕ представили первую археологическую карту восточной части Пермской губернии. В 1891 г. О.Е. Клер в сопровождении нескольких рабочих выехал на Ирбитское озеро, где двумя годами раньше Д.Н. Мамин (Мамин-Сибиряк) и А.И. Гаккель нашли древние бронзовые изделия. На берегах озера Клер выявил немалое количество археологических памятников, на некоторых из них произвел раскопки. Своей активной деятельностью он завоевал высокий авторитет у археологов страны. Признанием заслуг краеведа в изучении памятников Уральского края стало его избрание в 1893 г. в члены-сотрудники Русского археологического общества. В 1908 г. его сыном М.О. Клером были открыты свайные постройки на Горбуновском торфянике.

Известно, что в зрелом возрасте археологией увлекался Д.Н. Мамин-Сибиряк. В 1890-х гг. он являлся не только членом УОЛЕ, но и членом-корреспондентом Московского археологического общества, не раз получал от него свидетельства на право производить раскопки, а также небольшие средства для археологических изысканий. Интересы Д.Н. Мамина в области археологии Урала были очень разнообразны. Он работал под Чердынью, Камышловым, Ирбитом, Тюменью, Екатеринбургом. Обычно это были поездки по местам, откуда приходили сведения об археологических находках; встречи с людьми, у которых были какие-то древние предметы или информация о подобных находках; и приобретение наиболее выдающихся находок. Иногда эти поездки сопровождались небольшими раскопками на местах, указанных проводниками. Безусловной заслугой Д.Н. Мамина является то, что все свои путешествия и находки он сопровождал подробными записями. Он описывал не только то, что нашел или приобрел самостоятельно, но и то, что ему сообщали об археологических находках другие лица — «Заношу в дневник по порядку все, что удалось видеть и слышать». Наиболее интересные раскопки Д.Н. Мамин провел в окрестностях Екатеринбурга на Карасьем озере (стоянка на Разбойничьем острове).

В Прикамье и Заволжье более или менее систематические поиски древностей начались в период подготовки и после IV Археологического съезда, состоявшегося в 1877 г. в Казани. Исследования в

окрестностях города проводили геологи, профессора Казанского университета Н.Ф. Высоцкий и А.А. Штукенберг. Курганы эпохи бронзы у дер. Маклашеевки раскапывал П.А. Пономарев. Описывая Ананьинский могильник, он отметил, что могильнику на этом месте предшествовало поселение. Об этом же писал А.А. Спицын, учитель истории Вятской гимназии, а затем один из руководителей Археологической комиссии и профессор Петербургского университета.

В конце XIX в. стало известно о могильнике у дер. Турбино под Пермью. Ф.А. Теплоухов опубликовал ряд находок — медные топоры, ножи, копья, однако раскопки могильника осуществились уже в советское время выдающимся археологом О.Н. Бадером. В 1880 г. геологом А.П. Ивановым были осмотрены многие археологические памятники на Верхней Каме и впервые отмечены находки на них каменных орудий.

Раскопкам подверглись такие ныне широко известные памятники, как Ананьинский могильник, Гляденовское костыще в Приуралье, савроматские курганы на Южном Урале.

Археологическое изучение древностей Пермской губернии велось многими научными краеведческими организациями, возникшими во второй половине XIX — начале XX вв. К ним относятся Пермская ученая архивная комиссия (1888), собиравшая не только архивные документы, но и древние вещи; Пермский научно-промышленный музей и уже упоминавшаяся Пермская комиссия УОЛЕ (1890), под руководством одного из ее членов — Н.Н. Новокрещенных проводились раскопки Гляденовского костыща и ряда других памятников; Общество любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края (1899), одним из первых поставившее вопрос об организации охраны древних памятников. В 1917–1924 гг. были начаты археологические исследования Пермского университета, которыми тогда руководил будущий известный востоковед А.В. Шмидт.

Систематическое изучение археологических памятников по рекам Исети, Туре и в окрестностях Тюмени проводил директор Тюменского реального училища И.Я. Словцов. Им была открыта и в 1883 г. раскопана неолитическая стоянка на Андреевском озере, в 1892–93 гг. совместно с А.К. Гейкелем исследованы три кургана в 1,5 км от Тюмени. В 1893 г. Гейкель раскопал несколько курганов бронзового века сначала в окрестностях Кургана, а затем у дер. Томилово близ Ялуторовска. В начале XX века на территории современных

Курганской (Шадринский уезд) и Челябинской областей активно работали Н.К. Минко и В.Я. Толмачев, ими вскрыто несколько андроновских курганов. Кроме того, Толмачев открыл и частично исследовал ряд городищ и стоянок, в 1914 г. по заданию Археологической комиссии обследовал известные наскальные изображения в Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Екатеринбургском и Шадринском уездах, вновь посетил Шигирский торфяник. Им были изданы «Древности Восточного Урала» в трех частях, опубликован большой шигирский идол. В.П. Бирюковым и В.Я. Толмачевым был обследован андроновский могильник на р. Миасс. Энергичной была деятельность и Николая Кирилловича Минко, раскопки которого продолжались несколько лет (к 1912 г. он вскрыл до 30 курганов). К сожалению, его материалы обесценились из-за того, что документация о раскопках не сохранилась.

Таким образом, к концу XIX – началу XX века на Урале и в прилегающих районах возникло несколько центров, при которых активно занимались археологическими исследованиями. В Екатеринбурге их проводили члены УОЛЕ, в Перми работал Ф.А. Теплоухов, в Вятке — А.А. Спицын и Н.Г. Первухин, в Уфе — члены Уфимского статистического комитета Р.Г. Игнатьев и Н.А. Гурвич. При Обществе археологии, истории и этнографии (Казанский университет) протекала деятельность С.М. Шпилевского, Н.В. Высоцкого, А.Ф. Лихачева, В.И. Заусайлова и других. Исследователи — археологи Поволжья, Прикамья и Урала ставили своей задачей изучение местных памятников древности и самостоятельно решали ее, чего не наблюдалось в провинциальных центрах средней России, почти целиком обслуживавшихся специалистами Москвы и Петербурга.

На основе накопленного археологического материала выходят первые обобщающие работы по археологии Прикамья (А.А. Спицын, 1901), Оренбургского края (М.И. Ростовцев, 1918), горного Урала (М.В. Малахов, 1887, 1908), лесного Зауралья (И.Я. Словцов, 1887, 1890). В них авторы обосновывали региональные периодизации древностей. Выявились и разногласия по вопросам этнической интерпретации археологических источников. А.А. Спицын и М.В. Малахов убедительно доказали несостоятельность соотнесения всех уральских источников с «чудью». С проблемой установления прародины финно-угорских народов была связана дискуссия о создателях уральского очага металлургии. М.В. Малахов и А.М. Тальгрэн обосновывали местный характер первых металлургов, в то время как И.Р. Аспелин

предполагал, что они были пришельцами из Западной Сибири (Аспелин систематизировал известные ему древние металлические предметы Восточной Европы и Западной Сибири и выделил особую урало-алтайскую группу медно-бронзовых изделий; бронзовый век к западу от Урала он считал более «молодым»). Против гипотезы И.Р. Аспелина о существовании единой урало-алтайской культуры бронзовой эпохи выступил другой известный финский археолог, профессор А.М. Тальгрэн. Его взгляды были основаны на изучении богатых коллекций русских музеев и собраний, попавших в музеи Финляндии (в частности, коллекции В.И. Заусайлова).

В 1912 г. с целью сбора сведений об археологических памятниках и отдельных находках на Восточном Урале УОЛЕ разработало специальную «анкету о древностях», которую предполагало разослать по всем уездам Пермской губернии. За систематизацию и обработку поступивших по этой анкете данных взялся В.Я. Толмачев. В 1913 г. в журнале "Уральский техник" он опубликовал статью «Памятники старины — наше национальное богатство», где писал о необходимости принять «неотложные меры к охране и изучению уцелевших еще памятников старины». «В целях сохранения самих городищ, курганов и т.п. памятников старины, — отмечал он, — нельзя не высказать желание, чтобы землевладельцы, на земле которых находятся эти памятники, приняли их под свое просвещенное покровительство и к раскопке их не допускали людей, не обладающих специальными познаниями и не снабженных надлежащими разрешениями».

В 1914 г. В.Я. Толмачеву было поручено осмотреть местность вдоль строившейся Казанско-Екатеринбургской железной дороги от р. Камы до Екатеринбурга. Фактически это были первые на Урале изыскания в зоне новостроек, хотя и не принесшие результатов: был приобретен лишь медный топор с опущенным обухом, найденный близ дер. Ошья.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. под руководством УОЛЕ или при его содействии было сделано немало по части изучения доисторического прошлого Урала, пропаганды этих знаний и охраны памятников старины.

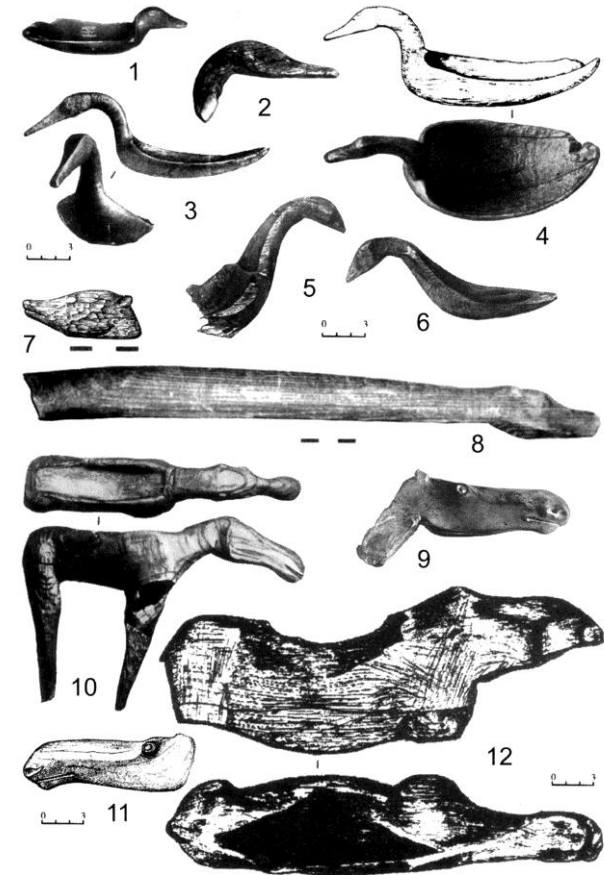
3. Третий этап в развитии уральской археологии, характеризующийся систематическими и широкими исследованиями отдельных районов, начинается в конце 1920-х гг. В довоенный период (1928–1931 гг.) исследованием Вятского края занималась комплексная экс-

педия Антропологического института МГУ в составе А.В. Збруевой, О.Н. Бадера, М.В. Талицкого и других. В ее задачи входили реконструктивные раскопки таких известных городищ, как Пижемского, Мальковского, Белоглазовского, Лебяжского, Аргыжского. В 1929–30 гг. М.В. Талицким был раскопан Кочергинский могильник на Вятке, отнесенный сейчас к одноименной культуре X — XII вв. В конце 30-х гг. М.П. Грязновым, а затем Н.А. Прокошевым были разведаны Чижевское и Наговицынские городища. Итогом дореволюционных и довоенных работ стал обобщающий труд А.В. Збруевой, вышедший в 1952 г. и ставший классической основой для всех последующих исследований.

С 1929 г. в Прикамье начинается самостоятельная работа М.В. Талицкий. Он провел разведки по рекам Чусовой и Иньве, выявив и обследовав большое количество археологических памятников, которые легли в основу единой археологической карты Прикамья. Крупным открытием Талицкого было выявление и начало исследования древнейших археологических памятников Урала — Островской палеолитической стоянки на р. Чусовой (1938–39 гг. — позднее стоянка была названа его именем) и мустьерского местонахождения Пещерный Лог. Он считал, что камский палеолит имеет сибирский облик. Крупным вкладом М.В. Талицкого в археологию Урала явилась обобщающая монография о родановской культуре предков коми-пермяков X — XIV вв., написанная на основе его раскопок Роданова городища (1936–37 гг.) и ряда других памятников.

В Зауралье весьма эффектными были находки деревянных скульптурных изображений на Горбуновском торфянике, раскопками на котором с 1926 г. руководил Д.Н. Эдинг. В работах в качестве научного сотрудника Уральского областного государственного музея принимал участие и А.А. Берс. В послевоенные годы раскопки на Горбуновском торфянике были продолжены А.Я. Брюсовым (1948–49 гг.). На территории Тюменской области исследования памятников эпох неолита и бронзы, курганов раннего железного века проводились П.А. Дмитриевым и директором Тюменского краеведческого музея Д. Россомahiным. Они раскопали Липчинскую и Вторую Андреевскую стоянки. Кроме того, П.А. Дмитриевым была открыта и частично исследована (совместно с А.А. Берсом) стоянка и могильник Калмацкий Брод на р. Исети, недалеко от Свердловска. Систематические раскопки памятников неолита и бронзового века в лесном Зауралье позволили П.А. Дмитриеву уже в середине 1930-х гг. произвести научную

типологию и классификацию материала и сделать первые обобщающие выводы. И хотя сегодня часть этих выводов признана ошибочными, заслуги его в уральской археологии остаются значительными уже потому, что он впервые предпринял попытку выделения археологических культур в лесном Зауралье, попытался реконструировать в целом культуру и быт древнего населения Урала.

Деревянные и роговые изделия с орнитоморфными (1-6) и зооморфными (в виде головы медведя — 7, 8, и головы или фигуры лося — 9-12) изображениями из уральских торфяников:
1, 7-9, 11, 12 — Шигирский торфяник;
2-6, 10, — стоянка "6-й разрез" Горбуновского торфяника
(9, 11 — рог, остальное — дерево)

На Южном Урале в предвоенные годы широко изучались памятники андроновской (Б.И. Граков, О.А. Кривцова-Гракова) и абашевской (К.В. Сальников) культур эпохи бронзы. К.В. Сальниковым также раскапывались курганы раннего железного века.

Обобщающие работы начала 1930-х гг. носили характер социально-схематической интерпретации археологического материала (А.А. Берс, Н.Н. Бортвин). С конца 1930-х новая источниковая база и применение формационного подхода позволили археологам перейти к реконструкции древней истории больших регионов края, однако итоговые работы увидели свет уже в послевоенный период. Следует назвать труды А.В. Збруевой (1952) и А.П. Смирнова (1952) по Приуралью, Е.М. Берс (1951), П.А. Дмитриева (1951) и В.Н. Чернецова (1953, 1958) по Зауралью и Нижнему Приобью, А.П. Смирнова (1957) и К.В. Сальникова (1951, 1952, 1967) по Южному Уралу. В этих работах была обоснована периодизация памятников, реконструированы черты хозяйства, особенности организации и духовной жизни древнего населения края.

С 1943 г. начались планомерные исследования в районе Нижнего Тагила, где под руководством О.Н. Бадера были предприняты раскопки на р. Полуденке, Голом Камне и Медведь-Камне. После войны исследования на базе местного краеведческого музея проводились известными московскими археологами А.Я. Брюсовым и В.М. Раушенбах. Позднее их продолжили тагильские археологи Н.П. Кипарисова и А.И. Россадович.

В 1939 г. на работу в Свердловский краеведческий музей на должность ученого секретаря был приглашен Н.Н. Бортвин, до этого занимавшийся исследованиями на Урале и в Западной Сибири. С 1940 по 1943 гг. он совмещал работу в музее с чтением лекций по археологии в Свердловском государственном университете. После его смерти в университет в 1946 г. пришел К.В. Сальников. Здесь он организовал Южно-Уральскую археологическую экспедицию, работавшую в Челябинской и Курганской областях, а также в Башкирии. В 1954–60 гг. на историческом факультете УрГУ работала Е.М. Берс. Она руководила Среднеуральской экспедицией. Ею были исследованы Аятские поселения и могильник, ряд поселений на р. Исети вблизи станции Гать, Палкинское селище, жертвенное место на озере Мелком и другие памятники.

4. С конца 1950-х гг., наряду с исследованиями сотрудников академических учреждений Москвы и Ленинграда (среди них следует отметить В.Н. Чернецова, К.Ф. Смирнова, Л.Я. Крижевскую, Е.Е. Кузьмину, М.Г. Мошкову, Э.А. Федорову-Давыдову, Г.Н. Матюшина, позднее — Т.М. Потемкину, В.Ф. Старкова), все шире в работу по изучению края включались научные академические и вузовские коллективы Перми, Свердловска, Уфы, Сыктывкара, а несколько позже Ижевска и Челябинска. При Пермском университете талантливый организатор и ученый О.Н. Бадер создал научную школу, ученики которой В.А. Оборин, В.Ф. Генинг и Г.И. Матвеева впоследствии возглавили научные коллективы археологов Перми, Свердловска и Куйбышева. О.Н. Бадером была организована Камская археологическая экспедиция, с 1948 г. приступившая к многолетним хозяйственным работам сначала в зоне Камской (Пермской) ГЭС, а затем и в зонах других камских гидроэлектростанций. С 1960-х гг. в районах крупных новостроек работают отряды Уральской археологической экспедиции УрГУ, созданной В.Ф. Генингом. Координирующим центром исследований стали Уральские археологические совещания, первое из которых было проведено по инициативе О.Н. Бадера в 1947 г. в Перми. Начиная с 1961 г. проблемы изучения древней истории края освещаются в периодически выходящих сборниках научных статей «Вопросы археологии Урала», издающихся Уральским государственным университетом. Инициатором сборника был В.Ф. Генинг. Сейчас подобные периодические издания имеются практически во всех крупных центрах Урала.

Значительным событием этого периода в уральском палеолитоведении было открытие зоологом А.В. Рюминым верхнепалеолитических рисунков в Каповой пещере в 1959 г. и их последующее изучение О.Н. Бадером. Работы В.И. Канивца и Б.Г. Гуслицера на Северном Урале (стоянка Бызовая, Медвежья пещера) и Г.Н. Матюшина на Южном (стоянка Мысовая) не только увеличили число открытых палеолитических памятников, но и удревнили время заселения Урала по крайней мере до 200 тыс. лет. В 1950–60-е гг. в изучении памятников эпохи неолита получила распространение точка зрения о существовании крупных историко-культурных общностей: камской (О.Н. Бадер), южноуральской (Л.Я. Крижевская), зауральско-западносибирской (А.П. Окладников, К.В. Сальников, В.Н. Чернецов).

Разработка андроновской проблематики привела к выделению в зоне южной тайги андроновидных культур и типов памятников: коптя-

ковской, черкаскульской (К.В. Сальников), сузгунской (В.И. Мошинская). В исследованиях собственно андроновских памятников принимали активное участие специалисты столичных учреждений — Е.Е. Кузьмина, Э.А. Федорова-Давыдова, С.С. Сорокин.

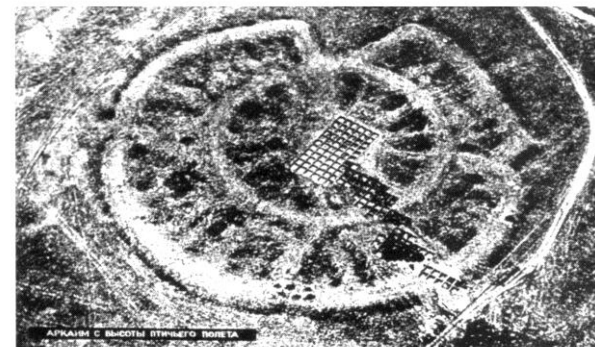
Начиная с 1970-х гг. объемы археологических работ на Урале резко возросли, что связано, с одной стороны, с увеличением хозяйственных (новостроечных) работ, с другой — с ростом числа специалистов. С образованием университетов в Ижевске и Челябинске возникли новые и весьма инициативные группы исследователей, возглавляемые учениками В.Ф. Генинга — Р.Д. Голдиной и Г.Б. Здановичем. В настоящее время в каждом областном или республиканском (и не только!) центре Урала существует несколько организаций, проводящих археологические работы. К примеру, сегодня в Екатеринбурге археологи работают на исторических факультетах УрГУ и УрФУ, в Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории (ПНИАЛ) и НПМП "Волот" УрГУ, Институте истории и археологии РАН, Научно-производственном центре по охране и использованию памятников истории и культуры, в Свердловском областном краеведческом музее, научно-аналитическом центре «АВ КОМ – Наследие», руководят кружками юных археологов в ряде школ и молодежных центров... Такая же ситуация в Перми, Ижевске, Уфе, Челябинске. Свои центры существуют в Нижнем Тагиле, Кургане. Увеличение объема работ повлекло за собой и новые, яркие открытия.

В результате работ П.Ю. Павлова, А.Ф. Мельничука и других в Прикамье были открыты десятки палеолитических памятников, в том числе мустьерского времени; В.Н. Широковым открыты и исследовались палеолитические стоянки Богдановка на Южном и грот Бобылек на Среднем Урале. Появилась возможность изучения древней истории края по периодам раннего, среднего и верхнего палеолита, путей заселения Урала. Т.Н. Гусенцовой впервые охарактеризован мезолит Камско-Вятского междуречья, а Ю.Б. Сериковым выделена среднезауральская мезолитическая культура. Были пересмотрены периодизация и локализация неолитических культур края. В Приуралье О.Н. Бадером выделена волго-камская культурная общность с двучленной периодизацией и локальными вариантами. Для Зауралья В.Т. Ковалева также предложила двучленную периодизацию и две линии развития: автохтонную и пришлую с юга. Сегодня разработкой проблем неолитизации региона активно занимаются Е.Л. Лычагина, Л.Л. Косинская, В.М. Мосин и др. Значительные успехи, были достигнуты в

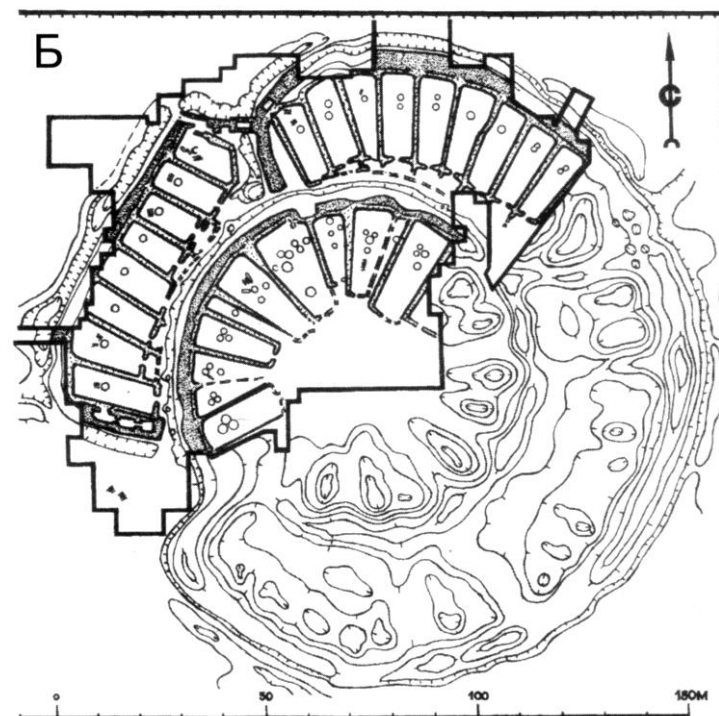
изучении энеолита региона. Особенно плодотворными являются работы, проводимые Н.М. Чаиркиной на Шигирском, Горбуновском и Карасьеозерском торфяниках. Здесь консервирующие свойства торфа позволили получить с памятников археологии большую серию бытовых и культовых артефактов из органических материалов (кости, дерева). Среди них антропоморфные и зооморфные скульптуры, посуда (ковши, в том числе в форме водоплавающих птиц и лосей, ложки, берестяной туес), средства передвижения (полозья саней, весла), орудия охоты и рыболовства, детали построек. Некоторые из этих артефактов не имеют аналогов в материалах других археологических памятников России и Европы.

Фактором мировой научной значимости были открытие В.Т. Петриным в 80-е гг. XX столетия палеолитических рисунков в Игнатьевской и 2-й Серпиевской пещерах на западном склоне Уральских гор. Определен их возраст в пределах 10-17 тыс. лет. Наряду с франко-кантабрийским регионом Западной Европы, где это искусство росписи подземных полостей пещер возникло раньше, около 30 тыс. лет от наших дней, Урал оказался одним из мировых центров становления изобразительной деятельности человечества. Последующие исследования этих ярчайших памятников, выполненные В.Н. Широковым с привлечением зарубежных специалистов, показали, что пещеры одновременно выполняли функции сложных ритуально-культовых центров — святилищ, где проводились обряды календарного и жизненного циклов членов первобытного коллектива, в частности, обряды инициаций. Через своеобразные археологические памятники региона, рисунки охряной краской на плоскостях отвесных скал (писаницы), удалось проследить традицию наскальной росписи в горно-уральском регионе и в последующие эпохи голоцена, вплоть до российской колонизации края. Календарная символика и охотничье-промысловые культы, отраженные в наскальной живописи первобытных племен с глубокой древности, перекликаются с образом жизни, мифо-ритуальными представлениями, обрядами и шаманскими практиками современных коренных народов Урала: манси, ханты, коми, удмуртов. Это свидетельство неразрывной связи ушедших эпох и современности. Параллели между культовыми комплексами эпохи неолита и святилищами ханты, манси и удмуртов XIX-XX вв. просматриваются при раскопках святилищ VI–V тыс. до н.э. Кокшаровский и Усть-Вагильский холмы на севере Свердловской области, которые ведут А.Ф. Шорин и С.Н. Панина.

A

Б

Аркаим: А – аэрофотоснимок; Б – план городища и жилищ

Значительным открытием в изучении бронзового века было выделение петровской (раннеандроновской) культуры и памятников типа Синташта, Аркаим, Устье, (Г.Б. Зданович, В.Ф. Генинг, Е.Е. Кузьмина, Н.Б. Виноградов). В их развитии видят ранние этапы этногенеза народов индоиранской языковой группы на стадии их становления и начала передвижения на новую родину. Социально-экономическая структура этих обществ была близка предгосударственной стадии развития. В 1980-х гг. В.Т. Ковалевой была выделена ташковская культура эпохи ранней бронзы в зауральской лесостепи. Были охарактеризованы и новые культуры эпохи поздней бронзы. В окрестностях Екатеринбурга открыт и исследован Ю.Б. Сериковым, О.Н. Корочковой, В.И. Стефановым, С.В. Кузьминых уникальный культовый центр эпохи бронзы Шайтанское Озеро II. Обнаружено более 200 предметов из меди, бронзы, камня, глины и кости, что дает основание утверждать, что в Среднем Зауралье с начала II тыс. до н.э. в среде аборигенной коптяковской культуры под влиянием тасжских сейминско-турбинских и степных синташтинско-петровских импульсов складывается самобытная традиция металлопроизводства, подкрепленная местными сырьевыми ресурсами.

Существенно увеличилась источниковая база по железнному веку Урала. Это позволило расширить границы ананьинской общности (А.Х. Халиков, Л.И. Ашихмина), обосновать генезис и развитие гамаюнской культуры (В.А. Борзунов), выделить и изучить гнезда иткульской "металлоносной" культуры, население которой снабжало металлом Приуралье и оружием — савроматских кочевников (Г.В. Бельтикова). Л.Н. Корякова, С.Г. Боталов, С.В. Шарапова, С.Е. Пантелеева обосновали связь и синхронное развитие в этот период угорских племен юга лесной и лесостепной зоны Урала и индоиранских племен скифо-сарматского круга культур Евразии, находившихся на стадии формирования "сложных" обществ, вовлечение лесных и степных племен в многосторонние связи единого евразийского культурного пространства. Доказаны активные контакты этих племенных союзов с ранними среднеазиатскими, ближневосточными, кавказскими и южно-европейскими цивилизациями, что, в частности, подтверждается находками предметов китайского и римского импортов, а также золотых украшений, обнаруженных в богатом аристократическом погребении III в. в могильнике Магнитный в Челябинской области.

Основные проблемы позднего железного века, разрабатываю-

щиеся археологами с 1960-х гг. и по настоящее время — это место Урала в Великом переселении народов и сложение этнических образований, существующих и в наши дни. Огромную работу по реконструкции этногенеза народов Приуралья выполненную В.Ф. Генингом, сейчас продолжают Э.А. Савельева, Р.Д. Голдина, В.А. Иванов, В.Д. Викторова и другие. В работах А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой раскрыто значение торговых путей в межэтнических и межгосударственных отношениях в центре Северной Евразии, устойчивость трансуральских связей в системе взаимоотношений финно-пермско-угорского сообщества, роль связующих центров, в частности Волжской Болгарии, в этих процессах. Археологические исследования ранних русских поселений, анализ этнографических и письменных источников позволили В.А. Оборину представить историю аборигенов края накануне и в процессе присоединения уральских земель к Российскому государству.

С начала 1990-х гг. существенную роль в организации научных исследований по первобытной истории и археологии в регионе стал играть Институт истории и археологии, созданный в рамках Уральского отделения АН СССР в 1988 г. Филиалы Института имеются в г. Челябинске, а до недавнего времени и в Перми. Институт координирует проведение, с периодичностью один раз в три года, Уральских археологических совещаний (юбилейное, двадцатое, пройдет в 2016 г. в г. Ижевске).

Реализация крупных междисциплинарных исследовательских проектов по изучению уникальных для Северной Евразии памятников археологии Уральского региона, таких, как насыпное святилище неолитического времени Кокшаровский холм (А.Ф. Шорин), всемирно известные стоянки в торфе на Шигирском и Горбуновском торфяниках (Н.М. Чаиркина) проводится не только силами сотрудников ИИиА УрО РАН в содружестве с рядом институтов естественно-научного профиля Уральского и Сибирского отделений РАН; укрепленные поселения начала эпохи поздней бронзы синташтинской культуры, курганные могильники раннего железного века в степном Зауралье (Л.Н. Корякова) изучаются в рамках международных проектов с коллегами из крупных европейских научных центров, прежде всего, Германии и Франции. Налажены также связи с рядом исследовательских центров Польши, Венгрии.

Собственно археологические исследования последних десятилетий сопровождались подготовкой молодых ученых. В 1971 г. по

инициативе В.Ф. Генинга в Уральском университете состоялась 1 Уральская студенческая археологическая конференция. Позднее преобразованные в Урало-Поволжские археологические студенческие (УПАСК), эти конференции стали ежегодными. Они проводятся в различных центрах Урало-Поволжского региона, являясь хорошей кузницей научных кадров. Через УПАСКи прошли многие известные сейчас археологи. Основы полевого археологического краеведения студенты исторических факультетов ВУЗов региона постигают во время прохождения археологической практики, являющейся обязательным компонентом программы подготовки специалистов-историков. В Институте истории и археологии УрО РАН и ряде ВУЗов региона работает аспирантура по специальности «археология».

С начала 1970-х гг. активизировалась школьная археология. А первый школьный археологический кружок был организован О.Н. Бадером в Нижнем Тагиле еще в 1945 г. С 1952 г. на протяжении 20 лет школьным кружком руководила А.И. Россадович. В 1972 г. археологический кружок возглавил Ю.Б. Сериков, а позднее (с 1986 г.) — Л.В. Серикова. На базе средней школы № 87, а затем МОУ Лицей ею был создан школьный археологический музей, которому — единственному в Свердловской области — присвоен статус "Школьный музей". Он является членом Областной Ассоциации школьных музеев при Союзе молодежи и победителем смотра-конкурса школьных музеев за 2001–2002 гг. Кроме Лицея школьные археологические кружки были организованы на базе нижнетагильской городской станции юных туристов «Полюс», которыми в разное время руководили П.К. Халяев, Н.В. Варанкин, Н.Г. Семенова, А.С. Литвяк.

В 1973 г. В.Т. Петрин и Ю.П. Чемякин организовали кружки при Свердловском Дворце пионеров. Кружковцы обследовали и открыли десятки памятников на берегах озер Таватуй, Балтым, Песчаное, Исетском, Аятском. Их работу позднее подхватили В.М. Коноркин, Н.М. Чаиркина и С.Н. Погорелов. С 1978 по 1984 гг. школьный археологический кружок существовал и при Свердловском областном краеведческом музее: ребята участвовали в раскопках поселения Палкино II, городища Янычково и других памятников.

В 1980-х гг. кружки юных археологов активно работали во многих городах Урала (в 1982 г. они возникли и при Свердловской областной станции юных туристов, руководил ими Ю.П. Чемякин). В марте 1984 г. в Свердловске при ОблСЮТур состоялась 1 конференция юных археологов Урала. На нее собрались школьники Свердлов-

ска, Верхнего и Нижнего Тагила, Алапаевска, Перми и Челябинска. В 1985 (село Смеловка близ Саратова) и 1986 (станция Зеленчук, Карачаево-Черкессия) годах проводились всероссийские лагеря юных археологов, на которых успешно представляли свой регион и уральские школьники. В 1987 г. в Нижнем Тагиле состоялась I Уральская региональная археологическая школьная конференция (УРАШК). Следующие конференции прошли в Перми и Челябинске. В 1997 г. эстафету подхватил г. Полевской, где состоялась IV УРАШК, затем Новоуральск, снова Полевской, Нижний Тагил, Челябинск. В 2015 г. в г. Озерске (Челябинская обл.) на базе Дворца творчества детей и молодежи и Городского музея была проведена XXII региональная археологическая школьная конференция.

Таким образом, сегодня археологическое исследование Урала приобрело невиданные ранее масштабы. Значительный объем раскопок выполняется в зонах новостроек и носит охранно-спасательный характер. В регионе действуют крупные постоянные археологические экспедиции вузовских и академических учреждений, в том числе столичных. Наряду с ними краеведческой деятельностью, выявлением новых памятников древности активно занимаются школьники — члены археологических и туристических кружков, студенты и любители краеведы. В 1990-х – 2000-х гг. в Свердловской области школьная археология существовала в Нижнем Тагиле (Л.В. Серикова), Полевском (А.В. и О.В. Непомнящие), Североуральске (В.А. Шакаев), Серове (Н.Н. Новиченков). В частности, школьники из пос. Черемухово и Североуральска несколько лет работали в составе экспедиций НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. Они не только копали под руководством археологов, но и проводили свои поисковые работы (разыскивали новые пещеры и гроты, осматривали их поверхность, собирали археозоологические материалы, вели мониторинг археологических памятников региона, в своих походах путем опроса местного населения собирали сведения о природе и истории своего края). В 2000 г. ими была открыта стоянка в Усольцевской пещере возле пос. Калья, где специалистами в сентябре 2002 г. выявлены интересные разновременные комплексы, датирующиеся от палеолита до раннего железного века. В 2014 г. учащиеся объединения «Юный археолог» и его руководители А.В. и О.В. Непомнящие (г. Полевской) разработали и презентовали экскурсионный маршрут «Легенды горы Азов», который был внесен в перечень туров туркомпании «Королевство путешествий (г. Екатеринбург). Краеведы Верх-

ней Пышмы В.Г. Непомнящий и А.А. Бодрых являются первооткрывателями памятников нового типа, получивших пока условное название «уральских дольменов».

Многие музеи, в том числе Верхней Пышмы, Серова, Североуральска, Сухого Лога, в последнее время проявляют определенный интерес к археологии: стремятся представить археологические разделы в своих экспозициях, проводят региональные научно-практические конференции (только в декабре 2002 г. подобные конференции состоялись в Сухом Логу и Североуральске). На них с участием археологов и палеонтологов из Екатеринбурга осуществляется обмен мнениями по актуальным вопросам изучения и сохранения древнейших памятников регионов.

Итоги всей этой работы подводятся на многочисленных научных и краеведческих конференциях. Среди них в первую очередь следует отметить Уральские археологические совещания, приобретшие статус международных, а также чтения памяти выдающихся уральских археологов: Бадеровские, Берсовские и Оборинские. Только в 2013 г. были проведены Седьмые Берсовские чтения в Екатеринбурге и XIV Бадеровские чтения — в Ижевске. В 1999 г. в Екатеринбурге состоялись Первые чтения памяти В.Ф. Генинга, а в 2007 г. в Уфе — чтения памяти К.В. Сальникова.

К сожалению, начало XXI в. ознаменовалось и негативными явлениями — расцветом грабительских раскопок, не имеющих никакого отношения к изучению древней истории, краеведению. Хотя «кладоискатели» часто выдают себя за истинных любителей истории, краеведов, в отличие от ученых. В результате их деятельности были разрушены, а иногда и уничтожены десятки археологических памятников, в первую очередь могильников и святилищ. Среди них — и культовые памятники иткульской культуры. Статистика показывает, что почти из 400 известных иткульских бронзовых птицевидных изображений около 60 — это случайные, в основном дореволюционные, сборы, 24 найдены на Азов-горе, 31 происходит из научных раскопок и 283 (!) добыты грабителями от археологии за последние 10–12 лет. Из древнего культурного наследия вырываются огромные пласты, возможно, навсегда закрывающие отдельные страницы истории освоения Урала. Принятие Закона РФ № 245-ФЗ от 23.07.2013 резко сократило масштабы этой незаконной деятельности, но пока ещё не ликвидировало.

Вопросы:

1. Когда начинаются археологические изыскания на Урале?
2. Какие периоды можно выделить в истории археологических исследований на Урале? Чем они характеризуются?
3. Какова роль краеведов в развитии археологии в XIX – начале XX веках?
4. Каково значение археологических кружков в школе и вузе?
5. Какие наиболее яркие археологические открытия были сделаны на Урале за последние 50 лет?

Литература:

Археологические памятники Шигирского торфяника. Екатеринбург, 2001.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Екатеринбург, 2012.

Генинг В.Ф., Левченко В.Н. Археология древностей — период зарождения науки (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). Киев, 1992.

Зорина Л.И. История Уральского общества любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996.

Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.

Очерки археологии Пермского Предуралья: Уч. пос. для студентов и аспирантов / Под ред. А.М. Белавина. Пермь, 2002.

Панина С.Н. Археология восточного склона Урала (от В.И. де Геннина до В.Ф. Генинга) // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Мат-лы науч. конф. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999.

Рыжников Н.А. Археологические памятники окрестностей Екатеринбурга. Екатеринбург, 2012.

Сериков Ю.Б. Археологические исследования Д.Н. Мамина-Сибиряка на Урале // Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка в современном мире. Мат-лы регионал. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Д.Н. Мамина-Сибиряка. Нижний Тагил, 2002.

Тагильцева Н.Н. Участие членов краеведческих обществ в археологических исследованиях на Урале в 1920-е гг. // II Берсовские чтения: Мат-лы науч. конф. Екатеринбург, 1994.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург, 2011.

Шорин А.Ф. К 25-летию Института истории и археологии УрО

Сокращения

АН СССР – Академия наук СССР

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ГЛАВА V. ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

План:

1. Предмет этнографии. Этнографическая терминология.
2. Становление этнографической науки в России и на Урале.
3. Развитие этнографии в советское время.
4. Методы сбора этнографического материала.

1. Накопление знаний о различных народах происходило на протяжении всей письменной истории человечества, однако, как самостоятельная наука этнография сформировалась только к середине XIX века. Первоначально термином этнография (от греч. *ethnos* — народ, *graphō* — пишу) обозначалась одна из отраслей географии, задача которой заключалась в «общем описании целого народа», а предметом являлись «физические, моральные и интеллектуальные особенности народов». Термин этнология (от греч. *ethnos* — народ, *logos* — учение) охватывал более широкое знание, и относился к «истории прогресса народов в цивилизации». Долгое время этнография трактовалась как сугубо описательная дисциплина, в отличие от теоретической — этнологии. В российской науке сложилась традиция понимания этнографии и этнологии как синонимов (наряду с «народоведением»). Преимущественное распространение в России с конца XIX в. получило понятие «этнография», которое в равной степени включало как описательный, так и теоретический уровень исследований. В англоязычных странах основным аналогом этнографии является социальная (Англия) или культурная (США) антропология.

В современном понимании этнография — это общественная наука, изучающая быт и нравы народов, их материальную и духовную культуру. Она исследует сходство и различия образа жизни народов

(этносов, этнических общностей), их происхождение и историческое развитие (этногенез и этническая история), расселение, а также культурно-исторические взаимоотношения. Основной предмет этнографии составляют характерные, традиционные черты повседневной (бытовой) культуры народов, образующие в совокупности (вместе с языком) их специфический этнический облик.

Интерес к соседним народам и племенам, отличающимся внешним видом, обычаями или поведением, зафиксирован уже в первых письменных источниках. В древневосточных государствах — Египте, Вавилонии, Ассирии, Иране, Индии, Китае — в царских надписях встречается много названий покоренных стран и народов, в дипломатических документах имеются сведения о народах Переднего Востока, в барельефах и живописи — изображения представителей этих народов.

Литературные памятники античности, эллинизма и эпохи римских завоеваний свидетельствуют о расширении и обогащении знаний о народах, населяющих мир. В «Истории» Геродота (V в. до н. э.) дается обстоятельное описание обычаев и преданий народов Ирана, Месопотамии, Кавказа и Скифии. «География» Страбона (кон. I в. до н. э. — нач. I в. н. э.) содержит упоминания о более чем 800 народах, населявших земли от Британских островов до Индии, от Северной Африки до Балтийского моря. Автор не только приводит реалистичные и достоверные сведения о многих из них, но и поднимает вопросы о происхождении отдельных народов, развитии исторических связей между ними. В «Естественной истории» римского писателя Плиния Старшего находится множество сведений о расселении народов всего известного тогда мира. Разностороннее описание быта германских племен дано в сочинении Тацита «Германия» (кон. I в. н. э.). В «Географии» Клавдия Птолемея (II в. н. э.) содержится перечень всех известных на то время племен и народов с точным указанием мест их расселения. Множество народов и племен упоминается в Библии.

Древняя литература Восточной и Южной Азии также включает в себе немало этнографических данных. В «Исторических записках» китайского историка Сыма Цяня (I в. до н. э.) и хрониках императорских династий (Ханьской, Вэйской, Суйской, Танской) много важных сведений о народах, живших в пограничных с Китаем районах. Эпические поэмы Индии «Махабхарата» и «Рамаяна» содержат

и реалистичные и баснословно-легендарные сведения о народах Индостана и Цейлона.

В раннесредневековую эпоху, после падения Римской империи и общего упадка экономической и культурной жизни, традиции античной образованности и любознательности перешли к Византийской империи. В трудах Прокопия Кесарийского (VI в.) имеется много ценных сведений о славянских племенах и более отдаленных народах Центральной и Восточной Европы. В сочинениях императора Константина Багрянородного (X в.) немало интересных данных о Руси, славянах и варягах. Ценные сведения о населении Центральной Азии, о монголо-татарах и покоренных ими народах появились после путешествий на Восток монахов Плано Карпини и Виллема Рубрука (сер. XIII в., время вторжения монголов в Восточную Европу). Венецианский купец Марко Поло, вернувшись из длительного пребывания в Китае (1271–1295), подробно описал страны, которые он посетил, обычаи их народов. Его «Книга» долго оставалась главным источником сведений о народах Восточной и Южной Азии.

Резкое увеличение этнографических знаний произошло в эпоху Великих географических открытий (сер. XV в.). В новооткрытых землях обитали народы неизвестного происхождения и совершенно иной культуры; их вид и странные обычаи ломали привычные средневековые представления, основанные на библейском предании о происхождении всех народов от сыновей Ноя. Для этнографии очень важны первые описания американских земель и народов, сделанные испанцами (Х. Колумб, Б. де Лас Касас, Д. де Ландаидр), поскольку значительная часть коренного индейского населения была вскоре или истреблена завоевателями или ассимилирована.

2. В Древней Руси накопленные этнографические сведения излагаются в первом летописном своде Нестора «Повести временных лет» (XII в.). Здесь приводится обзор племен, населявших восточно-европейскую равнину, указаны их расселение, языковая принадлежность (славянские и неславянские языки), особенности обычаев. В летописи под 1096 г. содержится самое раннее известие об Урале — легендарный рассказ о «немой» меновой торговле в горах, упирающихся «в луку морскую, высотой как до неба». В местных более поздних летописях также немало разрозненных этнографических сведений. Например, в «Житии Стефана Пермского», написанном в 1396 г. Епифанием Премудрым, приводятся интересные сведения о веро-

ваниях и быте пермян (коми-зырян), проживавших по р. Вычегде. Сказание «О человецех незнаемых на восточной стране...», известное по новгородским источникам XV в., дает характеристику жителей «полунощных» стран. В нем описаны различные племена самоеди: одни «по пуп мохнатые до долу», другие «по зиме умирают (замерзают) на два месяца», у третьих «рты меж плеч... очи в груди» и т.д. Несмотря на мифологичность этого описания, некоторые сведения, сообщаемые в сказании, встречаются на картах Сигизмунда Герберштейна (1556 г.) и Антония Дженкинсона (1562 г.).

Восточные походы московских князей (XV–XVI вв.) обусловили географическое расширение и быстрое пополнение этнографических знаний. Покорение Казанского и Астраханского ханств (1550-е гг.), поход Ермака и разгром сибирского хана Кучума (1580-е гг.) открыли путь в Сибирь, в неизведанные страны, населенные многими «диковинными» племенами. На протяжении XVII в. летописцы собирали легенды и сказания, прославляющие ратные подвиги служилых людей, рассказы о покоренных народах, их внешнем облике, быте и нравах. Ценными этнографическими источниками являются летописи «О Сибирском царстве и о царях того великого царства» (1645 г.), «Сказание о великой реке Амуре» (1675 г.). Богатый этнографический материал предоставляют труды первого сибирского картографа и географа Семена Ульяновича Ремезова (1642–1720). Его перу принадлежат «История Сибирская», написанная в 1690-е гг., иллюстрированная «Ремезовская летопись» (включающая «Сибирскую летопись» и «Летопись Сибирскую краткую Кунгурскую»), «Описание о сибирских народах...», сохранившееся только в отрывках, и первый сибирский географический атлас «Чертежная книга Сибири» (1701).

При составлении атласа С. У. Ремезов использовал старые чертежи Сибирского приказа, материалы собственного обследования, опросы старожилов. В атлас была включена карта расселения народов Сибири и прилегающих к ней районов, составленная в 1673 г. Тобольским митрополитом Корнилием. «Чертежная книга» состояла из 23 листов-карт, на которых были представлены чертежи и описания отдельных обширных территорий с их административными центрами, нанесены моря и сибирские реки, а также пограничные государства (Китай, Корея, Япония). На чертежах указаны и места обитания тех или иных народов: «Земля Остяцкая», «Вогуличи», «Самоедь ясашна», «Немирная самоадь», приведены статистические данные о количестве населения и прочие исторические и археологические сведения.

Много интересных заметок и очерков составили первые христианские миссионеры, посещавшие со «словом Божиим» поселения и стойбища язычников. Особенной этнографической ценностью обладает книга Григория Новицкого «Краткое описание о народе остяцком» (1716 г.), в котором характеризуются не только бытовые стороны жизни, но и традиционные верования и обряды.

Новый этап народоведения наступил с учреждением в 1725 г. Российской академии наук (Санкт-Петербург). По инициативе Академии в 1733 г. была организована «Великая Северная экспедиция» под началом Витуса Беринга, продолжавшаяся десять лет. В задачи «морской» части экспедиции входило обследование побережья Северо-восточной Азии (от Печоры до Чукотского носа, Чукотский полуостров и Камчатка, Курильские острова и ближайшие берега Японии и Америки). На «сухопутный» отряд экспедиции в составе выдающегося историка Г. Ф. Миллера, натуралиста И. С. Глемина, магистра И. Э. Фишера, переводчика Я. Линденау и нескольких студентов, в числе которых был С. П. Крашенинников, возлагалось изучение внутренних пространств Сибири. В задачи отряда входило «географическое описание и осмотр или примечание о плодах земных и минералах, и металлах...», а также историко-этнографическое обследование различных народов — изучение поселений, жилищ и занятий, а также обычаев и обрядов, веры и пр. Программа собирания сведений о народах, которой следовали участники экспедиции, была основана на анкете, разработанной крупным ученым, географом и историком В. Н. Татищевым. Он первым предложил группировать народы по родству их языка. Этот принцип лежит и в основе современной классификации народов. В ходе работ был собран огромный историко-этнографический материал (портфели Миллера, хранящиеся в российских архивах, насчитывают 34 тома) по географии, археологии, этнографии и экономике Сибири. По окончании экспедиции Г. Ф. Миллер систематизировал накопленный материал и написал «Историю Сибири» — неповторимый по насыщенности и значимости труд (первый том был опубликован на русском языке в 1750 г. под названием «Описание Сибирского царства»). Другим участником Великой Северной экспедиции И. Э. Фишером была издана фундаментальная работа «Сибирская история». С. П. Крашенинников составил ценнейшее «Описание земли Камчатки» (1755 г.), в котором содержатся подробные этнографические данные о быте и языках местных народов (главным образом ительменов), их истории. Деятельность экспе-

диции послужила началом систематического сбора разнообразных сведений о культуре и истории народов России.

Многочисленные этнографические материалы дали академические экспедиции 1768–1774 гг., участники которых исследовали обширные пространства восточной части Европейской России и Сибири от Кавказа и Южного Урала до Ледовитого океана и Прибайкалья. Результаты работы были опубликованы в пятитомном труде П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства». Среди трудов экспедиции особенно ценными для народоведения являются 4-х томные «Дневные записки путешествия... Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» (1772–1805 гг.), а также «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов» В. Ф. Зуева. Последняя работа состоит из 20 глав, в которых всестороннее описана культура и быт северных хантов и ненцев.

Академические экспедиции послужили толчком к развитию краеведческого интереса на местах, составлению описаний отдельных уездов и губерний. Так, в «Топографическом описании Тобольского наместничества» (1784–1785 гг.) и «Топографическом описании Пермского наместничества 1786 г.» были представлены систематизированные сведения о народах Сибири и Среднего Урала. В 1792 г. было составлено «Топографическое описание Иркутского наместничества». В 1801 г. пермский историк и географ Н. С. Попов опубликовал обширное «Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г.», которое содержит обстоятельные сведения о коми-пермяках, манси, башкирах, татарах, марийцах и первые сведения о русских Урала.

В конце XVIII века, благодаря накопленным материалам экспедиций и отдельных путешественников, стало возможным издание огромного сводного труда по этнографии России — «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (1776–1780). Автор этой работы И. Г. Георги собрал в 4-х томах очерки обо всех народах России (одни краткие, другие более подробные), расположив эти народы в порядке языковой классификации. Книга вышла на немецком, французском и русском языках. Первый том включил все накопленные к тому времени сведения о народах Урала. Четвертый том, посвященный собственно русскому народу, вышел на русском языке только в 1799 г. и был целиком написан М. И. Антоновским. Именно в это время русское общество начинает проявлять научный интерес к

собственному народу, тогда как прежде исключительное внимание уделялось экзотическим иноязычным племенам.

В 1819–1821 гг. по приказу сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского были собраны подробные сведения, описывающие важнейшие занятия, верования и обычаи населения Востока России. Продолжали свою собирательскую деятельность различные экспедиции и исследователи. Огромное научное значение имели многолетние странствия по Северу, Уралу и Сибири знаменитого лингвиста-путешественника М. А. Кастрена. Результатом его трудов было накопление обширного материала по 20-ти языкам народов Севера и Сибири (словари, грамматики, описания языков). Его работы положили начало систематизации урало-алтайских языков. За одиннадцать лет (с 1838 по 1849 гг.) путешествий финский ученый собрал богатейшие этнографические материалы. Новые сведения российская наука получила благодаря кругосветным плаваниям путешественников, которые исследовали архипелаги Тихого океана, Маршалловы и Каролинские о-ва (И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский и др.), посетили Бразилию (Г. Лангсдорф), проводили многолетние исследования в Китае (И. Бичурин), на Аляске и Алеутских островах (И. Вениаминов, Ф. П. Врангель).

К середине XIX в. в мире накопилось много разнообразного этнографического материала, и назрела необходимость оформления этнографии как самостоятельной науки. В 1839 г. возникло «Парижское общество этнологии», в 1842 — «Американское этнологическое общество», в 1843 г. — «Этнологическое общество» в Англии. В России отделение Этнографии было создано в рамках Русского Географического Общества (1845 г.). В первые годы своей деятельности отделение Этнографии РГО (руководитель К. М. Бэр, затем Н. И. Надеждин) составило и направило по всем губерниям «циркуляры» — этнографические анкеты и программы с призывом ко всем образованным людям составлять и присылать обществу описания деревень и уездов. Местная интеллигенция живо откликнулась на призыв и, в начале 1850-х гг. общество получило около 2 тыс. рукописей этнографического содержания. Наиболее интересные очерки публиковались в различных периодических изданиях.

Отделение Этнографии РГО и Академия наук продолжали традиции больших комплексных экспедиций: в 1847–1850 гг. были организованы исследования на Северном Урале, в 1854–1863 в Вос-

точной Сибири и Амурском крае, в 1860-1870 гг. в Южной Сибири и Средней Азии.

Реформы 60-х гг. XIX в. создали благоприятные условия для дальнейшего развития народоведения. Главным направлением этнографического интереса в пореформенную эпоху стало изучение общественного и семейного быта, сельской общины, юридических обычаев. Это объясняется тем, что после отмены крепостного права и вотчинного помещичьего суда в деревне появилось множество конфликтов, касающихся форм собственности, правовых отношений, споров о наследстве, о разделах и пр. В периодических изданиях Урала «Пермский край», «Екатеринбургская неделя» и др. начали публиковаться очерки-описания быта, традиционной обрядности, верований и суеверий. К этому времени относится плодотворная деятельность многочисленных собирателей местного фольклора, которые записывали народные сказания, былины, сказки, пословицы, поговорки и пр.

Огромный интерес различных слоев общества к этнографическим знаниям, желание знать больше обо всех народах страны стали стимулом для развития профессиональной науки и способствовали накоплению этнографических сведений усилиями самых разных людей, в том числе и далеких от целенаправленной исследовательской работы. Во многих российских провинциях творческая интеллигенция объединялась в различные научные общества. Среди них особенно выделялись Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ), основанное в 1864 г. и Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ), открытое в 1878 г. Московское общество ставило своей задачей не столько исследовательскую работу, сколько пропаганду науки среди населения. Одним из первых и важных мероприятий стала организация Всероссийской этнографической выставки в 1867 г. На выставку было привезено много подлинных экспонатов со всех концов России и из зарубежных славянских стран. Выставочная коллекция составила в последствии основу большого этнографического музея в Москве. Этнографический отдел ОЛЕАЭ издал серию ценных этнографических трудов.

Начиная с 1870-х гг., значительно расширилась география исследований, проводимых РГО и Академией наук. Монголию, Тибет, Сынцзян изучали Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, этнограф-фольклорист Г. Н. Потанин. Богатый материал по этнографии Индии собрали П. И. Пашино и И. П. Минаев. Впервые российский путеше-

ственник В. Юнкер посетил внутренние части Африки. А. Ионин совершил исследовательскую поездку по Южной Америке. Особое место в истории народоведения занимают путешествия Н. Н. Миклухо-Маклая, посвятившего свою жизнь антропологическому и этнографическому изучению населения Океании.

В декабре 1870 г. было создано Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), основными целями которого являлось не только всестороннее изучение Урала и сопредельных территорий, но и распространение этих знаний среди жителей края. Больших успехов общество добилось в историко-этнографическом направлении. Его участники собрали и опубликовали содержательные исследования, среди которых выделяются работы Н. К. Чупина, автора более 50 статей и монографического труда «Географический и статистический словарь Пермской губернии»; К. Д. Носилова, неутомимого путешественника, автора замечательных очерков «На Новой Земле», «У рыбаков и звероловов Севера», «У вогулов»; И. Г. Остроумова, автора содержательной работы «Вогулы-манси: Исторический очерк». Собираением этнографического материала занимались в Пермской ученой архивной комиссии (1889), Обществе любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края (1899).

К началу XX вв. уральское народоведение пополнилось многими ценными научными описаниями. Традиционные хозяйственные занятия, земледельческие и промысловые орудия труда, способы и время их применения наиболее полно показали земский служащий П. В. Белдыцкий и его сын краевед Н. П. Белдыцкий, ботаник П. Н. Крылов, фольклорист Н. Е. Ончуков, земские агрономы И. С. Широкин, И. С. Шилдаев. История поселений Среднего Урала воссоздается в словарях историка-экономиста Н. К. Чупина и географа-краеведа И. Я. Кривошекова, в статьях священнослужителя А. Луканина. Содержательные описания жилых и хозяйственных построек с точной фиксацией строительных конструкций и планировочных решений сделали священник И. Словцов, учитель С. П. Буевский, врач М. М. Чашницкий, лесничий А. Ф. Теплоухов, географ Ф. П. Доброхотов. Обязательные характеристики народной одежды составили А. Ф. Теплоухов, Д. М. Петухов, А. Н. Гладких. Большое внимание исследователи уделяли духовной культуре народа. Песни русской свадебной обрядности, сопровождаемые описанием самого обряда и его локальных особенностей, содержатся в работах Н. Карнаухова, Я. Предтеченского, П. В. Кириевского. Записи пословиц, поговорок и загадок

вели Ф. Н. Панаев, П. А. Некрасов, суеверий и гаданий — П. В. Первушин, календарных обрядов и праздников — Н. Л. Скалозубов, Я. Г. Безрукова. Материалы, собранные исследователями, до сих пор сохраняют свою этнографическую и историческую ценность, поскольку из реальной жизни современных людей уже исчезли многие явления традиционной культуры и быта.

Наряду с активным накоплением этнографических знаний с середины XIX в. происходила разработка теоретических основ российской этнографии. Одни ограничивали задачи народоведения историко-познавательными целями, придавая исключительную важность фиксации архаичных черт культуры, другие видели в этнографии средство исследования современной жизни народа. Большое влияние на российскую этнографию оказал эволюционизм (Э. Тайлор, А. Бастиян, Л. Г. Морган). Главные идеи этой школы провозглашают культурное единство всего человечества, при котором эволюция культуры происходит от низших форм к высшим (от дикости к цивилизации, от группового брака к парному и т. п.), а существующие культурные различия являются следствием разных ступеней развития. Прогрессивная для XIX в. эволюционная школа рассматривала историю только как сумму независимых эволюций отдельных элементов культуры, а общие закономерности развития выводила из «психического единства» человечества. Российские этнографы обогатили эволюционную теорию осознанием исторической глубины и преемственности культурных явлений, что ярко проявилось в работах А. Н. Веселовского, М. М. Ковалевского, Д. Н. Анучина, Л. Я. Штернберга и др.

На рубеже XIX–XX вв. помимо общественно-семейного быта, серьезно стала изучаться материальная культура (поселения, одежда, орудия, промыслы), с чем связано появление и расширение этнографических музеев. Разрабатывались научные принципы изучения фольклора, народной музыки. Продолжалась традиция комплексных экспедиций. Среди приуральских вогулов (манси) и обских остяков (хантов) проводили исследования венгерский лингвист Б. Мункачи, финские фольклористы, лингвисты и этнографы К. Ф. Карьялайнен, А. Каннисто, У. Т. Сирелиус. В Чердынском уезде Н. Е. Ончуков собирал материал по фольклорно-этнографической программе. В 1910 г. была организована экспедиция в низовья реки Конды (В. Н. Пигнатти, Б. Н. Городков).

Результаты российских и зарубежных исследований представлялись в периодических изданиях Российского Географического Об-

щества, Академии Наук, губернских Обществ и Музеев: «Этнографический сборник» (в. 1–6, СПб, 1853–1864); «Записки РГО по отделению Этнографии» (СПб, 1867–1917), «Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ» (М., 1868–1913), «Этнографическое обозрение» (М., 1889–1916), «Живая старина» (СПб–П., 1890–1917) и т. д. Значительно возросло число коллективных изданий и популярных серий, вышли в свет «Народы земли» (т. 1–4, 1903–11) и «Народы России» (1905). Под редакцией В. П. Семёнова-Тянь-Шанского было опубликовано многотомное научное издание «Россия» (1899–1914), содержащее географические, экономические, статистические и этнографические сведения.

3. Октябрьская революция 1917 г. создала новые условия для развития этнографической науки. В России была провозглашена задача построения социализма, т. е. направленных преобразований в жизни всех народов страны. Создание национальных областей и округов, преобразование культуры и быта народов требовали углублённого их изучения. В сложившихся условиях этнография была прочно поставлена на государственную службу и тесно связана с практическими задачами социалистического строительства. Уже в 1917 г. учреждена Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, в 1930 г. на её базе был создан институт по изучению народов СССР. Большое значение имела деятельность Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (1924–35). В 1926 г. началась публикация журнала «Этнография» (с 1931 — «Советская этнография»). Для координации работ в области этнографии и смежных дисциплин в 1933 г. был организован институт антропологии, археологии и этнографии в Ленинграде, в 1937 г. на его основе — Институт этнографии АН СССР.

Этнографические исследования 20-х–30-х гг. охватили огромную часть России. Полевые материалы этих лет имеют огромную ценность для народоведения, поскольку дальнейшие социалистические преобразования значительно изменили традиционную культуру многих народов. На территории Уральского региона местные музеи и краеведческие общества собирали материалы для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1923 г. и для архива Кружка по изучению северного края при Пермском университете. Обширные этнографические сведения и коллекции бытовых и культовых предметов были собраны экспедициями Р. Митусовой и Г. Д. Вербова среди лесных

ненцев Западной Сибири. По заданию различных государственных ведомств работали специализированные этнографические отряды, несколько комплексных экспедиций по медицинскому и земельно-водному обследованию, в отчетах которых содержится много этнографических данных.

В конце 1927 г. Уральский облисполком организовал на п-ов Ямал крупную научно-исследовательскую экспедицию, руководителем которой был назначен В. П. Евладов. Всестороннее изучение жизни Ямальского полуострова продолжалось в течение года. Это была первая и единственная экспедиция, маршрут и работа которой были спланированы точно по образцу традиционного годового хозяйственного цикла ямальских ненцев-оленьеводов, что позволило ее участникам собрать бесценный материал. Значение Ямальской экспедиции не исчерпывается только практической стороной, которая выражалась в рекомендациях и проектах, ставших основой для последующих социально-экономических преобразований на Севере в 1930-1950-е гг. Большой интерес представляют зоологические, охотоведческие, краеведческие и этнографические материалы. Экспедицией Евладова было впервые дано детальное описание сезонных мест расселения, путей кочевков ямальских ненцев, их оленеводства, морского зверобойного и охотничьего промыслов; проведен анализ традиционных социально-экономических отношений.

С середины 30-х гг. начинается систематическое изучение мировоззрения и традиционной культуры угорских народов Урала и Западной Сибири. Многолетние исследования среди манси Северной Сосьвы, Лозьвы, Конды, Юконды и Средней Оби проводил выдающийся угровед В. Н. Чернецов. Собранные материалы послужили основой научных статей по истории родового строя, этногенезу, мифологии и традиционным праздникам угорских народов. Полевые записи В. Н. Чернецова, опубликованные в 1987 г., являются бесценным этнографическим источником и имеют большое методическое значение, так как показывают специфику сбора первичной информации.

Внимание этнографов 30-х гг. концентрировалось на вопросах общественного строя, различных формах патриархальных и патриархально-феодальных отношений. В 50–70-е гг. XX в. российской этнографией разрабатываются два основных направления — проблемы первобытной истории и историко-этнографическое изучение народов (от этногенеза до современных культурно-бытовых и этнических процессов). Важное место занимает разработка проблем этниче-

ской истории. В 60–70-е гг. были опубликованы фундаментальные исследования по этногенезу и этнической истории народов Большого Урала: коми-зырян (Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов), удмуртов (В. Н. Белицер, В. Е. Владыкин), марийцев (К. И. Козлова), мордвы (Н. Ф. Мокшин), башкир (С. И. Руденко, Р. Г. Кузеев), самодийцев (Б. О. Долгих, Л. В. Хомич, Г. И. Пелих, В. И. Васильев), угров (З. П. Соколова). Большое внимание уделялось исследованию материальной культуры — истории сельского хозяйства (техники и орудий), поселений, жилища, одежды народов СССР. Для обобщения всех накопленных сведений по истории материальной культуры создаются специальные историко-этнографические региональные атласы: опубликованы атласы по народам Сибири (1961) и культуре русского народа (ч. 1–2, 1967, 1970). Значительно расширилось исследование народного творчества — изобразительного искусства и фольклора. Изучались вопросы истории религии, её происхождения и ранних форм. Одно из центральных мест в деятельности советских этнографов занимало изучение современных этнических и культурно-бытовых процессов. Важнейшим итогом работы явилось издание 13-томной (18 кн.) серии «Народы мира» (общая ред. С. П. Толстова, 1954–66), сводного труда «Атлас народов мира» (1964), «Очерков общей этнографии» (т. 1–5, 1957–68).

С середины 70-х гг. разворачиваются комплексные исследования, в которых историко-этнографические вопросы рассматриваются с привлечением данных смежных наук. Формируется несколько самостоятельных научных направлений. Этнодемография, изучающая особенности воспроизводства и динамику численности этноса; этногеография, исследующая особенности расселения и территориального взаимоотношения с другими народами; этносоциология, рассматривающая взаимосвязи этнических и социальных явлений в современных индустриально развитых обществах; этнопсихология, изучающая этнические особенности психики людей, национальный характер, этнические стереотипы; этнопедагогика, занимающаяся сравнительным изучением традиционной народной педагогики, способов воспитания детей и самого мира детства.

В послевоенный период на территории Урала научная работа в области этнографии проводилась как научно-исследовательскими этнографическими институтами, так и университетами, музеями, этнографическими обществами. В 1951 г. экспедиция Института истории искусств АН и Государственного исторического музея под руко-

водством известного исследователя русской архитектуры И. В. Маковецкого исследовала хозяйственно-бытовые постройки Верхнего Прикамья. Ею были выявлены основные типы крестьянских усадеб, конструктивные элементы и художественные украшения жилищ. В 1954 г. отряд Русской экспедиции Института этнографии АН под руководством Г. С. Масловой и Т. В. Станюкович работал в Приуралье и собрал разнообразный материал о традиционном хозяйстве, поселениях, жилищах, одежде, домашней утвари. Исследователи основательно осветили региональные этнокультурные особенности сельского и заводского населения сначала в специальной работе, а затем в обобщающих трудах — «Русские: историко-этнографический атлас», «Этнография восточный славян: Очерки традиционной культуры». В 1963 г. экспедиция Научно-исследовательского института художественной промышленности под руководством В. А. Бородулина открыла на Среднем Урале крупные центры крестьянского искусства — росписи домов и предметов быта. В 1978–1984 гг. уникальный материал о занятиях, поселениях, одежде, семейных обрядах русского старообрядческого населения Приуралья был получен комплексными экспедициями Института этнографии АН под руководством И. В. Власовой. Статьи, написанные по этим материалам с привлечением широкого круга письменных источников, обогатили российскую этнографию коллективными монографиями «На путях из Земли Пермской в Сибирь», «Русские». Культуру и быт коми-пермяков Среднего Урала наиболее плодотворно изучали В. Н. Белицер, Л. С. Грибова и Г. Н. Климова, башкир — Р. Г. Кузеев, татар — С. В. Суслова и Р. К. Уразманова, марийцев — Г. А. Сепеев и Т. Л. Молотова, удмуртов — А. В. Черных.

С 1975 г. систематические исследования истории и культуры народов Среднего Урала ведет Камская этнографическая экспедиция Пермского университета под руководством Г. Н. Чагина. Собранный материал о происхождении и материальной культуре русских, коми-пермяков, марийцев, удмуртов, татар, проживающих в Пермской и Свердловской областях, в Республике Коми и Башкортостан, Удмуртской Республике лег в основу многочисленных статей и монографий. Многолетние исследования устного народного творчества Урала проводит Фольклорная экспедиция Уральского государственного университета, в работе которой приняли участие более 250 студентов и преподавателей УрГУ. Их усилиями собран богатейший материал, частично опубликованный в книге «Предания и легенды Урала».

Многоплановые полевые и теоретические исследования этнографии народов Урала и Западной Сибири ведутся учеными крупных научных центров: Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург) под руководством А. В. Головнёва, Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) под руководством И. Н. Гемужева, Омского государственного университета под руководством Н. А. Томилова, Томского государственного университета под руководством Н. В. Лукиной и В. М. Кулемзина.

Большое значение для изучения и популяризации истории и культуры народов России имеют центральные и региональные историко-этнографические музеи. На базе петербургской Кунсткамеры выросли самостоятельные академические музеи: Азиатский (1818), получивший коллекции по культуре и быту народов Передней и Средней Азии, Дальнего Востока, Сибири и Поволжья; Египетский (1825) — по народам Египта; Этнографический (1836) — по народам Европейской части России и Западной Европы. Большая часть этих коллекций в 1879 г. была передана в фонд Музея антропологии и этнографии (МАЭ), ставшего крупнейшим этнографическим музеем мира. Экспозиция Музея антропологии и этнографии строится по историко-географическому принципу и носит комплексный характер. Она освещает древнейшие этапы развития человека и человеческого общества, а также культуру и быт народов мира.

В 1831 г. в Петербурге открылся Румянцевский музей, экспонировавший коллекции по культуре и быту народов Океании и Дальнего Востока; в 1861 г. он был переведен в Москву и пополнен коллекциями по народам Европы, России и Кавказа. В 1895 г. был основан Русский музей (Санкт-Петербург) с отделом этнографии Российской империи, славян и народов сопредельных стран. В XX в. на базе Румянцевского и Дашковского собраний был создан Центральный музей народоведения (Москва, 1924), а затем Музей народов СССР. В Ленинграде приобрел самостоятельность Этнографический отдел Русского музея (с 1934 г. Государственный музей этнографии народов СССР), фонды которого систематически пополняются различными экспедициями. Его экспозиция характеризует культуру и быт народов России XIX — начала XX вв.: русских, украинцев, белорусов, народов Прибалтики, Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Кавказа, а также современную культуру и быт народов Западной Европы.

Большие этнографические коллекции были собраны филиалами и музеями Русского географического общества, а также губернскими музеями. В Уральском регионе крупнейшими являются Свердловский областной краеведческий музей, основу коллекции которого составили сборы УОЛЕ (открыт в 1870 г.), Пермский областной краеведческий музей (основан в 1890 г.), Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (учрежден в 1870 г.). В настоящее время в Свердловской области действуют 106 государственных и муниципальных музеев и выставочных залов, в которых широко представлены материальная и духовная культура народов Урала. Значительную роль в сохранении историко-культурного наследия играют музеи под открытым небом. В 1971 г. основан архитектурно-этнографический музей «Хохловка» (Пермская область), который представляет памятники деревянного зодчества конца 17 – начала XX вв. В 1978 г. открылся Нижне-Синячихинский музей-заповедник деревянного зодчества и народного искусства (Свердловская область), в котором представлены образцы народной росписи крестьянских домов и предметы народного быта.

4. К настоящему времени в этнографическом изучении Урала имеются существенные результаты. Материалы, полученные несколькими поколениями исследователей, создают базу для всестороннего знакомства с жизнью населяющих его народов. В то же время остается актуальным изучение современных этнокультурных процессов, традиций и инноваций в жизнедеятельности этнических общностей, вопросов взаимодействия культур и народов. В этой связи необходима активизация исследований, подготовка и привлечение молодых исследователей-этнографов. Особенно важным является приобретение опыта полевой работы как основного метода этнографического изучения. Полевая этнография — это исследования, ведущиеся среди живых народов с целью сбора первоначальных данных об отдельных компонентах традиционно-бытовой культуры и их существовании как определенной системы. Полевые исследования ведутся либо стационарно, либо в экспедициях, включая индивидуальные поездки в район проживания изучаемого народа. Длительное участие этнографа в жизни изучаемого коллектива, знание языка этого коллектива дают преимущества для наиболее глубокого и полного исследования традиционно-бытовой культуры. Экспедиции могут быть как кратковременными (несколько недель), так и продолжительными (не-

сколько месяцев), рассчитанными на один либо несколько полевых сезонов; могут включать отряды, работающие по общей или различным программам. Применяются маршрутные и кустовые обследования изучаемого народа либо их сочетание. При первом способе работы экспедиция перемещается по определенному «линейному» маршруту, при втором — экспедиция ведет исследования в основном, «базовом» объекте (крупный населенный пункт) и периодически совершает кратковременные выезды в окружающие поселения для проверки и уточнения сведений. В полевой этнографии широко применяется картографирование отдельных элементов культуры по их типам, количественным характеристикам и т. п. Подготовительная работа к полевым исследованиям предусматривает изучение литературы, научных архивов, составление детальных программ, обеспечение современными техническими средствами — кино-, видео-, фото- аппаратурой, магнитофонами и диктофонами, а также транспортом и финансовыми средствами. Важным является обеспечение длительного сохранения собранных полевых материалов — одного из ценных видов исторических источников — и возможности работать с ними не только самому полевому этнографу, но и другим исследователям. Этнографические записи и отчеты должны содержать точную информацию о месте сбора, времени, сведения об источнике информации и т. п.

Основными методами полевых исследований являются наблюдение и опрос. Наблюдение основывается на непосредственном контакте исследователя и объекта исследования, может быть простым и включенным. В первом случае исследователь «пассивно» фиксирует интересующие его данные, во втором — проникает внутрь изучаемой группы и принимает участие в ее деятельности. В процессе наблюдения, кроме дневниковых записей и зарисовок, широко используются технические средства — фотокамеры, видеоманитофоны, диктофоны. Опрос, как метод сбора первичной информации, проводится в форме интервью и анкетирования. Интервью предполагает личную беседу исследователя и информатора. Интервью может быть формализованным (по заранее составленному вопроснику), полужформальным и открытым, когда заранее намечаются лишь основные темы беседы. Интервью позволяет углубленно изучать этнокультурные (обычаи, обряды) и психологические (установки, стереотипы) характеристики народа. Анкетирование может проводиться без непосредственного контакта исследователя и информатора, и обычно применяется в

этносоциологических исследованиях. Важными историко-этнографическими источниками, выявляемыми полевой этнографией, являются материалы местных архивов, статистические административно-хозяйственные данные.

Процесс обработки и анализа этнографических материалов, полученных в ходе полевых исследований, данных архивных и литературных источников является следующим этапом этнографических изысканий. В российской этнографии общепризнанным является сравнительно-исторический метод исследования, позволяющий путем сравнения выявлять общее и особенное в развитии культур народов мира и причины этих сходств и различий. Применяются три вида исторических сравнений: историко-типологическое, изучающие сходство явлений; историко-генетическое, исследующие явления, имеющие генетическую связь; историко-диффузионное, изучающие явления, распространившиеся в результате заимствований. Сравнительно-исторический метод используется при реконструкции первобытного общества, исследовании этногенеза, общего и особенного в развитии этнических культур и социальных общностей, генезиса, распространения и типологии отдельных явлений материальной, духовной и социально-нормативной культур; происхождения, формирования и типологии хозяйственно-культурных типов; формирования историко-этнографических ареалов и взаимодействия народов, образующих такие ареалы.

Для анализа общего и особенного в многообразии этнических явлений используется типологический метод. Процедура типологического метода заключается в выявлении и формулировании некоторого числа существенных признаков исследуемых объектов. Ярким примером использования этого метода является концепция хозяйственно-культурных типов, разработанная М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым.

Широкое применение при изучении систем терминов родства и этноса как динамической системы получил метод компонентного анализа, при котором для характеристики целостной сущности явлений выявляются составляющие его структурные компоненты (при этом выделяются демографический, социальный, экономический, языковой, психологический компоненты, а также компоненты соционормативной и художественной культуры).

Для целостного всестороннего изучения культуры народа очень важным является комплексный сбор информации, как среди

населения, так и из опубликованных и архивных источников. С этой целью в последние десятилетия разрабатываются подробные программы и вопросники по различным темам (например, «Землепользование и пути сообщения», «Народные знания», «Вопросник по изучению гончарства», «Программа комплексного изучения традиционной культуры народов Урала»).

**Этнический состав населения Свердловской области
по материалам Всероссийской переписи населения
2002-2010 гг.**

2002 г. абс % всего населения 4 486 214 100			2010 г. абс % 4 297 747 100	
русские	4002974	89,23	3684843	85,74
татары	168163	3,75	143803	3,35
украинцы	55478	1,24	35563	0,83
башкиры	37296	0,83	31183	0,73
марийцы	27863	0,62	23801	0,55
ненцы	22540	0,50	14914	0,35
азербайджанцы	15171	0,34	14215	0,33
удмурты	17993	0,40	13789	0,32
белорусы	18541	0,41	11670	0,27
армяне	11093	0,25	11501	0,27
указали национальность	4457257	99,35%	4464769	94,58
не указали националь- ность	28957	0,65	232978	5,42

Вопросы:

1. Что изучает этнография?
2. Назовите основные этапы развития этнографической науки в России и на Урале до XX в.?
3. Определите особенности развития этнографии в советское время.
4. Что включает в себя программа сбора этнографического материала?

Литература:

Барадулин В. А. Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу. Свердловск, 1982.

- Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. М., 1991.
- Владыкин В. Е. Христорожденье Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск, 1991.
- Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX вв. М., 1986.
- Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами: X – начало XX в. М., 1982.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
- Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959.
- На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральских крестьян XVII–XX вв. М., 1989.
- Народы России: Энциклопедия. М., 1994
- Основы этнографии. М., 1968.
- Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы // Сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Кругляшовой. Свердловск, 1991
- Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955.
- Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967, 1970
- Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
- Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
- Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М., 1989.
- Свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М., 1991.
- Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996.
- Традиционная народная культура населения Урала. Пермь, 1997.
- Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995.
- Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург, 2002
- Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX века: по материалам южных районов Пермской области. Пермь, 2002.

Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

ГЛАВА VI. ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

План:

1. Древнейшие памятники Урала как часть всемирного первобытного искусства.
2. Изобразительное искусство Урала периода христианизации и освоения края русскими.
3. Промышленное искусство горнозаводского Урала.
4. Изобразительное искусство пореформенного Урала (вторая половина XIX – начало XX вв.).
5. Художественная жизнь Урала в XX – начале XXI вв.

1. Идеи и художественные образы мировосприятия древнего человека на Урале сохранились в многочисленных памятниках изобразительного искусства. Древнейшие из них - наскальные рисунки в Каповой, Игнatieвской, Серпиевской 2-й и Мурадымовской 2-й пещерах на Южном Урале - относятся к эпохе позднего палеолита (40 тысяч лет назад – VIII тыс. до н.э.). Уникальные изображения, обнаруженные в этих пещерах, очень близки по своим основным характеристикам к знаменитым «украшенным гротам» верхнепалеолитического периода в Центральной Европе.

Более позднее происхождение имеют уральские писаницы (монументальные изображения, выполненные охрой на скальных обнажениях в долинах рек Вишеры, Туры, Тагила, Режа, Нейвы, Ирбита, Исети, Серги, Уфы, Ая, Юрюзани, Зилима, Белой, а также на озерах Большой Аллак и Аргази). Сейчас обнаружено более 70-ти таких изображений. Возраст памятников различный. Большая часть их создана на завершающих этапах каменного века (неолит – энеолит), но известно, что создавались они и в эпоху железа, вплоть до начала II тыс. н.э.

Древние племена, жившие на Урале в период «первобытных и младенчествующих обществ», не знали еще ни скотоводства, ни земледелия. Как и ныне живущие охотничьи племена, в искусстве они

заимствовали свои основные сюжеты из животного мира. Многие изображения животных, исполненные первобытными художниками, отличались большой верностью природе и свидетельствовали о значительном уровне древнего искусства. Часто эти изображения несли в себе культовый, магический смысл.

В археологических коллекциях уральских музеев очень много памятников с изображением водоплавающей птицы. Это и деревянный ковш с головой утки из Шигирского торфяника, и женские подвески в виде гуся, лебедя или утки, и рисунки, напоминающие водоплавающую птицу на сосудах эпохи энеолита. Археологи и этнографы утверждают, что именно это изображение было для древних уральских угорских племен оберегом - символом, охранявшим здоровье женщин и детей. Мифология угорских племен отводила водоплавающей птице одну из главных ролей в сотворении человеческой истории. Как рассказывает один из древних мифов, утка (гагара), нырнула под воду и достала со дна ту самую щепотку земли, из которой и была сотворена земная твердь. Персонажами древней магии угорских народов были и другие животные – лось, олень, медведь.

С возникновением очагов выплавки и обработки меди на Восточном склоне Урала в культовом литье возникает образ хищной птицы в полете с широко раскрытыми крыльями. Хищная птица приносила уральским металлургам, согласно их верованиям, священный огонь солнца, необходимый для задувки горна, ведь только она могла подниматься к солнцу выше всех других птиц и, сложив камнем крылья, падать на землю.

В переходный период от эпохи бронзы к эпохе железа хищная птица стала неременным атрибутом сюжетов звериного стиля, сложившегося в искусстве кочевых племен Евразии. В искусстве южного степного Приуралья распространился своеобразный савромато-сарматский звериный стиль. Сюжеты и образы савромато-сарматского стиля, как предполагают искусствоведы, во многом заимствованы из скифской культуры. Индивидуальные и многофигурные композиции, рисующие различных животных, представляют обычно трехчленное строение мира: верхний мир – птицы; средний мир – копытные животные (олень, лось, козел); нижний мир (зона смерти) – змеи, грифоны или хищные звери (пантера, лев, тигр). Нижняя зона отражалась также в сценах борьбы и терзания животных.

Южноуральские кочевники оказали определенное влияние на верования своих северных соседей, лесостепные и лесные племена. Трехъярусные композиции, представленные в памятниках древнеуральского изобразительного искусства лесостепных и лесных племен раннего железного века (Пермский звериный стиль) в целом повторяли модель мира, характерную для степной Евразии. Достаточно большие коллекции бронзовой художественной пластики VII в. до н.э. – XII в. н.э., выполненные в Пермском зверином стиле, сохранились в фондах Пермского областного краеведческого музея. По образам, мотивам и изобразительным приемам они сложны и разнообразны. Наряду с рисунками скифского, савромато-сарматского, сибирского и среднеазиатского происхождения, здесь встречаются и характерные изображения исконных обитателей прикамских лесов: лоси, медведи, росомахи, белки, зайцы.

Излюбленными персонажами магии древних уральцев были лось и медведь. В финно-угорском эпосе сохранился миф о небесной лосихе – покровительнице зверей, рыб и птиц на Земле. Созидателем жизни, хозяином считался и медведь. Отголоски Пермского звериного стиля в последующие годы сохранились в традиционном искусстве аборигенных народов Урала – коми, удмуртов, манси и ханты. Как правило, в период родового строя изображения животных свидетельствовали о тотемистических верованиях древних уральцев. Обожествляемые животные олицетворяли для них предков, родоначальников.

Эпоха разложения родового строя (III-IX вв. н.э.) внесла некоторые изменения в этнокультурные процессы на Урале. С развитием металлургии, кочевого скотоводства, пашенного земледелия повысилась степень независимости человека от природы, выросла роль личности (мужчины) в обществе. Менялись постепенно и духовные представления древних уральцев, происходило осмысление самоценности человека. Идея перерождения умершего человека в зверя или птицу стала заменяться представлением о существовании в нижнем мире предка в человеческом облике, в облике богатыря. На жертвенных местах этого времени наряду с культовыми изображениями животных появляются антропоморфные изображения. В фигурках из Сапогова это воины – мужчины и женщины, в Лозьвинском кладе – антропоморфные изображения преимущественно мужского пола.

Археологические коллекции уральских музеев содержат и значительно более ранние антропоморфные изображения. Самое древнее из них – знаменитый Шигирский идол, хранящийся в фондах Сверд-

ловского областного краеведческого музея. Проведенный несколько лет назад радиоуглеродный анализ показал, что это самая древняя из известных в истории мировой цивилизации и самая крупная (5,3 м) деревянная антропоморфная скульптура. К сожалению, часть памятника в настоящее время утрачена, и мы можем судить о ней лишь по рисунку, опубликованному одним из первых исследователей идола В.Я.Толмачевым. Возраст Шигирского идола превышает 9,5 тысяч лет. Если верить данным анализов, он был выполнен древним мастером еще в эпоху среднего каменного века.

Сохранила столь древнюю деревянную скульптуру торфяниковая стоянка на берегу Шигирского озера (Кировградский район Свердловской области, окрестности поселка Нейво-Рудянка). Уникальный памятник был обнаружен случайно в январе 1890 г. рабочими-старателями при поисках золота в разрезе Второго Курьинского прииска. Находился идол под слоем торфа на глубине около 3 метров от поверхности. Некоторое время памятник хранился у владельца прииска, графа А.А. Стенбок-Фермора, затем, по решению заводладельца, его передали в музей Уральского общества любителей естествознания. В музей попал и Малый Шигирский идол (ранний железный век), найденный в иловато-торфянистых отложениях дна Шигирского озера.

Традиции язычества и шаманизма сохранялись у коренных уральских народов вплоть до начала освоения Урала русскими. Верования древних уральцев, раскрывшись еще в языческих идолах, с принятием христианства проявилось в пермской деревянной скульптуре XVII-XIX вв., соединившей аборигенные традиции с русскими и западноевропейскими влияниями.

2. Традиции русского искусства проникают на Урал с началом русской колонизации и христианизации. В XVI-XVII вв. сюда попадает новгородская, северная и московская икона. Еще раньше появляются очаги местного иконописания. Начало их деятельности исследователи относят к 80-м гг. XIV в. – времени миссионерской деятельности Стефана Пермского. Памятники того периода, правда, не сохранились. Первые иконы предположительно уральского происхождения относятся к последней четверти XVI – началу XVII в., к так называемой Строгановской школе. Миниатюрность и изящество письма, камерный, молитвенный характер религиозного образа, тщательность обработки деталей, роскошное узорочье с применением

чернения по золоту выделяют строгановскую икону среди множества подобных памятников того периода. Памятники «строгановской школы» - замечательное явление в позднейшей живописи средневековой Руси.

Специалисты различают две группы произведений русского иконописания, связанных с именем Строгановых. Первая из них – иконы, исполненные главным образом московскими мастерами, государевыми иконописцами, оказавшимися в силу тех или иных причин в сольвычегодской вотчине Строгановых. Это известные художники того периода Прокопий Чирин, Семен Хромой, Стефан Арефьев, династия Савиных. Творения московских художников широко известны сейчас как произведения высокого искусства.

Другую группу составляют иконы, исполненные местными уральскими мастерами в «иконных горницах» Сольвычегодска. Подписные иконы сохранили имена дворовых художников. Это «человек» Максима Яковлевича Строганова Перша, ученик Прокопия Чирин Первуша. Писали в мастерской Строгановых также иконник Михайло, крепостной художник Мартемьян Елизарьев, Семен Бороздин. К началу XVII в. был разработан строгановский иконописный подлинник. Он представлял собой свод изображений-прорисей, расположенных в календарном порядке. Отдельные листы свода были близки как новгородским, так и московским иконографическим изводам XVI в. Подлинник служил пособием по иконографии для начинающих художников. Опытные мастера, оттолкнувшись от него, могли создавать и свои, оригинальные произведения. Строгановская икона хранится в коллекциях Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Пермского музея изобразительных искусств, Сольвычегодского историко-художественного музея.

В XVIII-XIX вв. традиции древнего иконописания сохранила иконопись, получившая недавно название Невьянская школа. Невьянская икона была распространена прежде всего на горнозаводском Урале, издавна приютившем гонимых православной церковью старообрядцев. Первые мастера Невьянской иконописной школы старец Григорий (Г. Коскин), инок Гурий (Г.А. Перетрутов), отец Паисий (П.Ф. Заверткин) работали в середине XVIII в. в скитах и окрестностях Невьянска. Их произведения соединили в себе традиции допетровской Руси и влияние новых стилей: барокко, классицизма.

Звучность и чистота цвета, широкое использование техники «цвечения золота», мастерски исполненные пейзажи, включающие

элементы уральской природы, выделяют невянскую икону среди других памятников русского иконописания, делают ее заметным явлением в русской культуре XVIII-XIX вв. Своего расцвета Невьянская школа иконописи достигла в конце XVIII – первой половине XIX вв., когда работали семьи Богатыревых, Чернобровиных, Анисимовых, Филатовых, Романовых, Калашниковых. Во второй половине XIX в. начинается постепенный упадок школы. К концу XIX в. в Невьянске сохранилось только три мастерских. Отдельные мастера работали на Урале вплоть до 20-х годов XX в.

Уральская иконопись во многом стала основой изобразительного искусства края. Несомненно, взаимовлияние иконы и старообрядческой книжной миниатюры, воздействие иконописной манеры на роспись по дереву и металлу.

3. Новое искусство промышленного региона начало складываться в эпоху петровских преобразований. Основывалось оно, прежде всего, на обработке металла и камня. Как правило, промышленное искусство было результатом коллективного труда. Замысел художника, автора проекта, в заводских мастерских соединялся с работой кузнецов, литейщиков, чеканщиков, каменщиков.

Бытовая художественная медь. Урал известен своими бытовыми и художественными изделиями из меди. Наряду с шедеврами на продажу металлом и металлическими изделиями (котлами, якорями, колоколами, инструментами, предметами крестьянского быта) уральские заводы выпускали пользующуюся спросом медную посуду. Вместе с недорогой массовой продукцией заводы освоили выпуск посуды из «зеленой меди», разнообразной по форме и отделке, отличающейся высокими художественными достоинствами. Именно изготовление медной посуды, особенно чеканной явилось едва ли не первой заводской отраслью, поднявшейся до уровня искусства, сформировавшегося на Урале на промышленной основе. По всей России расходились изготовленные на горных заводах посуда и церковная утварь, подсвечники и колокола, подвесные рукомойники и светильники.

Одними из первых изготавливать медную посуду стали мастера Екатеринбургского казенного завода. 12 июня 1723 г. В. Геннин, организатор горнозаводского дела и один из отцов - основателей Екатеринбурга, послал жене Петра I Екатерине Алексеевне письмо и вместе с ним поднос из очищенной меди. До сих пор идет спор между Тулой и Уралом, чьи самовары были более знамениты.

Керамические изделия на Урале. Изделия из керамики так же, как и медные, занимали видное место в быту уральцев. Ещё в XVII в. на Урале возникло самостоятельное керамическое производство. Среди изделий, выпущенных в Соликамске, были, в частности, изразцы – плитки для облицовки стен, каминов, печей. Большая коллекция изразцов хранится в Усольском и Чердынском музеях. Первоначально изразцами украшали храмы: ими обрамляли окна, опоясывали башни. Затем изразцы стали изготавливать для облицовки печей. На Соликамском заводе изготавливались изразцы прямоугольной формы, изогнутые, выпуклые или вогнутые, поясовые, для выкладки фриз, «фасонные городки», «угловые розетки», печурные арки. Все они украшались росписью. Изразцы различались по использованию цвета: были монохромные и полихромные. Одноцветные покрывались белой глазурью и разрисовывались синей эмалью. Расположение рисунка на изразце было различным: иногда рисунок напоминал медальон, центральное изображение было заключено в орнаментированную рамку, иногда рисунок свободно располагался по всей плоскости.

Особую славу, благодаря искусству лаковой живописи по металлу, получил **тагильский поднос**. Начало искусства росписи уральских подносов относится к середине XVIII в. Первый из сохранившихся в коллекциях музеев уральский лакированный поднос датируется 1747 годом. Центром лакировального промысла в XVIII-XIX вв. стал Нижнетагильский завод. Родоначальником лакового дела в Тагиле называют Андрея Степановича Худоярова (1722-1804). Старообрядец, выходец из костромского Заволжья, А.С. Худояров открыл секрет изготовления особого «хрустального» лака, который «на железе, меди и дереве нимало не трескается». Прочность и прозрачность худояровского лака до сих пор поражает специалистов. Проработав несколько лет на Нижнетагильском заводе, А.С. Худояров получил от заводовладельца разрешение на открытие собственной живописной мастерской. Здесь он обучил секретам живописного и лакировального искусства своих детей – Андрея и Вавилу, которые продолжили дело отца. К концу XVIII в. в Тагиле появились и другие династии живописцев – Дубасниковы, Головановы, Перезоловы, Кайгородовы.

Расцвету лакировального промысла в Тагиле способствовало открытие особой Школа живописи (1806-1820), где ученики получали навыки живописи, иконописи, лепки и росписи по металлу. Некото-

рое время работой школы руководил Василий Иванович Албычев – выпускник Академии художеств, получивший аттестат первой степени за дипломное полотно «Сражение европейцев с азиатами». Очувтившись на Урале, В.И. Албычев не порывал связи с Академией, откуда ему постоянно присылались модели, гравюры, живописные полотна.

Вершину своего подъема тагильский лаковый промысел переживает в 30-40-е гг. XIX в. Изготовлением подносов и других лакированных изделий (металлических шкатулок, свадебных сундучков, столиков, солонок и т.д.) в это время там занималось 24 мастерских. Их продукция пользовалась спросом не только на Урале, но и далеко за его пределами.

Тагильские подносы расписывались растительными и цветочными орнаментами. Особенно излюблен был сказочный цветок – «тагильская роза» на фоне, имитировавшем малахит или дерево. Второе направление – подносы-картины. Их оформление требовало несравненно более сложной техники. Сюжеты картин были многообразны – это и пейзажные зарисовки, и натюрморты, и копии с произведений корифеев живописи, и народный лубок. О высоком уровне «лакирного дела» на демидовских заводах в ту пору свидетельствуют престижные награды, которые получали тагильские умельцы на всероссийских выставках. Во второй половине XIX в. художественный уровень тагильских изделий падает. Утрачен был и секрет масляного «худояровского» лака.

Значительно долговечнее оказалась судьба художественного **чугунного литья**. В 1747 г. тульский купец Яков Коробков построил в городе Касли железоделательный и чугуноплавильный завод. Уже спустя несколько лет изделия заводских мастеров стали известны и в Европе, и в Азии. Но всерьез художественным литьем занялись в начале XIX в., когда к работе на завод привлекаются профессиональные скульпторы и художники, в том числе выпускники Петербургской академии художеств М. Канаев и Н. Бах. Апофеозом становится Всемирная выставка прикладного искусства в Париже в 1900 г., где был представлен чугунный павильон-дворец в византийском стиле (проект Е. Баумгартена). У входа в павильон стояла скульптура «Россия» (автор Н. Лаврецкий) — величественная и прекрасная воительница, оберегающая мир. Работа каслинцев была немедленно признана шедевром и получила Гран-при выставки. Много нашлось желающих купить шедевр, но владельцы соглашались

продать лишь павильон, заявляя, что «Россия» — не продается!»! Поэтому в итоге «Россия» вернулась в Россию вместе с павильоном и до 50-х годов XX века лежала в подвалах. В 1958 г. после семимесячных реставрационных работ павильон и статуя были выставлены в зале Екатеринбургского музея изобразительных искусств. Увеличенная копия «России» находится в Кремле. Также к художественному литью обратились Каменский, Верх-Исетский, Полевской Кусинский и другие уральские заводы.

Чугунолитейный завод на реке Кусе был основан купцом Илларионом Лушным в 1778 г. Изготовлением «предметов мелкой (камерной) пластики» заводчане увлеклись в середине XIX в., и вскоре достигли в этом деле значительных успехов. Гран-при на Парижских выставках не получали, но в Копенгагене, Стокгольме, Глазго и Милане в разные годы кусинские изделия оценивались очень высоко. Кабинетные вещи Кусинский литейно-машиностроительный завод выпускал в советские годы, выпускает и до сих пор.

Екатеринбургский музей изобразительных искусств хранит крупнейшую коллекцию каслинского литья. В декабре 1977 года в Челябинске создан музей декоративно-прикладного искусства Урала. Под музей было отведено одно из лучших зданий в центре города (архитектор Е.В.Александров). Анфилады залов, украшенных лепниной, как нельзя лучше отвечают характеру расположившегося здесь каслинского и кусинского литья, златоустовской гравюры из стали, камнерезного и ювелирного искусства, традиционной уральской вышивки, глиняной игрушки, расписных подносов, южноуральского фарфора. Произведения каслинских мастеров хранятся также в Государственном Русском музее, Государственном Эрмитаже, музеях Каслей и других уральских городов.

Успехи чугунно-литейного дела на Урале стимулировали развитие художественного литья из бронзы. **Бронзолитейное дело** возникло в регионе в первой половине XIX в. До этого, в эпоху Елизаветы и Екатерины II, декоративная бронза завозилась в Россию из-за границы, в основном из Франции. Именно в этой европейской стране обучился основам бронзолитейного искусства будущий выдающийся уральский литейщик Федор Филиппович Звездин. Воспитанник Выйского училища, крепостной Н.Н. Демидова отправился во Францию 15-летним мальчиком. После обучения в 1830 г. он вернулся на Нижнетагильские заводы, где сразу же приступил к созданию «бронзерной» фабрики при Выйском медеплавильном заводе.

Первые заказы на художественное литье Выйская «бронзерная фабрика» Звездина получила в 1833 г. В мастерскую поступали не только заказы на декоративные изделия из бронзы, но и технические задания. Например, под руководством Звездина на Выйском медеплавильном заводе были отлиты первые рельсы для паровозной дороги. В художественных работах мастер достиг значительной пластической выразительности. Известны его произведения: бюст Н.Н. Демидова (1834), «Мальчик, вынимающий занозу» (копия со знаменитой древнегреческой статуи, 1839), «Девочка в молитвенной позе» (копия с модели известного скульптора эпохи классицизма Х.-Д. Рауха, 1840). Работы хранятся в Государственном Русском музее, Екатеринбургском музее изобразительных искусств, Свердловском областном краеведческом музее, Нижне-Тагильском музее горнозаводского дела.

Судьба крепостного мастера была довольно печальной. В 1840-е гг. его отношения с демидовским заводоуправлением стали портиться. Первоначально Ф.Ф. Звездина лишили художественных заказов, а затем и вовсе отстранили от руководства фабрикой и уволили с заводов. Крепостной мастер вынужден был остаться жить в Нижнетагильском заводском поселке, оторванный от творчества. Лишь эпизодически его привлекали к выполнению отдельных заказов. Судьба Ф.Ф. Звездина типична для многих талантливых мастеров крепостной эпохи.

Талант крепостных мастеров-умельцев принес мировую славу златоустовскому украшенному оружию. Златоустовская гравюра на стали - одна из ярких страниц уральского искусства. Надо заметить, что Златоуст не был родоначальником украшенного холодного оружия. Художественное оружие из сварочного булата изготавливалось в России еще в XVII в. В XVIII в. прекрасные образцы украшенного оружия оставила тульская оружейная фабрика. Шедевры мастеров Златоуста впитали в себя богатейшие традиции русских и западноевропейских оружейников XVII-XVIII вв.

Златоустовская фабрика белого оружия была открыта в декабре 1815 г. Для производства холодного оружия и обучения уральских мастеров на Урал были приглашены специалисты из Золингена, Клингенталя, Эльбергфельда, Эльзаса, Гогена. Первые изделия Златоустовской фабрики были выполнены под влиянием украшенного немецкого оружия, и в первую очередь Золингена. Однако скоро уральские граверы создали свой собственный неповторимый самобытный стиль. Первоначально рисунки на клинках, как и на изделиях немец-

ких мастеров, состояли из нескольких традиционных композиций и орнаментальных сцен, не связанных между собой. Со временем в художественном оформлении златоустовского оружия появились сюжетные сцены: реальные фигуры воинов, прославивших родину в Отечественной войне 1812 г., массовые батальные и производственные сцены, охотничьи мотивы, уральские пейзажи. Примечательно, что изображение военных сцен в изделиях златоустовских мастеров лишено всякой аллегоричности и носит реалистический характер. Именно это заметно выделяет златоустовскую гравюру в тогдашнем русском искусстве.

Эфесы сабель и шпаг подчас представляли собой настоящие шедевры мелкой пластики. Сочетание золотого орнамента и холодного вороненого фона, едва заметного рельефа и сверкающей полированной поверхности придавало златоустовским изделиям особую нарядность. Уникальные образцы такого оружия оставили нам замечательные мастера-граверы И.Н. Бушуев, И.П. Бояршинов, В.И. Южаков. Память об одном из этих мастеров сохранил герб современного Златоуста. Летящий на крыльях конь – любимая деталь многих гравюр Ивана Бушуева. Отсюда и прозвище мастера – Иван Крылатко. Так назван и сказ П.Бажова об уральском умельце. Произведения златоустовских мастеров хранятся в Музее Санкт-Петербургского Горного института, Златоустовском краеведческом музее, Свердловском областном краеведческом музее и других музеях страны.

Уральское камнерезное искусство — уникальная разновидность русского декоративно-прикладного искусства. Покровительницей уральского камнерезного искусства считается сказочный персонаж - Хозяйка медной горы. С XVII в. русские "рудознатцы" открывали на склонах Уральских гор богатейшие в мире залежи цветных полудрагоценных камней: агатов, сердоликов, халцедонов. Около 1635 г. был обнаружен самый знаменитый из уральских камней — малахит. В 1789 г. близ г. Колывань в Пермской губернии открыли светло-зеленую яшму с волнистыми темно-зелеными полосами. В 1830 г. были обнаружены изумруды глубокого зеленого цвета, не уступающие знаменитым египетским. На Руси цветные, прозрачные, сверкающие камни называли самоцветами.

Изобилие и разнообразие декоративных свойств уральских камней способствовали формированию в России в XVIII в. высокой культуры обработки камня. Ярко-синий уральский лазурит и зеленый малахит использовали в интерьерах русского классицизма для обли-

цовки колонн, пилястр в технике, специально разработанной русскими мастерами.

Из родонита и яшмы делали настольные украшения в видеobelisks, вазонов и даже небольших храмов. Уральскими самоцветами облицовывали торшеры и огромные декоративные вазы, некоторые делали из цельных кусков камня. Эти вазы ныне экспонируются в залах петербургского Эрмитажа.

В 1723 г. была основана Петергофская гранильная фабрика под Петербургом. Центром камнерезного искусства на Урале стала Екатеринбургская гранильная фабрика. Она была основана в 1751 г. и находилась первоначально в ведении канцелярии Главного правления заводов, а с 1811 г. – Кабинета его императорского величества.

В XVIII в., однако, первое место в обработке камня занимал другой материал – мрамор. Поставлялся мрамор на фабрику из Горнощитского мраморного завода. Изделия Екатеринбургской гранильной фабрики отправлялись в Петербург и Москву для убранства парков, дворцов и храмов. В XIX в. в убранстве столичных особняков и храмов появился знаменитый уральский малахит.

В конце XVIII – начале XIX вв. уральские мастера постепенно перешли от промышленного изготовления простых плит, лестничных маршей и балясин для перил к созданию художественных изделий из камня:obelisks, ваз, торшеров, рельефов и круглой скульптуры. Лучшие свои произведения они выполняли по проектам выдающихся русских зодчих и архитекторов – А. Ринальди, А. Воронихина, К. Росси, И. Гальберга, А. Брюллова, К. Тона и др. В первые десятилетия XIX в. в уральском камнерезном искусстве проявились характерные черты высокого классицизма.

Во второй половине XIX в. начинается упадок монументального камнерезного искусства, и обработка камня на Урале постепенно теряет свои высокие художественные качества. Тем не менее, иногда уральским камнерезам удавалось еще блеснуть своими выдающимися достижениями. Таким достижением, бесспорно, является знаменитая карта Франции, изготовленная из благородных металлов, драгоценных камней и поделочных пород для Всемирной выставки в Париже в 1900 г. Карта была подарена Франции в знак дружбы между французским и русским народами.

4. Во второй половине XIX в. на Урале складываются новые формы художественной жизни. Большую роль в ней начинает играть местная интеллигенция. Ее усилиями в крае создаются первые про-

светительские организации, литературные и музыкальные общества, устраиваются выставки изобразительного искусства, на которых все заметнее дает о себе знать станковая живопись местных профессионалов и любителей. Не порывали связей с Уралом и известные живописцы, выходцы из уральских городов и заводских поселков (Ф.А. Бронников, В.П. и П.П. Верещагины, А.А. и П.А. Сведомские, А.И. Корзухин). «Профессор исторической живописи», выпускник Императорской Академии художеств Федор Андреевич Бронников (1827-1902) передал все свои картины, находящиеся в Риме, своему родному городу Шадринску. Многие из них сейчас хранятся в Шадринском краеведческом музее. Среди них – известное полотно «Итальянский карнавал» (1860).

С темой Урала связаны многие живописные произведения Алексея Ивановича Корзухина (1835-1894). До 1848 г. известный живописец, жанрист и портретист был мастеровым Нижнеисетского завода. Первым из уральцев он окончил Императорскую Академию художеств. Еще до поступления в Академию А.И. Корзухин создал портреты местных купцов Лагутяевых, чиновника Н.И. Кокшарова и его жены, главного начальника уральских заводов генерала В.А. Глинки. В Петербурге художник присоединился к движению художников реалистического и академического направления в живописи. Он стал одним из основателей Санкт-Петербургской артели художников (1863), членом-учредителем Товарищества передвижных художественных выставок (1870).

В Екатеринбурге Передвижная художественная академическая выставка побывала в 1887 г., во время проведения Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки. Содействовал проведению этой выставки Василий Петрович Верещагин (1856-1909) – известный исторический живописец, портретист и иконописец, уроженец Перми. Художественная выставка впервые дала возможность уральцам ознакомиться с картинами Г.И. Семирадского, В.Г. Перова, И.К. Айвазовского, И.И. Шишкина и других мастеров реалистической живописи. На выставке было представлено около двухсот произведений искусства. Наряду с работами столичных художников-академистов демонстрировались там и произведения местных художников В. Казанцева, Н. Плюснина.

После закрытия Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки возникла мысль о создании в Екатеринбурге художественного отдела при музее Уральского общества любителей естествозна-

ния. В результате долгой переписки с Академией художеств было принято решение о передаче из фондов Академии в музей ряда картин («Шипкинский перевал» Л. Лагорио, «Послы Ермака» В. Растворовского и др.). Картины эти стали основой художественного фонда Музея УОЛЕ. Фонд этот постоянно пополнялся. В 1910 г. в нем насчитывалось уже 257 работ. В 1936 г. художественный отдел музея был передан в Свердловскую картинную галерею. Качество художественных собраний музея высоко оценил академик Грабарь, побывавший в Свердловске. Экспозицию, представлявшую русскую и зарубежную живопись, он назвал «Эрмитажем с уральской пропиской».

Большую роль в формировании художественной культуры Урала сыграло Общество любителей изящных искусств (1895-1918), объединившее ценителей искусства. В обществе имелись различные отделы: литературный, сценических искусств, музыки, живописи, ваяния и зодчества, художественной промышленности, фотографии, кустарной промышленности. Отделом живописи заведовал Н.М. Плюснин, кустарным – Д.А. Удинцев.

Одним из видных деятелей Общества любителей изящных искусств был Алексей Кузьмич Денисов-Уральский (1863-1926). Замечательный живописец и камнерез родился в семье заводских рабочих. С детских лет он был знаком с трудом и искусством екатеринбургских мастеров камня. В 1887 г. талантливый молодой человек, по совету известного писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, отправился в столицу, где получил художественное образование в Санкт-Петербургском Обществе поощрения художеств (1887-1888).

Вернувшись в Екатеринбург, Денисов принял активное участие в культурной жизни Урала. Свое имя в искусстве он, подобно Д.Н. Мамину-Сибиряку, связал с родным краем. В конце XIX – начале XX вв. А.К. Денисов-Уральский стал первым и единственным в России организатором выставок об Урале. Столичным и зарубежным зрителям он экспонировал уральские пейзажи («Лесной пожар», «Октябрь на Урале», «Утро на реке Чусовой», «Камень Ветряной на реке Вишере» и др.), изготавливал и представлял публике высокохудожественные изделия из уральского камня. В 1904 г. картина Денисова-Уральского «Лесной пожар» получила Большую серебряную медаль на Международной выставке в Сент-Луисе (США).

Широкую известность в России получило творчество и других художников-уральцев: Л.В. Туржанского, М.В. Нестерова, Л.В. Попова. Профессиональное образование в области изобразительного и де-

коративно-прикладного искусства уральские художники получали обычно в столичных учебных заведениях. Первым профессиональным училищем для художников на уральской земле стала Екатеринбургская художественно-промышленная школа, открытая 6 декабря 1902 г. Открытие школы привлекло на Урал талантливых педагогов и художников, выпускников высших учебных заведений и художественных студий Петербурга, Москвы и Парижа (М.Ф. Каменского, В.П. Рубини, А.Н. Парамонова, В.В. Коновалова, В.А. Алмазова и др.). Эти замечательные мастера принесли сюда новые мотивы, характерные для русского реалистического искусства конца XIX – начала XX вв.

Не миновали Урал и веяния авангардного, футуристического искусства. Одним из активных кубо-футуристов стал уроженец пермского края Василий Васильевич Каменский. Уральский поэт и живописец сблизился с группой авторов сборника «Садок судей», писал произведения, проникнутые антиурбанистическими настроениями и авангардистскими исканиями. В 1912 г. В.В. Каменский организовал в Перми выставку произведений близких ему мастеров.

5. Октябрьские события 1917 года усилили позиции сторонников новых, «революционных» течений в искусстве. На Южном Урале идеи современного искусства пропагандировал один из теоретиков русского футуризма Давид Бурлюк (1882-1967). В Екатеринбурге лидером художественной жизни на некоторое время стал Степан Дмитриевич Нефедов, известный в искусстве под псевдонимом Эрьзя (1876-1959). Скульптор, имевший европейскую известность, мечтал создать на Урале Красную академию скульптуры. В 1919-1920 гг. Эрьзя возглавил в Екатеринбурге деятельность местных художников, выполнявших в городе ленинский план монументальной пропаганды. В создании монументальных произведений Эрьзе помогали В.Е. Ваулина, С.И. Голубев, И.А. Комбаров, Ф.Г. Самарин и А.И. Шапочкин. По проектам Эрьзи этот небольшой творческий коллектив выполнил три памятника: «Парижским коммунарам» (на площади Парижской коммуны), «Освобожденный труд» (на Кафедральной площади), «Уральским коммунарам» (на площади Коммунаров). Памятники работы Эрьзи украсили еще две площади Екатеринбурга – Народной мести и Труда: бюст Карла Маркса и монумент «Труд» (или «Великий кузнец мира»).

Ни один из этих памятников до настоящего времени не сохранился. Скульптуры Эрзы, стремившегося найти новые, более выразительные пластичные формы, оказались чуждыми для культурной среды Екатеринбургa. Особое раздражение у публики вызывал монумент «Освобожденный труд», водруженный на постамент бывшего царского изваяния. Шестиметровый колосс, изображающий обнаженную фигуру рабочего человека, простоял на главной площади города совсем недолго. Его сняли с пьедестала и впоследствии, судя по рассказам очевидцев, сбросили в глубокий заиленный Исетский пруд.

«Левое» авангардное искусство на Урале не нашло поддержки среди широких масс. Сторонники «революционных течений в искусстве» А.Ф. Боева и П.Е. Соколов в начале 1920-х гг. возглавили в Екатеринбургe художественное училище, возникшее в 1918 г. на базе художественно-промышленной школы. Художники Екатеринбургa с содроганием вспоминали впоследствии о последствиях «авангардной чистки», устроенной «пролет-культовцами» в старейшем художественном учебном заведении края. В школе были истреблены старые учебные пособия: античные бюсты, гипсовые орнаменты, маски. Гипсы выбрасывали из окон, волокни по лестницам, отбивая головы, руки и ноги. Картины, развешанные в классах, выдирали из рам, резали на куски и на оборотной стороне холста писали кубики, треугольники и прочие футуристические символы. Все коридоры были завалены обломками и остатками живописных полотен.

Некоторое время это «крушение» воспринималось учащимися с энтузиазмом, но вскоре выяснилось, что разрушив старую систему педагогических отношений, новые руководители не смогли создать ничего, что могло бы ее заменить. Подобная ситуация привела к жестким столкновениям между представителями авангарда и художниками традиционных направлений в городе. Пыл сторонников революционных течений в искусстве на Урале постепенно угас. В 1921 г. пролеткультовцы устроили ряд художественных выставок, но особого резонанса у публики они не имели. В творчестве уральских художников господствующим осталось реалистическое направление.

Утверждению реалистического направления в искусстве способствовала политика руководящей партии и правительства: социалистический реализм, партийность, народность и идейность были провозглашены в качестве основных принципов советского искусства. Идеологические принципы поддерживались в искусстве художественными организациями. С середины 1920-х гг. художников Урала

объединили в Ассоциацию художников революционной России (АХРР). В 1925 г. АХРР была создана в Свердловске и в Уфе, в 1926 г. – в Оренбурге, в 1928 г. – в Челябинске. Основной состав АХРР представляли художники-реалисты, бывшие члены Товарищества передвижных художественных выставок и Союза русских художников.

После 1932 г. в уральских городах возникли более крупные организации Союза художников СССР. Деятельность новых организаций началась «с похода в жизнь». На Урале были сформированы творческие бригады мастеров изобразительного искусства, которые отправились на заводы и фабрики, в колхозы и трудовые бригады. В производственные коллективы мастера изобразительного искусства отправлялись за отбором материала для будущих картин.

Многие художники в те времена искренне увлекались революционной сюжетикой, изображали события революции, Гражданской войны, трудовые будни. Характерными произведениями искусства для тех лет была портретная живопись А.Н. Парамонова (портрет партизана Гражданской войны Ф. Гуляева), Г.А. Мелентьева (портрет ударницы Кунгурского кожевенного завода Е. Овсянниковой), Т.А. Партиной (портрет резчика по дереву В.Г. Шестеля). Идеологизация искусства, однако, очень часто приводила художников к творческим неудачам.

Несмотря на административно-командные методы руководства культурой и идеологизацию художественной жизни, деятельность Союза художников в 1930-е гг. нельзя оценивать однозначно. Во многом именно благодаря этой профессиональной организации на Урале сформировалась необходимая для развития искусства художественная среда. Росту профессионального мастерства уральских художников и художественному воспитанию уральской публики помогало постоянное общение со столичным искусством.

Первая бригада московских художников во главе с Е. Львовым по решению Союза художников приехала на Урал еще в 1929 г. В Свердловском обкоме партии был разработан ее творческий маршрут: Пермь, Кизел, Нижний Тагил, Свердловск, Челябинск, Магнитогорск. Результаты этой поездки были показаны в Свердловске на выставке «Большой Урал». В 1932 г. на Урал и в Кузбасс из Москвы, Ленинграда и других городов вновь приехали столичные художники. В это время на Урале работал Б. Иогансон, С. Герасимов, Ф. Модоров, Б. Яковлев и другие выдающиеся художники. В 1935 г. в Свердловске, а затем и в других городах региона прошла выставка с участием мос-

ковских и ленинградских мастеров «Урало-Кузбасс в живописи». От Свердловска на ней были показаны работы А. Кикина, Г. Мелентьева, И. Слюсарева, Т. Партиной. Для местных художников творчество признанных мастеров, трудившихся рядом, было хорошей школой.

Особенно плодотворным в то время было творчество уральских художников-живописцев. Ведущее место в уральской пейзажной живописи 1920-1930-х гг. принадлежит Ивану Кирилловичу Слюсареву (1886-1962). Путь И.К. Слюсарева в искусство был очень нелегким. Он родился в 1886 г. в большой и бедной крестьянской семье в деревне Черноскутовой Пермской губернии. С семи лет начал помогать родителям: пасти скот, работать на полях. Жизнь в деревне научила будущего художника любить родную природу, видеть ее тайную красоту. После окончания школы родители решили отдать двенадцатилетнего мальчика на заработки в город. В 1898 г. он отправился к дяде – приказчику одной из многочисленных лавок на екатеринбургском хлебном рынке.

Город открыл перед талантливым мальчиком новые возможности. В 1898 г. для рабочих Верх-Исетского завода открылись специальные курсы, где наряду с другими предметами преподавались черчение и рисование. Рисование преподавал один из наиболее известных в городе художников-педагогов Н.М. Плюснин. Курсы, которые стал посещать И.К.Слюсарев, приобщили его к миру искусства. Здесь он проучился три года. Помимо курсов И.К.Слюсарев посещал вечера Общества любителей изящных искусств. Очень важной для будущего художника оказалась встреча с Л.В. Туржанским, известным русским пейзажистом, учеником В.Серова и К.Коровина. По совету Туржанского Слюсарев решил продолжить свое художественное образование и поступил в Екатеринбургскую художественно-промышленную школу.

Главной линией творчества художника, окончившего в 1907 г. художественно-промышленную школу, стал уральский пейзаж. Он стремился выбирать для своих картин мотивы, наиболее выразительные и характерные для уральского пейзажа: камни, скалы, прозрачные озера. В конце 1920 – 1930-х гг. творчество художника расцветает особенно ярко. Он с успехом выступает на местных и столичных художественных выставках. В этот период художник пишет одни из самых значительных своих работ – «Ивушка на пригорке», «Старая ель на реке Чусовой», «На Тагане», «С реки туман» и др. Работы И.К. Слюсарева хранятся в Екатеринбургском музее изобразительных

искусств, Свердловском областном краеведческом музее, Пермской государственной художественной галерее.

В годы Великой Отечественной войны Урал стал местом творчества многих выдающихся представителей русского искусства. Здесь работали известные живописцы, графики, скульпторы Борис Иогансон, Виктор Орешников, Юрий Васнецов, Зиновий Виленский, Сергей Меркуров, Феликс Ламберский. В запасниках уральских музеев хранились бесценные коллекции Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи. Художники страны трудились во имя победы. Во всех городах Урала был налажен выпуск плакатов, агитвитрин. Так, в Свердловске первый номер агитвитрины «В бой за Родину» с плакатами А. Вязникова, карикатурами Г. Ляхина и стихами К. Мурзиди вышел уже в самом начале войны, 27 июня 1941 г. К декабрю 1941 г. агитвитрины выпускались огромным тиражом – 240 экземпляров и распределялись по предприятиям области. Несмотря на тяжелые условия, в годы войны во всех уральских городах были организованы десятки выставок. Многие уральские художники ушли на фронт. В послевоенные годы их натурные зарисовки легли в основу произведений о войне.

Мастера нового поколения (Е.И. Гудин, И.И. Симонов, М.Ш. Брусиловский, В.З. Беляев, Г.С. Мосин, В.М. Волович) начали свою деятельность на Урале в конце 1950-х гг. Их творческие устремления сформировались в обстановке «хрущевской оттепели» – общественного подъема конца 1950-х – начала 1960-х гг. Многие из художников этого времени отошли от характерного для советского искусства предшествующих лет «сурового стиля» с его монументализмом и экспрессивностью. В своих произведениях они стремились более глубоко осмыслить действительность. Уже в годы застоя в произведениях уральских художников зазвучала обличительная интонация, появились сюжеты, говорящие о запретных социальных проблемах.

Ярко и уверенно начал свой творческий путь **Геннадий Сидорович Мосин (1930-1982)**. Его дипломная работа «Каменный цветок» (1957) на сюжет сказа П.П. Бажова, написанная по окончании Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в Ленинграде, попала в академический музей, а сам Мосин получил приглашение в аспирантуру. Художник, однако, решил вернуться на Урал.

Родился С.Г. Мосин в небольшом уральском селе Каменно-озерском. Еще в раннем детстве обстоятельства на всю жизнь связали его с рабочим поселком Березовским, где издавна бытовали горщики

и старатели. Яркие впечатления детства, увлеченность Уралом явились основой творческого своеобразия художника. В его историко-революционных живописных полотнах («Сказ об Урале», «Красные командиры времен гражданской войны на Урале»), пейзажах («Весна», «Старая Утка»), сказочных произведениях («Малахитовая шкапулка») воплотилась любовь к родному краю. Творческий диапазон художника был широк и разнообразен: здесь и живописные произведения, и графика, и монументально-декоративные работы, и скульптура. Всем произведениям С.Г. Мосина присущи черты новаторства, постоянного поиска самостоятельных путей в искусстве, высокая профессиональная требовательность. Работы Г.С. Мосина хранятся в коллекциях Екатеринбургского музея изобразительных искусств, Свердловского областного краеведческого музея, Нижне-Тагильского музея изобразительных искусств, Пермской государственной художественной галереи, Челябинской областной картинной галереи и других музеев страны.

Блестящее мастерство присуще и работам художника **Виталия Михайловича Воловича**. Он широко известен прежде всего как талантливый иллюстратор литературной классики средневековья. В литературе прошлого художника привлекает то, что актуально сегодня. Иллюстрации к балладе Р.Л. Стивенсона «Вересковый мед» (1965), к «Отелло» и «Ричарду III» В. Шекспира (1966-1967), к ирландским и голландским сагам (1968), к «Роману о Тристане и Изольде» Ж. Бедье (1972), к Эгмонту И.В. Гете (1980) обличают ложь, вероломство, деспотизм, воспевают светлые чувства, высокие душевные порывы.

Ярким проявлением в искусстве 1960-1970-х гг. стала башкирская школа живописи (Р.М. Нурмухаметов, А.В. Пантелеев, А.Х. Ситдикова, А.Ф. Лутфуллин, Б.Ф. Домашников, А.Д. Бурзянцев и др.). Народный художник РСФСР Рашит Мухаметбареевич Нурмухаметов (1925-1986) создал галерею национальных характеров в портретах: заслуженного артиста РСФСР Б. Валеевой (1952), народного артиста СССР З. Насретдиновой (1955), скульптора М. Якубова (1967), поэта М. Карима (1971), композитора З. Исмагилова (1974). Произведения башкирских художников хранятся в Башкирском государственном художественном музее.

Надо отметить, что в СССР развитие национального искусства поддерживалось государственными и партийными органами. Особое внимание, согласно принципам советской национальной политики, уделялось культуре тех народов, у которых до революции либо вооб-

ще не было профессионального искусства, либо оно было представлено лишь отдельными видами и жанрами. Нельзя не признать, что во многом именно эта политика определила приток в искусство одаренных людей из малых народностей Урала и Сибири, обострила интерес к местным национальным традициям и мифологическим представлениям, к фольклору, к наивной образности народного художественного творчества.

Большую коллекцию произведений хантыйского художника **Геннадия Райшева** хранят Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбургский и Тюменский музеи изобразительных искусств. Художник рисует мир старого хантыйского поселения, людей, живущих единой жизнью с природой и одухотворивших ее своей фантазией. Путь Г. Райшева в искусство был необычен. На Северном отделении Ленинградского педагогического института он получил специальность учителя русского языка и литературы, не ставшую, однако, его жизненным призванием. Навыки рисовального и живописного мастерства Г. Райшев приобретал самостоятельно. Одновременно он осваивал профессиональную грамоту и принципы изобразительного фольклора, пытаясь повторить путь, проделанный поколениями его предков. «Иду, как народ, - говорил Г. Райшев, - постигая жизнь, дохожу до символа, иероглифа, и снова иду обратно, чтобы насытить их чувственными началами».

Работы художника отражают этот процесс превращения натуры в условную ритмизованную форму. Такова серия линогравюр «Мужички салымские» (1972), живописные серии «Морошка-кашка» (1976-1978), «Болотные ягоды» (1978-1979). Идолы, олицетворяющие таинственные силы природы, маняще глядят на нас с его картин раскосыми глазами реальных женщин.

Художественные искания уральских художников не ограничивались традиционной для соцреализма историко-революционной тематикой и народным творчеством. Уже во второй половине 1960-х гг. на Урале параллельно с официально признанным искусством начал формироваться андеграунд, отличавшийся радикализмом, категорическим неприятием официальной идеологии. В Свердловске лидерами андеграунда стали Анна Таршис (псевдоним Ры-Никонова) и В.Ф.Дьяченко, концептуалисты так называемой «уктусской школы», оказавшие влияние на различные явления постмодернистского искусства в нашей стране. В Уфе представления об андеграунде связаны с

именем М.А. Назарова, одного из организаторов группы «Сары бия» («Желтая лошадь»).

Особо следует сказать о величайшем скульпторе современности **Эрнсте Неизвестном** (1925 г.р.)

Родился в г. Свердловске в семье врача Иосифа Моисеевича Неизвестного (1898-1979) и Беллы Абрамовны Дижур (1903—2006), писавшей научно-популярные книги для детей.

С 1939 по 1942 гг. участвовал во Всесоюзных конкурсах и посещал школу для художественно одаренных детей сначала в Ленинграде, а в годы войны — в Самарканде. В 1942 году в возрасте 17 лет Неизвестный был призван в Красную Армию. Служил в воздушно-десантных войсках 2-го Украинского фронта. В конце Великой Отечественной войны 22 апреля 1945 г. в Австрии был тяжело ранен, признан погибшим и за проявленный героизм «посмертно» награжден орденом Красной Звезды.

После войны вернулся в Свердловск. Некоторое время преподавал черчение в Суворовском училище в Свердловске, в 1946—1947 гг. обучался в Академии Художеств в Риге, а затем, в 1947—1954 гг. — в Московском художественном институте им. В. И. Сурикова и на философском факультете Московского государственного университета.

В 1955 году становится членом Московского отделения Союза художников СССР. В 1957 г. Неизвестный исполняет статую, ставшую известной — «Мертвый солдат». Это лежащая фигура с почти истлевшим лицом, огромным отверстием в груди и застывшей, вытянутой вперед и все еще судорожно сжатой в кулак рукой — человека, последним жестом еще символизирующего борьбу, движение вперед. Далее он создает образы, резко отличные от привычной станковой скульптуры тех лет, — «Самоубийца» (1958), «Адам» (1962-63), «Усилие» (1962), «Механический человек» (1961-62), «Двухголовый гигант с яйцом» (1963). Скульптурные композиции Неизвестного, выражающие его экспрессию и мощную пластику, часто составлялись из частей человеческого тела. Он предпочитал создавать скульптуры в бронзе, но его монументальные скульптуры создавались из бетона. Наиболее известные монументальные произведения Неизвестного объединены в цикл, над которым Неизвестный работал с 1956 года. Лучшим произведением этого цикла является скульптура «Дерево Жизни».

За свои работы Неизвестный подвергся критике со стороны тогдашнего главы Советского Союза Н. С. Хрущёва, который в 1962 году на выставке назвал его скульптуры «дегенеративным искусством». Позже Эрнст Неизвестный создал надгробный памятник Н. С. Хрущёву (Новодевичье кладбище). С начала 60-х гг. и до своего отъезда из страны в 1976 г. он создал более 850 скульптур. Наиболее значительным произведением Неизвестного в советский период является «Прометей» во Всесоюзном пионерском лагере Артек (1966).

В 1976 году Неизвестный эмигрирует в Цюрих, Швейцария, а в 1977 г. переезжает в Нью-Йорк, США. В 1994 году создал статуетку ТЭФИ. В Уттерсберге (Швеция) существует музей скульптур Э. Неизвестного.

В конце 1990-х гг. Эрнст Неизвестный снова работает над памятниками в России. Он создал копию «Древа жизни» для установки в Москве, «Золотого ребенка» (Одесса), монумент шахтерам (Кемерово). В 1996 году скульптор закончил своё монументальное (высотой в 15 метров) произведение «Треугольник скорби» (Воркута - Свердловск - Магадан), посвященное жертвам репрессий в Советском Союзе. Центральным звеном должен был стать памятник в Свердловске. В основе его - две маски: Европа, смотрящая на Азию, и Азия, глядящая на Европу. Здесь же и их как бы контрмаски, олицетворяющие души - и души замученных, и, условно говоря, «дух Европы и Азии». Между ними - крест, и он же является решеткой, символизирующей ту тюрьму, в которой бился в прошлые годы свободный дух европейских и азиатских народов нашей страны. К сожалению, этот памятник, в отличие от воркутинского, до сих не поставлен, но началась подготовительная работа к его установке.

Одна из последних работ Эрнста Неизвестного — памятник Сергею Дягилеву, установленный в Перми.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации, Государственная премия Российской Федерации 1995 года присуждена «Неизвестному Эрнсту Иосифовичу, скульптору, — за серию скульптурных произведений из бронзы». Зарубежный почётный член Российской академии художеств.

В годы перестройки андеграунд на Урале вышел из подполья. В конце 1980-х - начале 1990-х гг. Свердловск претендовал даже на роль «третьей столицы» отечественного постмодернизма. Основани-

ем для этого служили выставки, на которых были показаны работы Валерия Гаврилова, Николая Федореева, Евгения Арбенева, Алексея Лебедева, Владимира Жукова, Виктора Гончарова, соцартистская экспозиция Музея комсомола Урала.

Крушение советской империи открыло перед искусством Урала огромные возможности. Современная культура Урала развивается в новом контексте. Падение железного занавеса, растущие международные контакты позволили уральским мастерам приобщиться к мировым художественным процессам. Отмена всех форм официальной цензуры и идеологической регламентации создала условия для свободы творчества, для формальных и содержательных открытий. Духовными открытиями последних лет стало творчество Александра Наседкина, Татьяны Баданиной, Сергея Брюханова, Игоря Вишни, Сергея Лаушкина, Олега Елового, Алены Азерной и других уральских художников. Перед искусством Урала стоит нелегкая задача совмещения вековых традиций и требований современности.

Вопросы:

1. К какому периоду относятся древнейшие памятники изобразительного искусства на Урале?
2. Что такое уральские писаницы?
3. В фондах каких музеев хранятся памятники древнеуральского изобразительного искусства лесостепных и лесных племен раннего железного века (Пермский звериный стиль)?
4. Каков возраст и размер Шигирского идола? Где он хранится?
5. В чем особенности «строгановской школы» иконописи? Где и кем создавались иконы этой школы?
6. В каких районах Урала бытовала икона Невьянской школы? Назовите имена известных невянских иконописцев.
7. Кто считается родоначальником лакового дела на Урале?
8. Какое изделие считается вершиной искусства каслинских мастеров художественного литья? В каком из уральских музеев оно хранится?
9. Когда возникло бронзолитейное дело на Урале? Назовите имена выдающихся уральских мастеров бронзолитейного искусства.
10. Какой из уральских заводов выпускал украшенное холодное оружие? Назовите имена мастеров гравюры на стали.
11. Когда была основана Екатеринбургская гранильная фабрика?
12. Какие произведения А.И.Корзухина хранятся в уральских музеях?

13. Какое училище стало первой профессиональной школой на Урале для подготовки художников? Когда оно открылось?
14. Назовите имя художника, ставшего первым организатором художественных выставок об Урале.
15. Кто стал лидером художественной жизни на Урале в 1919-1920 гг.? Сохранились ли в Екатеринбурге памятники монументальной пропаганды того периода?
16. Какому художнику принадлежит ведущее место в уральской пейзажной живописи 1920-1930-х гг.?
17. Когда начался творческий путь Г.С. Мосина? В фондах каких музеев хранятся его живописные произведения?
18. Какой из уральских художников известен как талантливый иллюстратор литературной классики средневековья?
19. Что вы знаете о скульпторе Э. Неизвестном?

Литература:

Авангардные направления в современном искусстве: история и современность. Сб. статей / Составитель и научный редактор И. Болотов. Екатеринбург, 1993.

Бадер О.Н. Капова пещера. М., 1965.

Дмитриев А.В., Максяшин А.С. Тагильская роза. История лакирного дела на Урале. Екатеринбург, 2000.

Мурзина И.Я., Мурзин А.Э. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры: учебное пособие для вузов. В 2 ч. Екатеринбург, 2006.

Невьянская икона. Екатеринбург, 1997.

Огоновская И.С. История Урала. Словарь – справочник. Екатеринбург, 2006.

Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975.

Павловский Б.В. Художники Свердловска. Л., 1960.

Серебренников Н.Н. Урал в изобразительном искусстве. Пермь, 1959.

Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

Художественный металл Урала XVIII-XX вв.: Материалы конференции. Екатеринбург, 1993.

Эрьзя С.Д. Альбом / Автор – составитель М.Н. Баранова. Изд. 2-е. Саранск, 1989.

ГЛАВА VII. АРХИТЕКТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

План:

1. Предмет архитектурного краеведения.
2. Процесс заселения и экономического освоения Урала как фактор возникновения архитектуры края.
3. Деревянное зодчество:
 - а) культовая архитектура;
 - б) усадьбы, жилые и хозяйственные постройки населения в XVII – начале XX вв.
4. Каменное зодчество XVIII – начала XX вв. Храмы и памятники гражданской архитектуры, их стилевое решение:
 - а) барокко;
 - б) классицизм;
 - в) «псевдорусский» стиль или эклектика; модерн.
5. Советская архитектура: этапы развития и стили:
 - а) конструктивизм;
 - б) неоклассицизм;
 - в) сталинский ампи́р;
 - г) международный стиль.

1. Архитектура (с греческого архи – главный, тектор - строитель) - предмет и результат эстетической деятельности человека, связанной с организацией комфортной среды его обитания средствами строительства.

Архитектуру часто называют застывшей музыкой, поэмой в камне. Сравнивают ее также с каменной книгой. Сооружения прошлого – это свидетели прошедших эпох, своеобразная деревянная и каменная летопись. Листая ее страницы можно прочесть всю мировую историю, историю страны, региона, отдельного населенного пункта. От всех видов искусств архитектура отличается тем, что это искусство не изобразительное, а созидательное. Архитектура создает жизненную среду, «вторую природу», творения мастера переживают его самого, служат не одному поколению потомков. Поэтому краеведы больше всего имеют дело именно с архитектурными памятниками.

Памятники архитектуры – это произведения строительного искусства. Они отражают в своей конструкции и декоративном оформлении определенный исторический этап, развитие материального производства, социально-экономические отношения, эстетические

воззрения той эпохи, к которой относится их создание. Памятники архитектуры являются важными источниками познания прошлого: они позволяют лучше понять закономерности исторического развития, более глубоко изучить родной край, имеют огромное значение в воспитании молодежи. Именно поэтому архитектурные памятники занимают существенное место в историко-краеведческой работе, являются предметом архитектурного краеведения.

2. Возникновение архитектуры на Урале связано с колонизацией региона русскими и проникновением русской строительной культуры.

Истоки высокого искусства народной архитектуры следует искать в постройках первобытного общества. Раскопки поселений культур эпохи железа позволяют сделать вывод, что в течение VII в. до н. э. и до XVI в. н. э. идет эволюционный процесс создания оптимального типа жилища, архитектурно-конструктивной основой которого был прямоугольный бревенчатый сруб. В X—XVI вв. были созданы жилые и хозяйственные постройки, ставшие впоследствии характерными для народного зодчества удмуртов — это «куа» (шалаш), «кенос» (амбар) и «корка» (изба). Куа - древний тип жилища — сооружалась из веток и коры деревьев. Впоследствии куа рубилась из бревен («кор»). Соединение слов «куа» и «кор» дало новое название «коркуа» (бревенчатый шалаш) или сокращенно «корка» (изба). Куа как жилище было вытеснено коркой, оставив за собой название постройки, где совершались языческие обряды. Семейные куа («покчи куа») строились на каждой усадьбе. Большие куа («бадзым куа») возводились вблизи селения в священной роще («луд»). Архитектура удмуртской избы испытала большое влияние русского деревянного зодчества. Со временем корка из однокамерного переходит в трехкамерное жилище — этот наиболее устойчивый вид планировки изб на Северном и Среднем Урале. Изба состоит из двух клетей, между которыми находятся сени. Существовал и резко отличный тип жилища — двухэтажная корка. Первый этаж — это кухня и горница одновременно, а спальня устраивалась на втором этаже. Соединение между этажами — по открытой лестнице крутого подъема через лаз в перекрытии. Оригинальной архитектурой отличается хозяйственно-жилое строение удмуртской усадьбы — кенос. Кенос — это двухэтажное сооружение, нижний этаж которого занят кладовыми, а верхний делится на несколько отдельных помещений, используемых как летнее жилье.

Многофункциональность строения привела к тому, что кенос имел композиционно много различных типов: одинарный и двойной, одно- и двухэтажный, на столбах и со сплошными стенами на первом этаже. Русские возводили постройки, заимствуя привычные для Севера типы изб. Используя приемы зодчества коми-пермяков и более совершенные конструкции северных зданий, уральские плотники создали новые типы жилищ. При сохранении традиционной объемно-планировочной структуры и конструктивных элементов это творческая интерпретация архитектурно-конструктивных форм жилища Севера в условиях Урала. Необходимо, в частности, указать на существенные отличия уральского жилища от северных построек — дом значительно меньшего размера, у изб нет светелок и высоких подклетов (вместо подклета подполье). Наличники, причелины, крыльца, ставни, ворота и карнизы лишены декоративного убранства. Разновидность северной избы, построенной «брусом», распространилась по всей территории Урала.

Русские поселения появились сначала по главным рекам Предуралья и Северного Урала, а затем по их притокам, постепенно опускаясь на юго-восток Урала, и только потом распространились по горной части Урала. Раннюю русскую культуру, приемы строительства и типы жилища привнесли с собой на север Предуралья переселенцы из Новгорода и северных земель, где с древних времен мастера считались искусниками и вызывались в Москву, а затем в Петербург для «государственных дел». В архитектуре края нашли отражение также элементы строительной традиции центральных районов Московского государства и Поволжья, привнесенные переселенцами «за камень». Русские возводили постройки, заимствуя некоторые приемы зодчества коренных жителей, в частности, коми-пермяков и удмуртов. Таким образом, используя опыт многих народов, уральские плотники создали новые типы жилищ: при сохранении традиционной объемно-планировочной структуры и конструктивных элементов - это творческая интерпретация архитектурно-конструктивных форм жилища Севера в условиях Урала.

Активная колонизация края требовала создания укрепленных пунктов — крепостей и острогов. Первые военно-оборонительные поселения строили новгородцы для сбора дани с местного населения в северном Приуралье. В летописях упоминаются г. Хлынов (Вятка) и г. Анфаловск. В 1430 г. был основан Соликамск. Вместе с ним старейшим уральским городом является Чердынь, существовавший уже

в XV в. В начале XVI в. началась организованная колонизация Урала, опорными пунктами которой являлись «государевы остроги», с центром сначала в Покче, а с 1535 г. – в Чердыни. В сеть острогов вошли Канкор, Орел – городок, Очерский.

Вдоль Камы для защиты торговых путей была выведена другая цепь оборонительных поселений: Уфа, Сарапул, Бирская крепость. Путь в Сибирь охранял Верхне-Тагильский городок, крепости Лодьва, Верхотурская, Туринская. В XVII в. идет активное освоение Зауралья. Здесь возводятся Невьянская, Тагильская, Ирбитская, Пышминская, Белоярская крепости, Катайский, Челябинский, Шадринский остроги и другие укрепленные поселения.

Крепости и остроги вплоть до XVII в. возводились по традициям зодчества на возвышенных местах в точке слияния рек. Они имели неправильную конфигурацию, обносились деревянными стенами с башнями по углам и в местах въездов. Ряд крепостей и острогов в месте пересечения торговых путей имели посады с кварталами купцов и ремесленников и позже переросли в первые уральские города Вятку, Чердынь, Верхотурье, Кунгур, Ирбит и т.п.

До наших дней деревянные крепости из сооружений на Урале не сохранилось, по летописным источникам и некоторым схематичным рисункам и гравюрам можно предположить, что они были такие же, как и в Европейской России. По древним уральским описям крепости состояли из осторожных или городских стен, проезжих башен с воротами, глухих и наугольных башен. Башни были в основном четырехугольные, увенчанные остроконечной шатровой кровлей. О размерах башен деревянной крепости можно судить по описи 1687 г.

В Верхотурье крепостная стена была высотой 7 саженей (14,9 м), шириной 3 (6,4 м). Главная четырехугольная Николаевская проезжая башня с воротами была 2,6 м высотой, 8,5 м шириной. Крепость имела значительные по тем временам размеры и грозный вид. Подчиняя себе по величине и выразительности жилую застройку, крепость удачно вписывалась в окружающую суровую уральскую природу и производила сильнейшее художественное впечатление. На всех гравюрах древних городов на первом плане крепость – основа любого значительного поселения.

Крепости XVIII в. строились с учетом европейских традиций, имели регулярную геометрическую планировку по всем правилам фортификационного искусства. Посад многих из них имел регулярный план.

Проникновение христианства на Урал сопровождалось строительством монастырей: Пыскорский – Преображенский, Николаевский в Верхотурье, Долматов и др. Монастыри Урала также возводились по традициям оборонного зодчества центральной части страны, постепенно перестраивались в камне, занимая видное место в городской застройке.

Оборонительная роль поселений Урала к концу XVIII в. была исчерпана. Однако этот период положил сильный отпечаток на выразительность планировки и застройки административно-торговых городов региона, оставив такие замечательные произведения архитектуры как Верхотурский кремль, Долматов монастырь, Оренбургская крепость, возведенные в лучших традициях русского зодчества.

3. Высокое искусство мастеров-плотников и народное представление о прекрасном нашли свое выражение в памятниках деревянной архитектуры с глубокой древности распространенной на Руси. На Урале же дерево служило до конца XVII в. единственным строительным материалом.

3.1. Культовая архитектура

При изучении памятников архитектуры особого внимания заслуживает культовая деревянная архитектура.

В XIV в. земли, на которых жили коми, перешли под власть Московского государства. Древние города Урала (Чердынь, Соликамск, Уфа, Верхотурье, Усолье и Кунгур) формировались по-разному. Чердынь, Верхотурье, Уфа и Кунгур возникли и развивались как торгово-ремесленные, военно-административные и религиозные центры, а Соликамск и Усолье — как поселения при соляных промыслах. Здесь распространяется христианство, появляются первые церковные здания. Преобладающим типом церквей был клетский, что связано с привычками и нравами местного населения. Облик такой церкви близок избе, своими небольшими размерами она также напоминала жилье. В XVII в. в крупнейших монастырях Прикамья — Чердынском, Иоанно-Богословском и Пыскорском возможно, появляются единичные каменные храмы.

Уникальным памятником деревянного зодчества является церковь в селе Пянтег Чердынского района Пермской области. Ее шестистенный сруб (шестерик) крайне редок для культовых построек, зато постоянно встречается в крепостном зодчестве. К тому же в верхней

части сруба есть следы примыкания открытой галереи – площадки. Вполне вероятно, что это бывшая крепостная башня. В XVII в. ее откуда-то перенесли в село и, прирубив алтарь, сделали храмом. Нынешняя пологая кровля церкви с миниатюрной главкой – поздняя. Вместо нее на башне могла быть дозорная вышка, а когда башня стала церковью, – шатер. Интересны волоковые окна, напоминающие о глубокой древности.

Из деревянных церквей самой распространенной была клетская церковь, своим обликом и размерами напоминающая клеть избы. Обычно ее высокая круглая двускатная крыша, завершенная главой с крестом, выделялась среди других построек. Из числа уцелевших древнейшими является церковь в селе Монастырь Тайнского района Пермской области, построена в 1614 г., и Дмитриевская церковь в Верхотурье, построенная около 1640 г., и возобновленная в 1760 г., церковь в деревне Тохтарева Суксунского района – 1694 г.

Колокольни были отдельно стоящими. Они представляли собой граненые срубы-башни, наверху которых устраивались звонницы. Такая колокольня сохранилась в селе Сыра Суксунского района. В селе Верх-Язьва Красновишерского района колокольня рублена двумя восьмериками одна на другой, выше расположен ярус звона с шатром на столбах. Таких колоколен, остатков XVII и прошлого века довольно много – это просто шестиугольные срубы, в верхней части их прорублены окна и висят колокола, плоская крыша свешивается концами из-за сруба, все это увенчано низкой башенкой и плавной, нередко покрытой муравленой черепицей.

Своеобразным уникальным памятником древнего деревянного зодчества Урала является Преображенская церковь из села Янидор Чердынского района Пермской области (1707 г.). Она переведена в архитектурно-этнографический музей «Хохловка» под Пермью (Янидор в переводе с коми-пермяцкого «божий край» или «божья страна»). Композиция ее довольно обычна: вытянутые по одной оси храмовый четверик с пятистенной апсидой, трапезная, притвор. Однако двускатная кровля четверика завершена не просто главкой, как у большинства таких же северных и среднерусских церквей, а «крещатой» бочкой. В эту бочку и врублена маковица. Особенно хорош силуэт памятника с восточной стороны, ибо алтарная бочка также венчается главкой. Уникальным памятником деревянного зодчества является церковь в с. Пянтег (Чердынский р-н Пермской обл.), датируемая последними археологическими исследованиями началом XVIII в.

Она рублена «шестериком», начинающимся от земли и имевшим шатровое завершение. Высказывалось предположение, что по первоначальному назначению это крепостная башня, перенесенная на другое место и превращенная в храм.

3.2. Важное место в изучении архитектуры края имеет архитектура жилищ поселения.

Типы и формы поселений

Сеть русских поселений, составившая основу современной системы расселения, складывалась в течение пяти столетий. Переселенцы принесли с собой на Урал традиционные типы и формы поселений на Среднем Урале.

Существуют разные виды классификаций поселений.

Если в основу классификации поселений положить историко-культурный фактор, то можно выделить следующие их типы: слободы и остроги (крупные укрепленные населенные пункты, административные и приходские центры), погосты (церкви и при них крестьянские дворы) села, деревни, починки, выселки, хутора. С развитием новой металлургической промышленности в XVIII в. создавалась огромная сеть поселений в горной части Урала, при этом появился совершенно новый для Урала тип поселений, связанный с заводом – заводской поселок.

На берегах Нейвы, Ниццы, Режа, Пышмы и Исети сложились крупные земледельческие поселения – слободы: Ирбитская, Камышловская, Белоярская и другие, около которых возникали села и деревни. В отличие от слободы центральной России, обычно небольшого поселения лиц одной профессии, на Урале слобода имела административно-оборонительную функцию. Так, Белоярская слобода в конце XVIII в. представляла собой крепость, окруженную глубоким рвом, валом, надолбами и деревянной стеной. Кроме собственно слободы в нее входило 18 деревень и одно село.

В 40-60-х гг. XVIII в. слободы, остроги и погосты в большинстве своем были переведены в села. В XIX в. в официальных переписях погосты перестали упоминаться, в данных переписи 1869 г. остроги также не упоминались. При этом уже во второй половине XVIII в. во многих слободах отсутствовали оборонительные укрепления, так как отпала надобность в обороне.

С самого начала русской колонизации возникла и такая форма поселения, как починок – отдельное поселение семьи или нескольких семей близких родственников (не более 5-7 дворов). Из починков час-

то образовывались деревни. В условиях подворно-наследственного землепользования при свободном захватном праве деревня могла возникнуть где угодно, при уравнильно-передельном землепользовании – лишь на земле, принадлежащей крестьянам на правах пая. На Среднем Урале в 1869 г. насчитывалось 1108 починков (12% поселений), 7315 (79,26%) деревень.

Выселки появились в первой половине XIX в. в тех районах, где были введены земельные переделы. Происходило отселение отдельных семей на новые земли – на участки, отводимые не общиной, а уездной администрацией (крестьяне покупали или арендовали эти участки у казны). В отличие от починков возникновение выселков строго регламентировалось уездной администрацией. Многодворные выселки записывались деревнями.

Село как тип поселения появилось на Среднем Урале в конце XVII в. В XIX – начале XX вв. села возникали на основе крупных деревень. В отличие от центральной России, где селом называли место – центр поместий (вотчин), на Среднем Урале села являлись крестьянскими селениями, а не местами проживания вотчинников.

Села унаследовали функции погостов – являлись центрами округи – волости и центрами церковных приходов. Там находились волостные торговые и ремесленные заведения, образовательные учреждения. Почти во всех селах проходили ярмарки.

Хутора возникли в начале XX в. в период столыпинской аграрной реформы в Оханском, Осинском, Верхотурском уездах на землях, освоенных заново. Их создавали крестьяне, приехавшие семьями из западных губерний России.

Починки, выселки, хутора сохранялись до 1930-х гг.

Заводские поселения XVIII в. в большинстве своем имели центрическое построение. Завод как единственное место приложения труда для основной части населения занимал центральное положение в плане поселения. Организующим элементом были завод с предзаводской площадью, на котором формировался общественный центр, состоявший, как правило, из конторы заводоуправления, дома заводоладельца, магазинов и культовых построек.

В поселках на берегах прудов располагались усадьбы, разбивались парки. Благоустроенные плотины, набережные, предзаводские площади, раскрытые на пруд, использовались для гуляний. Заводская плотина была не только главным гидротехническим сооружением, но выполняла роль важного планировочного элемента, соединявшего

жилую застройку с предзаводской площадью и заводом. Через плотину проходила дорога, связывавшая население с близлежащими местами разработки разных месторождений, с другими заводами. В пределах застройки дорога формировалась как главная улица поселения.

Таким образом, уже в начале XVIII в. сформировались основные приемы построения заводских поселений Урала, которые позднее превратились в города.

В XVIII-XIX вв. на Урале были распространены четыре формы застройки поселений: свободная (беспорядочная), замкнутая, рядовая, уличная или улично-квартальная, смешанная.

Свободная застройка. Для старинных малодворных селений возникавших на Урале в XIII-XIV в. по берегам, рек, ручьев, озер и грунтовых дорог, типична «свободная» постановка дворов, принадлежавших нескольким родственным семьям (1, 2, 3 двора). В этом приеме застройки не было ярко выраженного центра и главной улицы. Постепенный рост деревни шел от основного ядра – группы усадеб первых поселенцев. Беспорядочная застройка были вызвана целым рядом функциональных и художественных задач. В них нет строгой системы расположения порядка изб. Среди болот на обширном возвышенном участке лес уступил место свободно раскинувшимся усадьбам. Огороды между избами придают застройке живописность. В кажущемся беспорядке избы строго ориентированы окнами на восток. Усадьбы размещались, сообразуясь с конкретными природными условиями: особенностями рельефа местности, удобствами положения по отношению к водоему, угольям, массиву леса, ориентации на солнце, а также с традицией проветривания, изоляцией от шума и пыли. Примером такой застройки селений можно отнести старинные деревни Малый и Большой Сим Соликамского района.

Периметральная (замкнутая) застройка. Группируясь дворами вокруг озер, прудов, «святых» источников, застройка селений иногда приобретала замкнутый, периметральный характер. Такой же замкнутый кольцевой прием некоторые застройки получали вокруг площадей различного назначения – общественной с церковью или торговой – ярмарочной. Застройка имела круглую, овальную, ломаную или какую-либо другую форму с прогонами между усадьбами.

В этой группе селений следует отнести д. Арамашево Коптеловского района. Интересы крестьянского «мира» отразились в застройке основной и более старой части деревни. Она состоит из старинных изб с усадьбами, плотно окружающими стоящую на бугре

группу больших амбаров с огромными тесовыми крышами. Все избы окнами выходят на амбары – они всегда «на глазах». С течением времени появилась дальнейшая застройка – вдоль дороги, получившая линейный характер.

С развитием транспортных путей распространение получает рядовая застройка или линейное расположение домов вдоль путей. Уже в XVIII в. она становится на Урале преобладающей. Поэтому к настоящему времени план замкнутой формы сохранился лишь в немногих селениях, удаленных от трактов и областных центров, или кое-где угадывается в старой части застройки разросшихся или перестроенных селений.

Рядовая застройка. Характерные особенности распространенных на Урале прибрежных и придорожных селений с рядовой застройкой жилища позволяют разделить такую застройку на 2 самостоятельных подтипа: прибрежно-рядовую, расположенную вдоль рек и озер, с однорядной или многорядной застройкой, повторяющей криволинейные плавные изгибы берега и широко раскрытыми в сторону воды проулками, прогонами и незастроенными участками; придорожно рядовую, идущую вдоль сложившихся сухопутных дорог и трактов, с двусторонней застройкой дороги-улицы, обращенными друг к другу фасадами домов.

В прибрежных селениях рядовой застройки можно выделить две доминирующие и четкие планировочные разновидности: дома обращены окнами к воде и огородами к воде. В селении Таватуй Невьянского района, расположенного у большого озера с мягким пологим берегом, имеются оба варианта линейной застройки.

У селений, возникших вдоль дорог, избы главными фасадами и окнами ориентированы на дорогу. Застройка, как правило, двусторонняя. Множество таких селений сложилось вдоль Сибирского тракта – Платонино, Крыласово, Жилино, Брехова и другие.

Регулярная застройка. Характерные особенности регулярной застройки и большая распространенность на Урале позволяют выделить ее в отдельный подтип. Поселения, застроенные по намеченному плану с обязательной прямой улицей, появились в XVIII в. после издания Сенатом указа Петра I от 7 августа 1722 г. о строении крестьянских дворов по установленному чертежу. Им был узаконен линейный характер планировки с организацией двусторонней застройки улицы вдоль дороги. В основном таким типом застройки характеризовались заводские поселки (Симский завод, Верх-Нейвинский завод).

Несмотря на изменение планировки, стихийно и официально проникавшее в крестьянскую среду, сельское население на Урале сохранило до наших дней сложившуюся на традиционной основе культуру поселений.

Строительная культура русского народа занимает особое место среди материальных и духовных ценностей, создаваемых веками. Народное зодчество практически до XX века было деревянным. Крестьяне таежных районов Северного и Среднего Урала предпочитали использовать для строительства хвойный лес: на севере – ель, южнее – сосну, в Зауралье – сосну и кедр. Развитие горно-заводского производства, потреблявшего древесный уголь в качестве одного из основных источников энергии, привело к истощению запасов строевого леса, поэтому нередко уже в конце XIX в. жилые и хозяйственные постройки возводились из березы. Однако сосновый сруб мог простоять до двухсот лет, в то время как березовый сгнивал в течение двадцати.

Первые три венца сруба, черепной венец избы, поддерживавший крышу, желобы – водостоки, охлупень, воротные столбы бани и погреба старались делать из лиственницы, так как она устойчива к сырости. Делали сруб, настилали пол и потолок из сосновых бревен – они считались более «теплыми». Бревна соединялись в обло (чашу, гнездо), при котором концы бревен выступали за плоскости стен, что не допускало их промерзания. В пазы венцов клали мох от сквозняков. Обычно нижний венец клали на врытые в землю стойки или большие камни; кирпичные фундаменты на Урале появились в XIX в. В конце XIX – начале XX вв. крестьяне Среднего Урала в большом количестве сооружали каменные и кирпичные «кладовые» с железными дверями и крышами. Но дома продолжали строить из дерева на каменном фундаменте, объясняя это тем, что дерево «теплее» камня.

Типы жилищ. Для традиционного крестьянского жилища были характерны срубные стены и соединение отдельных небольших срубов (избы, сеней, клетки) в одно конструктивное целое. Для Урала, как и для других регионов России, были свойственны свои архитектурные формы деревянных построек. В крае можно выделить четыре основных типа жилищ: двухкамерное (изба, сени), трехкамерная связь (изба, сени, клеть или вторая изба), пятистенник, крестовик.

Четырехстенная изба. Капитальные четырехстенные избы на Урале распространены с сенями и без сеней. Избы без сеней встречаются в наиболее старинных деревнях, приисках, заводских поселках и

на окраинах первых городов-заводов. Стремление крестьянина к сохранению тепла в избе, особенно в северных регионах России, выразилось в устройстве, в жилище прируба-сеней. На Среднем Урале характерной чертой было то, что сени делали большие – широкие, светлые, с окном. В сенях ткали и выполняли другие домашние работы.

Четырехстенный тип дома в XVIII-XIX вв. был чрезвычайно распространен в Н. Тагиле. Дело в том, что при переводе крестьян на заводы из разных губерний, для них заранее рубили дома. В других частях Урала со временем четырехстенок стал жилищем для беднейшей части жителей.

Изба со связью. Пристройка клетки к четырехстенной избе дала тип жилища с трехчастной планировкой, состоявшей из избы, сеней и клетки. Часто в прирубаемой клетки ставилась печь, и жилище получало две избы - переднюю и заднюю. Соединенные сквозными сенями, помещения располагались по продольной оси и крылись двускатными крышами, получался единый объем дома. Жилище типа трехкамерной связи было с XVII в. широко распространено в регионе, а в XIX – начале XX вв. на Среднем Урале являлось преобладающим. Этому варианту жилища типологически близки и служебные постройки (приказные и таможенные избы, воеводские канцелярии) в городах, слободах, острожках. Например, по этой схеме возведен в 1688 г. дом воеводы в г. Соликамске, сохранившийся до наших дней. Дома трехчастной структуры можно увидеть в Верхотурье, Алапаевске, Невьянске, Полевском, Очере.

Клетки чаще всего были двухэтажными: в нижнем хранились в сусеках мука, крупа и т.п.; в верхнем помещалось имущество поценнее: ящики и коробья с зимней и летней одеждой; здесь же хранили овчины, мясо, рыбу и т.д. Во второй половине XIX в. клеть постепенно превращалась во второе жилое помещение – избу или горницу. Это было связано с распадом неразделенной семьи.

В XIX в. на Урале появляются новые типы жилых построек: пятистенки и крестовики.

Пятистенок состоял из сруба, разделенного пятой рубленой поперечной стеной на двухкамерное помещение – избу и горницу. Сени пристраивались вдоль одной стены, и из них можно было пройти в оба помещения. Главный фасад пятистенки в процессе развития сложился со множеством окон. Эти дома поставлены широкой, главной стороной на улицу.

Более удобным жилищем являлся крестовик – круглый дом. Изба разделялась на четыре комнаты двумя крестообразными капитальными стенами. Крестовики у богатых крестьян стали распространяться в конце XIX – начале XX вв. Дом включал прихожую, кухню с русской печью и две горницы, отапливавшиеся голландками.

Эти типы жилищ особенно распространились под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений: жилая площадь увеличивалась за счет пристройки прирубов и новых этажей дома.

Типы усадеб. На крестьянской усадьбе помимо жилых строений находились и хозяйственные постройки. Постройки, имевшие наибольшее значение в быту, пристраивались непосредственно к избе и образовывали в комплексе с ней двор или усадьбу.

На Урале встречались разные типы связи дома и двора: одно-, двух-, трех-, четырехрядные и покоеобразные. В северных уездах хозяйственные постройки обычно были двухэтажными: например, теплый хлев для скота внизу и место для хранения сена и хозяйственного инвентаря сверху, на повети. Наиболее древний тип – однорядная застройка, распространенная по всему Уралу. При этой застройке дом и двор располагались по одной линии и покрывались либо общей крышей, либо (с середины XIX в.) – раздельными. Для северного Прикамья были характерны Т-образные застройки – разновидность однорядных усадеб, в которых за домом, вытянутым вдоль улицы, находился двор меньшей длины с собственной двухскатной крышей.

В двухрядных усадьбах («на два коня») одну сторону занимало жилище, другую – двухъярусный двор. Эта застройка получила широкое распространение в северных уездах. Трехрядная застройка появилась в XIX в. Дворы ставились параллельно дому, но на значительном удалении от него, и образовавшееся пространство между ними превращалось в дополнительный хозяйственный двор. В Южном Приуралье (в Осинском, Кунгурском, Красноуфимском уездах) каждая часть усадьбы закрывалась отдельной крышей. В Екатеринбургском, Ирбитском, Камышловском, Шадринском уездах зажиточные крестьяне ставили дворы по обеим сторонам жилища, и усадьба также принимала вид «на три коня». В них иногда имелся промежуточный легкий двор. Если его закрывали двухскатной крышей, то вся усадьба выглядела «на четыре коня».

В конце XIX – начале XX вв. в Пермской губернии распространяется покоеобразная (замкнутая) застройка. Параллельно избе ставили амбар, хлев, конюшню, спереди между этими постройками – воро-

та, а сзади – постройку под навес. Оставшееся пространство закрывали на зиму односкатной постоянной крышей. Возвести добротную покоеобразную усадьбу было доступно лишь состоятельному хозяину.

Таким образом, на Среднем Урале преобладали усадьбы с компактным расположением жилых и хозяйственных построек и с крытым двором. В условиях сурового климата, длительных, снежных зим, затяжных дождей в них можно было работать, не выходя на улицу. Однако при продвижении на юг отмечается появление открытого двора, а иногда и разрозненно стоящих построек.

Конструктивные особенности жилищ. Дома русского населения в основном строились в традициях северно-среднерусского типа.

Известный собиратель и хранитель образцов народного зодчества и предметов крестьянского быта И.Д. Самойлов следующим образом описывает внутреннюю планировку крестьянской избы Среднего Урала конца XIX в.: «Особо следует сказать об архитектуре изб. Снаружи они кажутся небольшими, но внутри широки и просторны, рациональна их планировка. Здесь нет ничего лишнего, все продумано до мелочей. Вдоль стен идут широкие лавки, на которых могут разместиться человек тридцать. Условно избы разделены на три функциональные части. От двери идет подпарадный угол – прихожая, где раздеваются, оставляют верхнюю одежду, умываются, поят скотину из лохани. Верхний ярус этой части (справа от двери) – полати. Полати и печь предназначены для отдыха и сна. Здесь могут разместиться человек пятнадцать. Перед печью пространство отведено для кухни (середы), где размещается бытовая утварь, пекутся хлеба, готовится пища. Иногда кухня отделяется от избы цветастой ситцевой занавесью. Красный угол с пространством до полатей служит как бы столовой, а также местом для приема гостей, исполнения обрядов».

Как и везде в России, на Урале изба делилась на четко определенные зоны с глубоким внутренним функциональным и семиотическим смыслом. Передний (красный) угол был местом семейных молебний и наиболее важных обрядов. Здесь находилась божница с образом Иисуса Христа и иконами наиболее чтимых святых. Под божницей стоял обеденный стол на массивных ножках, соединенный почти лежащими на полу проногами. Верхняя часть стола закрывалась резными досками, закрепленными продольными брусками с длинными выступами, которым придавалась форма конских голов. Столешница из цельной доски украшалась солнечной розеткой. Резные конские голо-

вы и росписные солярные символы носили оберегательный характер, были направлены против злых сил. Стол окружали лавки.

Часть избы между устьем печи и передней стеной называлась на Среднем Урале середой. Она считалась женским углом и предназначалась для стряпни. В старообрядческих семьях в ней могли молиться женщины и дети. Из середи (кути) выходила невеста во время свадебных торжеств. Середой обычно отгораживалась от избы крашеной занавеской или завешивалась набойчатым занавесом, во второй половине XIX в. ее нередко отделяли дощатой переборкой.

Матица, разделявшая избу на передний угол с божницей и обеденным столом и внешний (задний) со входом в дом, играла важную роль в обрядах и представлениях крестьян. Под матицей происходили многие важные церемонии (сватовство, прощание перед дорогой и т.д.), за ней принимали дорогих гостей.

В XIX в. крестьяне стали украшать росписью внутреннюю часть дома – наиболее важные, «освященные предметы»: сени, избу, горницу, а в них – стены, простенки, потолки, двери, голбцы, полаты, заборки, грядки. Основу композиции составляли всевозможные растительные и зооморфные мотивы, бытовые сценки, исторические сюжеты. На западе региона росписью крестьянских домов занимались в основном вятские красильщики. В остальных регионах Урала работали главным образом тюменские (кармакские) мастера. Они обслуживали не только ближние районы Среднего Урала, но и добирались до Челябинска и других южно-уральских поселений. Заслуживает особого внимания связь росписи в интерьере и предметах быта. Уральская народная роспись крестьянских домов и предметов быта широко представлена в собрании Нижнесинячихинского музея – заповедника.

Уральские крестьяне достигали настоящего искусства в возведении своих домов. И. Завалишин в середине XIX в. писал на основе собственных наблюдений: «Таких прекрасных, светлых, обширных изб, с такой, можно сказать, изящной выделкой нигде в целой России нет, кроме разве Пермской и Вятской губерний. Бревна вытесаны и выструганы так гладко, пригнаны так хорошо, лес подобран так искусно, что в избе стены как бы сплошные, блестят и радужатся от перелива древесных струй. Полы и лавки – просто загляденье!»

В северных районах возводили высокие жилые постройки. Пол поднимали над землей до двух метров, а подклет и подполье использовали для хранения продуктов, а иногда как жилье или мастерские. Это было вызвано стремлением поднять жилое помещение повыше от

сырой и холодной почвы и снежных заносов, а также улучшить его естественную освещенность. На Среднем Урале дома строили в основном на низком подклете.

Самой распространенной была двускатная крыша-конем. На ранних постройках крыши крепились на самцах – треугольных бревенчатых фронтонах. Крепление досок крыши в домах по древнерусской традиции производилось без гвоздей. По слегам крыши укладывались курицы – еловые лесины вместе с куском корневища, загнутым наподобие естественного крюка. На эти крюки клались деревянные желоба с двух сторон крыши (водотоки, потоки), в них вправлялись концами доски кровли. Верхний конец досок кровли зажимался по гребню крыши охлупнем – длинным бревном с треугольной выемкой. Конец охлупня обычно представлял собой естественное корневище дерева, которому придавали разнообразные фигурные очертания. Выступающие торцы слег кровли часто зашивали досками, которые назывались причелины. На линии потолка снаружи иногда помещали длинную доску – подзор – прототип позднейшего карниза.

Для удаления дыма из курной (черной) избы ниже потолка прорубалось окно в стене, обращенной в сени. В сенях устраивали деревянную трубу, которая выходила наружу через кровлю и заканчивалась резным подымником.

С конца XVIII – начала XIX в. в Зауралье, а с середины XIX в. и на Урале распространяются «гвоздевые» стропильные двух-, трех- и четырехскатные (шатровые) крыши. Возникновение такой конструкции крыш связано с появлением у населения пилы и досок. Стропильные крыши покрывались «пиленным тесом», у богатых хозяев – железом. Особенно широко практиковалось покрытие крыши железом в горно-заводских поселках и ближайших к ним селах и деревнях, там же делали железные водосточные трубы. Крыши строились с большими свесами и глубокими фронтонами, защищавшими срубы от осадков. Прочность им придавали концы верхних венцов, выступающие за пределы плоскости торцевых стен.

Окна в домах на протяжении XVII-XIX вв. пережили сложную эволюцию. Округлость бревен вокруг оконного проема немного стесывали, но наружных обкладок такие окна еще не имели. Позднее появились волоковые со сдвижными внутренними ставнями – дверцами и колодные, обустроенные толстыми брусьями и рамой. С конца XIX в. чаще стали устраивать косячатые окна, то есть обрамленные

косяками. Их еще называли красными (красивыми). Окна обычно находились на двух стенах, которые соединялись в переднем углу.

Двери в домах были «однополыми» (одностворчатыми), состоялись из двух-трех толстых досок и скреплялись двумя брусками. Они крепились при помощи выступов, вставлявшихся в выемки порога и верхнего косяка, а при отсутствии последнего – в бревно сруба. Для лучшего вращения под нижний выступ («пята») подкладывали позвонок животного.

Существенной архитектурной деталью домов является крыльцо. На севере преобладали крыльцо на столбах и срубные, в остальные местах – на круглых или тесаных бревнах, уложенных в клетки – ряжи.

Дом на Урале украшался резьбой. Традиционные места украшений – наличники окон, подзоры, карнизы, охлупни. Обычно использовались или солярные символы, или зооморфные фигуры (коня, утки, петуха, лебедя, змеи-дракона). Солнечными символами украшали двери, ворота. Эта символика была связана с языческой магией, ее назначение – предохранять дом от проникновения злых духов внешнего мира.

Таким образом, Урал стал местом синтеза преимущественно поморских и среднерусских традиций народного деревянного зодчества. Разнообразие природных условий края, стремление переселенцев создать наиболее приемлемые для каждой местности поселения, жилые и хозяйственные постройки привели к творческому переосмыслению многовекового опыта, обусловили разнообразие используемых населением края строительных приемов и навыков.

Деревянное зодчество Урала не только содержит ряд самобытных черт. Оно существенно повлияло на каменное строительство.

4. Каменное зодчество на Урале отставало в своем развитии от общероссийской традиции. Ко времени возникновения каменного зодчества на Урале русская архитектура прошла большой путь. Однако в начале XVII в. наблюдается некоторый упадок в ее развитии, связанный с польско-шведской интервенцией и разрухой. В последующие десятилетия патриарх Никон запретил строить шатровые церкви, что вызвало широкое распространение «бесстолпных храмов». Большей частью это были небольшие храмы с одностворчатыми перекрытиями, чаще пятиглавые с ярусами кокошников и одним алтарем. Однако реформы и строгая церковная регламентация не могли воспре-

пятствовать развитию светского начала в зодчестве, что подтверждает архитектура Урала.

Каменное строительство на Урале началось по сравнению с центром и севером России очень поздно – лишь в 1670-1690 гг. На первых порах оно сосредоточилось в Соликамске и его окрестностях.

Первая каменная церковь была выстроена не в самом Соликамске, а в селе Верх-Боровая (20 километров от города), на средства солепромышленника И.И. Калиникова. Воздвиженская церковь (1678 г.) – небольшая, кубическая, одноглавая с полукруглой апсидой. Придел и колокольня пристроены несколько позднее. Фасадное убранство наряду с декоративными полукружиями – кокошниками – включает надпись славянскими буквами, сделанную под карнизами и на цоколе.

Затем была построена Преображенская церковь в одноименном Соликамском монастыре (1684-1690 гг.). Преображенская церковь имеет появившееся на Руси в XVII веке трехчастное построение: основной объем (храм), трапезная и паперть, над которой – низкая шатровая колокольня. Декор довольно скромный, по крайней мере, если сравнить со следующими соликамскими памятниками.

Главный храм Соликамска, один из шедевров не только уральского, но и всего древнерусского зодчества – Троицкий собор (1684-1697 гг.). Композиционная схема – бесстолпный четверик на подклете, опоясанный с трех сторон галереей, которая на восточной стороне заканчивается двумя приделами, три крыльца, ведущих в галерею имеет немало аналогов в Москве и Ярославле. С московской школой перекликается большинство фасадных украшений, особенно наличники.

Но на фасадах присутствуют и редкие декоративные мотивы. Прежде всего, пояс квадратно-ромбического орнамента. Подобный орнамент, чем-то сходный с древней новгородско-псковской архитектурой и северной вышивкой, прозван искусствоведами «жучком». В центре России он встречался в весьма немногих памятниках. Зато стал излюбленным на Урале, где будет применяться целое столетие.

Особо надо остановиться на крыльцах Троицкого собора. Столь сложных крылец не найти, пожалуй, по всей Руси. Помимо обычных по тем временам двойных арочек с гирьками, шатров, полихромных изразцов и т.п., они содержат много своеобразного, явно подсказанного деревом. Передняя часть северного крыльца покрыта не чем иным, как «крещатой» бочкой, встречавшейся нам на церкви в Янидоре. Столбы западного крыльца, хотя в них есть и мотивы каменной

архитектуры (поребрик, орнамент «жучок»), обработаны балясинами, словно выточенными из дерева.

Таким образом, Троицкий собор сочетает заимствованные черты московского зодчества со светским отпечатком деревянных форм. Это закономерно в местности, где веками строили только из дерева, ну а первые каменные здания возводились пришлыми мастерами, считавшимися, однако, со вкусами заказчиков.

Богоявленская церковь (1687-1695 гг.) состоит из холодного храма и отапливаемого придела для службы зимой. Придел в виде особой маленькой церковки вносит живописную ассиметрию. По части декора Богоявленский храм может соперничать с Троицким собором. Тут и широкий изразцовый фриз и лента «жучка», и опять-таки навешанные деревянной резьбой балясины. Шатровое завершение колокольни было в XVIII веке заменено высокой столпообразной надстройкой.

Монументальность и красочность архитектурных форм, выдающиеся конструктивные достоинства выдвигают ансамбль Соликамска в один ряд с ансамблями Владимира и Суздаля, Великого Устюга и Вологды.

На рубеже нового XVIII столетия каменное строительство на Урале распространяется шире. Толчок дало намерение правительства Петра I перестроить в камне общественные центры сибирских и уральских городов. Наряду с ростом объема каменного строительства меняется его стилистика. «Узорочье», свойственное первым каменным зданиям Соликамска, уступает место «московскому барокко».

В конце XVII в. наступил новый расцвет русской архитектуры. В это время с Запада в Россию проникает архитектурный стиль барокко. В XVII-XVIII вв. барокко (в переводе итальянского «странный, неправильный») распространяется из Италии во многие страны. Барокко – торжественный и пышный стиль дворцовых ансамблей, церквей и государственных зданий. Он характеризуется изогнутыми формами и линиями, обилием лепных или резных внешних и внутренних украшений, затейливыми завитками узоров, статуями, лепными виньетками и т.п. Раннее русское барокко называют еще нарышкинским барокко. Название происходит от рода бояр Нарышкиных, в имениях которых в этом стиле были построены несколько церквей, в частности, знаменитая Дубровицкая церковь, или храм Знамения в Дубровицах (1690-1704 гг.). Русские здания в стиле барокко обычно высокие в несколько ярусов церкви с легкими изящными контурами.

От первой трети XVIII в. дошли целые ансамбли уральского каменного зодчества. Обзор можно начать с Верхотурского кремля. Город Верхотурье был важным торгово-транзитным пунктом на пути в Сибирь.

Центральное положение занимает кремль, стоящий на высоком береговом утесе – Троицком камне. К востоку и юго-востоку от кремля находилась торговая площадь с таможней и гостиным двором. Заметную роль в пространственной композиции Верхотурья играют монастыри: мужской Николаевский (основан в 1604 г., поблизости от кремля) и женский Покровский (1621 г., вниз по Туре). Жилая застройка включала посад, некогда защищенный деревянной стеной, и две слободы – Ямскую и Заречную.

Каменный Верхотурский кремль сооружался по указу Петра I с 1698 по 1712 гг. Однако поспешность сооружения, конструктивные упрощения, а затем пожар 1738 г. и запустение – все это сделало кремль недолговечным. Уже к началу XIX в. он большей частью превратился в развалины. Первоначально кремль представлял собой неправильный четырехугольник, вмещавшийся в основном в пределах Троицкого камня. Ансамбль прекрасно вписывался в суровый уральский пейзаж. Оригинальная особенность: на некоторых участках взамен крепостных стен поставлены в ряд строения. Так, в восточную кремлевскую стену встроены Троицкий собор, который ориентирован перпендикулярно стене и выступает на площадь. Эта стена с двумя воротами по сторонам собора сохранилась до настоящего времени.

Троицкий собор выстроен в 1703-1710 гг. соликамскими каменщиками. Это лучшее произведение «московского барокко» на Урале. Однако он отнюдь не повторяет «нарышкинские» образцы. Не центрическая схема, а трехчастная с трапезной и колокольной. Основной объем решен как «восьмерик на четверик», но восьмерик – явление почти уникальное – увенчан пятиглавием. К тому же здесь нетрадиционное «крещатое» пятиглавие: четыре главы расположены по сторонам света. Они устроены на постаментах – люкарнах, врезанных в свод восьмерика. Дополненное ярусно-шатровой колокольной, такое пятиглавие придает собору неповторимый силуэт.

Не меньше самостоятельности и в оформлении фасадов. Прежде всего, применение ордера. Трехчетверные колонны закрепляют углы четверика и восьмерика, соответствуя высоте этих объемов. Следовательно, ордер не просто декоративен: за ним серьезная организующая роль. Ордерные элементы введены и в наличники: колонки,

несущие антаблемент. Завершение – два встречных завитка. Подобные наличники стали самыми популярными. Наконец, у Троицкого собора – богатый изразцовый декор: изразцы – розетки в антаблементах, «лепестки» при восьмиугольных верхних окнах четверика, желто-зеленые колонки баранов глав и т.д. Троицкий собор оказал большое воздействие на последующие уральские храмы и во многом определил специфику барокко на Урале.

В 1720-1740-е гг. в хозяйствах Демидовых в Невьянском заводе и Строгановых в Усолье также велось каменное строительство. В Невьянском заводе годы были выстроены каменные, так называемые демидовские хоромы, которые включали господский дом, главную заводскую контору, горницу, хлебные амбары, склады и небольшой сад.

Знаменитая Невьянская наклонная башня (1725-1732 гг.), композиционно выдержана в традициях древнерусских ярусных башен и колоколен. Она отличается лаконизмом и суровостью облика, широким использованием металла: дверные и оконные коробки отлиты из чугуна, восьмерики обведены чугунными балконами, обшивка шатра, венчающая башню, была из красной меди. По функции башня была, скорее всего, дозорной вышкой. Полагают также, что Демидовы возвели ее из престижных соображений как некий памятник самим себе. Наклонилась, видимо, еще в процессе сооружения.

Ансамбль Строгановских построек в Усолье (1724-1731 гг.) интересен прежде всего каменными хорами, в которых впервые на Урале использован анфиладный принцип планировки. Ансамбль состоит из хором, Спасо-Преображенского собора и отдельно стоящей колокольни. Строгановские хоромы по традиции возведены на подклете. Однако планировка второго этажа – новая, анфиладная. Это сближает хоромы с дворцовыми зданиями петровского времени. Усольский Спасо-Преображенский собор композиционно близок к известной строгановской церкви в Нижнем Новгороде, однако в декоре этого памятника прослеживаются типично уральские черты, в частности, замена белокаменной резьбы фигурным кирпичом. Соборная колокольня имеет восьмигранную столпообразную форму. Такие колокольни постоянно встречаются при местных храмах XVIII в.

Гражданских зданий в этот период еще очень немного. Среди них воеводский дом в Кунгуре, контора сысертского завода и др.

В этот период на Урале разрабатывается тип двухэтажного храма, вместо строившихся ранее отдельных летней и зимней церквей

или холодного храма с теплым приделом. Первый, отапливаемый этаж отводится для службы зимой, второй – летом. При обоих этажах – трапезные. Кроме собора Долматова Монастыря к этому типу относятся Иоанно-Богословская церковь в Чердыни (1718), церковь Иоанна Предтечи в пригороде Соликамска – Красном Селе (1721 – окончена в 1770-е гг.). Здесь благодаря пристроенной с запада колокольне, двухэтажный храм обретает законченность, вид корабля. Красносельская церковь обладает обильным и сочным декором, в частности, группами «завитковых» наличников.

Имея одинаковые объемно-планировочные композиции (храм-трапезная-колокольня), местные культовые постройки различаются преимущественно по характеру завершения – большой восьмерик, малый восьмерик, пятиглавие и т.д. К числу церквей с большим (широким) восьмериком относятся Покровская в Верхотурье (1744-1753), Старозлатоустовская в Екатеринбурге (1755-1768), Спасо-Преображенская в с. Каширино Кунгурского района Пермской области (1745).

Завершение в виде малого восьмерика появилось на Урале под влиянием соседних областей северо-востока России – Устюга и Вятки. Оно представлено такими памятниками как церкви в селах Комарово (1761-1783), Филипповское (1772) Кунгурского района и др.

Характерной особенностью уральской культовой архитектуры может считаться пятиглавие, которое в тот период также решается на ярусной основе. Центральный малый восьмерик дополняется четырьмя главами на постаментах, располагающихся либо по углам (Воскресенский собор в Чердыни (1750-1754), либо по сторонам света, т.е. «крещатое» пятиглавие. Походяшинские храмы – Введенский собор в Богословском (ныне Карпинск, 1767-1776) и Петропавловская церковь в Петропавловском (Североуральск, 1767-1798), сооруженные на средства М.М. Походяшина – верхотурского купца и заводчика, принадлежат к шедеврам уральского барокко.

Таким образом, наличие устойчивых композиционных и декоративных приемов указывает на существование на Урале самобытной региональной школы барочного зодчества. При этом необходимо учитывать следование местной архитектуры древнерусским в своей основе традициям и отставание в стилевом отношении от центра России. Новые столичные влияния проникали с большим опозданием. Когда в столицах барокко сменилось классицизмом, уральские храмы еще долго оставались барочными. Даже в конце XVIII в. встречаются,

самое большое, переходные от барокко к классицизму формы (Николаевская церковь в с. Быньги (1789-1797) Алапаевского района, сооруженная по заказу заводчика П.С. Яковлева).

Во второй половине XVIII в. - в «век просвещения» в России, как и во многих европейских странах, распространяется новый архитектурный стиль – классицизм. Классицизм подобно архитектуре эпохи Возрождения, возвращается к пяти античным ордерам (дорический, ионический, коринфский, сложный, тосканский). В классическом стиле четко выдерживается принцип строгой соразмерности частей. Вновь возрождаются мраморные белоснежные портики и храмы античного вида. Строгие геометрические формы, безупречная композиция, выдержанные пропорции здания – вот отличительные признаки классицизма в архитектуре.

Прикамье в первое десятилетие XIX в. постепенно насыщается постройками, в которых утверждается классицизм. С самого начала века в вотчинных центрах крупных землевладельцев – Строгановых, Голицыных, Всеволожских, Абамелек-Лазаревых, Шуваловых и др. – строятся, а чаще перестраиваются или проектируются церкви. Их схема – традиционный «корабль». Строительство каменных усадебных домов и других построек еще редкость. На этом фоне выделяется Усолье, вотчина Строгановых, уже в то время игравшее роль не только экономического, но и культурного центра всего северного Прикамья. Здесь появляются хотя и немногочисленные, но с совершенно определенной классической стилистикой гражданские постройки, среди которых господский дом, училище, провиантский магазин (все 1810 г.), положившие начало целой серии проектов подобных сооружений последующего периода. На юге Прикамья к концу периода появляется целый ряд дворцов заводчиков и купцов. В Екатеринбурге – это дома Рязанова, Казанцева, Расторгуева (1794-1809 гг.). В каждом воедино соединились традиционные и новые формы. Особое место среди них занимает дом Расторгуева, положивший начало целому усадебно-дворцовому комплексу. Именно в этой постройке впервые обнаруживаются черты, которые в дальнейшем определяют своеобразие екатеринбургской архитектурной школы.

Самый яркий и емкий период развития архитектуры классицизма охватывает вторую четверть XIX в. Ведущим центром в формировании архитектуры классицизма на Урале становится Екатеринбург со связанными с ним экономически и географически городами-заводами.

Фактором, сыгравшим немаловажную роль в этом процессе, оказалась интенсивная и плодотворная деятельность М.П. Малахова, приехавшего в 1806 г. на работу в Екатеринбург в качестве архитектора Екатеринбургского завода, а с 1832 г. ставшего главным архитектором Горного правления. Среди наиболее значительных его работ можно назвать завершённый им дворцово-усадебный комплекс Рас-торугева-Харитонов, ансамбль административных, производственных и других сооружений Верх-Исетского завода, Новотихвинский женский монастырь, основанный в 1805 г., строившийся в несколько этапов.

Кроме уже отмеченных построек М.П. Малаховым в Екатеринбурге были возведены собственный дом, аптека горного ведомства, «Большой» и «Малый» дома Рязановых, дом главного горного начальника. В 1833-1836 гг. им было реконструировано здание главной конторы горных заводов, надстроенное и украшенное двумя коринфскими портиками на аркадах. В конце 30-х – 40-х гг. по проектам Малахова строятся съезжий (или «частный») дом с мощной дозорной пожарной башней и ряд гражданских и культовых сооружений. Много строит Малахов и за пределами Екатеринбурга. Так, в Каменске, помимо заводских цехов, он строит контору, госпиталь, перестраивает Троицкую церковь (проект 1828 г.). Больше ста построек, созданных по его проектам, украшают многие города и заводы Урала. Малаховым были выработаны своеобразные композиционные приемы, составившие основу многочисленных вариаций, придававших постройкам стилистическое единство при разнообразии облика. Эти приемы дают основание говорить о местной екатеринбургской, или малаховской архитектурной школе. Ее своеобразие заключается в органическом сочетании элементов петербургской архитектурной школы с выраженными чертами московской, а точнее казачьей.

В 20-30-х гг. XIX в. к установившимся центрам развития архитектуры классицизма на Урале добавляются и новые. Таким крупным центром становятся в Прикамье - Пермь, а на Горном Урале - Нижний Тагил. Губернский город Пермь выдвигается в число ведущих архитектурных центров благодаря появлению в нем на посту архитектора Уральского (тогда Пермского) горного правления И.И. Свиязева. Наряду с постройками, выполненными им в лучших традициях петербургских мастеров, такими, как ротонда на Загородном бульваре (1824 г.), колокольня кафедрального собора, законченная в 1832 г., им в конце 20-х – начале 30-х гг. возводятся сооружения с характерными

чертами кризиса стиля (главный корпус духовной семинарии) (1826-1841 гг.), Всехсвятская (1832-1837 гг.) и единоверческая Троицкая (1834 г.) церкви.

Подобно Перми, с конца 20-х гг. XIX в. существенно меняет облик один из крупнейших металлургических центров Урала – Нижний Тагил. Деятельность в этом городе, а также и на других заводах округа таких талантливых архитекторов, как А.З. Комаров, А.П. Чеботарев, приносили в архитектуру многочисленных построек особые стилистические черты, дающие достаточные основания говорить о местной, тагильской архитектурной школе. Использование форм и приемов из арсенала Казакова усиливало репрезентативность построек. К сооружениям такого плана следует отнести в первую очередь в Нижнем Тагиле главную контору, госпиталь, господский дом (все постройки конца 20-х – начала 30-х гг., архитектор А.П. Чеботарев), в Нижней Салде – Никольскую церковь, контору завода.

К концу 1830-х гг. заметны признаки надвигающегося кризиса стиля: академическая сухость в одних постройках (например, в сооружениях Новотихвинского монастыря, архитектор Малахов) или дробность форм, потеря чувства стиля, граничащая с эклектизмом (в доме Строганова, вторая половина 40-х гг.), и Выйско-Никольской церкви (1835-1845 гг. архитектора А.З. Комарова). 40-50-е гг. XIX в. явились, как и в других районах страны, временем кризиса классицизма, сдачи им своих позиций.

Состояние переходности архитектуры Урала второй половины 1860-1870-х гг. объясняется также живучестью региональных особенностей и традиций; Они вносят свои коррективы в хронологию возникновения новых архитектурных процессов. Прежде всего, речь идет о затянувшемся влиянии классицизма, с которым связаны вышедший подъем уральского зодчества, приходящийся на первую половину XIX в., и сложение ряда своеобразных черт этого стиля в уральском регионе. Позиции классицизма в период 1860-х -1870-х гг. остаются еще достаточно сильными. Тем не менее, со второй половины 1860-х гг. обозначается тенденция преодоления и трансформации его композиционных приемов. Эта тенденция наложила отпечаток на содержание архитектурных процессов всего пореформенного времени. Характерно, что влияние классицизма определяет специфичность формирования композиционных приемов эклектики, получающих распространение в уникальных гражданских сооружениях и в массовой застройке со второй половины 1860-х гг. В отличие от столичной

архитектуры, становление эклектики не влечет за собой отрицания классицизма. Напротив, формообразующие средства, мотивы и детали декора классицизма составляют основу эклектических композиций, в результате чего сами подвергаются переработке, интерпретируются и наделяются качествами, свойственными уже языку эклектики.

Таким образом, хотя во второй половине 1860-х гг. в уральском зодчестве не происходит резкой перемены в развитии стилистических направлений, все же эти годы являются рубежом, обозначающим начало активного «расслоения» стилистики классицизма архитектурными принципами эклектики. Это дает основание принять вторую половину 1860-х гг. за точку отсчета в эволюции стилевых течений для всего капиталистического периода.

При сопоставлении со столичным зодчеством выступает еще одна особенность, характерная для второй половины 1860-х-1870-х годов и являющаяся следствием запоздалого развития архитектуры Урала. Это не только несовпадение во времени формирования новых стилистических направлений на Урале и в столицах, что естественно для провинции, но и невыраженность, «свернутость», а иногда и переосмысление через некоторые из них.

В этот же период уже на новом уровне развития городов Урала определяется различие не только в их социально-экономических, функциональных характеристиках, но и в том положении, которое они займут в формировании архитектуры региона в последующие за этими десятилетия интенсивного капиталистического развития. Наиболее интенсивно растут и, соответственно, с наибольшей полнотой представляют стилистические направления, типологическое разнообразие построек города, формирующиеся уже в 1870-е годы как крупные торгово-перевалочные узлы. К их числу в первую очередь относятся губернский город Пермь и ряд прикамских городов; Екатеринбург, теперь уже не столько город-завод и центр управления горнозаводской промышленностью Урала, а центр транзитной торговли между европейской и азиатской частями России; Уфа - центр Южного Урала и город Курган на реке Топ бол - центр Зауралья. В губернских городах Урала, таких как Пермь и Уфа, получит развитие строительство новых типов сооружений - в первую очередь, крупных административных и торговых.

Свертывание горной промышленности оказывает в 1870-е годы существенное влияние на градостроительные процессы. В первую

очередь преобразованиям подвергается композиционно-пространственная структура малых городов-заводов и центров более крупных городов, в основе которых лежит аналогичный «горнозаводской» ансамбль. Градоформирующая роль этих ансамблей заметно ослабевает.

В 1860-е-1870-е гг. намечается две тенденции, в равной степени способствующие ослаблению прежнего значения традиционных для Урала «горнозаводских» ансамблей центров. Обе тенденции развиваются в течение всего капиталистического периода. Во-первых, застраиваются предзаводские площади. По их границам возводятся торговые, жилые и административные здания. Вследствие застройки, существенно видоизменяются не только функциональное назначение, но и композиционно-пространственные характеристики всего старого ансамбля.

Во-вторых, заметно оживляется строительство в торговых центрах городов, что уже свидетельствует о главенствующем положении, которое они займут в планировочной структуре большинства уральских городов капиталистического периода.

Так, в Екатеринбурге к концу 1870-х годов, наряду со старым планировочным ядром, образованным территорией бывшего Екатеринбургского казенного горного завода, плотинной и городским прудом, возрастает значение Главной торговой площади. Здесь преимущественно сосредотачивается каменное строительство, охватывающее и кварталы близлежащих улиц, что в свою очередь повышает их роль в застройке города. К числу таких улиц относится, например, торговая Уктусская улица, к которой примыкает не только Главная площадь, но и еще две – Хлебная и Щепная.

Во второй половине XIX в. наблюдается известный протест против классической архитектуры. Развитие капитализма привело к появлению огромного количества доходных домов – многоквартирных, предельно уплотненных зданий, построенных с таким расчетом, что они давали как можно больший доход при наименьших затратах. С развитием органов местного самоуправления и культуры появились здания городских и земских учреждений (городские управы в Кунгуре и Сарапуле – архитектор М.С. Купинский), окружные суды, здания общественных собраний и театров.

Наиболее значительный из сооружений культурного назначения был театр в Перми (архитекторы Р.О. Карвовский, В.В. Потапенко). Особенно заметен стал рост торговых зданий – гостиных дворов, ма-

газинов, лавок. Для торговых объектов, конторских, банковских и гостиничных зданий была характерна замена небольших по размерам построек комплексами или многоэтажными зданиями. Наряду с гостиницами дворами и комбинированными зданиями с магазинами на первых этажах строятся специальные крупные универсальные магазины и пассажи. Их архитектуру определяли большие по площади торговые залы и особое богатство архитектурного убранства фасадов (дом Агафуровых в Екатеринбурге). В уральских городах появились новые типы общественных сооружений: вокзалы, биржи, банки. Особенно массовый характер в начале XX в. приобрело строительство народных домов - принципиально новых типов общественных зданий, своеобразных клубов, объединявших зрелищную часть с библиотекой – читальней, потребительской лавкой и чайной. Архитектурный облик народных домов отличался большим разнообразием, например, дом в Лысьве и в Челябинске.

По интенсивности и масштабности строительства рассматриваемый период значительно уступает последующим десятилетиям. Тем не менее, его характеризует важная особенность - переход от деревянного к массовому каменному строительству. Каменное строительство всемерно поощряется губернскими и городскими властями, так как пожары неоднократно уничтожали значительную часть построек в разных городах Урала. В 1879 г. пермским губернатором даже издается специальный циркуляр о замене деревянных построек 20 каменными. Развитие массового каменного строительства не только существенно меняет облик уральских городов, но в значительной мере характеризует и специфику архитектурно-строительной деятельности периода.

В провинции всегда остро ощущался недостаток в профессиональных кадрах архитекторов. Губернским и городским архитекторам вменялось в обязанность осуществление градостроительных мероприятий, контроль за застройкой и проектирование в основном, общественных зданий.

Состав губернских строительных отделений был немногочисленным. В постановлении пермского губернского правления 1878г. по делам строительного отделения, каждый из пяти его служащих осуществлял надзор за строительством в обширном участке губернии, включавшем несколько уездов. Кроме Перми, городские архитекторы имелись только в двух городах губернии - Екатеринбурге и Ирбите. В этот период на Урале почти не было архитекторов, выполняющих

только частные заказы. К массовому каменному строительству привлекаются подрядчики, чертежники, землемеры и т.п. Фактически им на откуп отдается почти вся жилая застройка, торговые сооружения в некоторых случаях даже казенные здания. Анализ документации технических столов городских управ за вторую половину 1860-х-1870-е годы позволяет сделать вывод, что в подавляющем большинстве проекты частных построек составлялись людьми, не получившими профессионального образования в специальных учебных заведениях.

В целом, уральская архитектура второй половины 1860-х -1870-х гг. остается в стороне от главных процессов русского зодчества. На Урале не наблюдается размаха строительства, который характеризует центральные и столичные города России. В застройке уральских городов практически не появляются новые типы сооружений из числа тех, что уже в течение продолжительного времени служат объектом интенсивных разработок русских зодчих, не получает особого развития профессиональная культура.

В 80-90-е гг. XIX в. в архитектуре уральских городов полностью утвердился стиль эkleктики. Появились стилизации под архитектурные формы прошлых эпох: романской, готической, ренессансной и др. Наиболее характерным зданием, где применены элементы разных стилей, явился дом Севастьянова в Екатеринбурге (архитектор А.И. Падучев, 1866), декорированный деталями мавританско-готического стиля, дом С.В. Тупикова – ныне Дом актера (архитектор Ю.О. Дютель, 1890-е годы).

Фасады зданий городской управы в Уфе (архитектор П.Г. Ланевский, 1897-1901), первой женской гимназии в Екатеринбурге (архитектор В.И. Ревнер, 1886), дом Мешкова в Перми (архитектор А.Б. Турчевич, 1886 г.) были обильно декорированы деталями, заимствованными из архитектурных стилей разных исторических эпох. Броскость, необычность облика зданий представлялась заказчикам – нарождавшейся и самоутверждавшейся буржуазии – весьма престижными. Состоятельные промышленники и торговцы возводили для себя вычурные, нагруженные излишними украшениями особняки.

Получивший большое распространение эkleктический метод по существу перспектив не имел.

В конце XIX – начале XX вв. в социокультурном пространстве появляется феномен индустриального города. Он вызвал ассоциации с чем-то угрожающим и отвратительным: «драконом» (В.Я. Брюсов),

«клеткой» (Я.Н. Андреев), «вампиrom» (С.М. Соловьев). Жажда вернуть в распадающийся мир целостность и первозданность природы, защитить человека от бездушного механизма цивилизации – цели модерна – зарождающегося нового стиля в архитектуре. Не случайно новый стиль так старательно избегал прямых линий, острых углов, присущих машинному облику. Предпочитались орнаменты, составленные из цветов, листьев, изогнутых стеблей (стиль «флореаль»). Изогнутое в виде латинской буквы «S» изображение растения стало визитной карточкой модерна, в художественной среде такая линия образно именовалась «удар бича». Мастером «флореаля» в России был архитектор Ф.О. Шехтель.

Новый стиль диктовал иное понимание пространства: подвижное, текучее, податливое воле архитектора. Для этого широко применялись мозаики, цветные виражи, скульптуры, изящно изогнутые решетки, большие полукруглые окна, много стекла. Потребности новых общественных зданий требовали создания просторных и высоких помещений. Для стиля модерн также характерно использование новых материалов – железобетона, металла, крупноразмерного стекла.

Были созданы особые варианты модерна, которые называют «неостильями» (неоготика, неовизантизм, неоклассицизм, неорусский). После архитектурного «бесстилья» и доходных «домов-комодов» обращение к древнерусским, архитектурным традициям на новом витке культуры дало яркие и богатые плоды. Особенно удачным в России стал «неорусский» стиль, который неоправданно называют иногда «псевдорусским».

В уральской архитектуре появились новые черты – отход от симметрии в композиции, выразительность силуэта построек, широкое применение, особенно на угловых домах, башен – эркерov, завершаемых куполом или шатром, аркадные формы, орнаменты кладки в характере «узорочья» XVII в., растительные орнаментальные мотивы.

Однако, стиль модерн на Урале не получил широкого распространения. К постройкам первых десятилетий XX века, в которых проявились черты отдельных разновидностей стиля модерн относятся особняки Грибушина в Перми (архитектор А.Б. Турчевич), Высоцкого в Челябинске, магазин «Проводник» в Екатеринбурге (так называемый «живописный» модерн), магазин Якушевых в Челябинске (архитектор А.А. Федоров), здания железнодорожного вокзала в Екатеринбурге (архитектор К.Т. Бабыкин, 1912). В целом же преобладали по-

стройки по существу эклектичные, использовавшие только отдельные декоративные элементы модерна.

В этот период среди уральских инженеров и архитекторов особенно выделяются яркие таланты пермского архитектора А.Б. Турчевича, вятского архитектора И.А. Чарушина, екатеринбургского архитектора Ю.О. Дютеля.

5. Советский этап архитектуры на Урале характеризуется индустриализацией региона и привлечением средств не только в промышленное, но гражданское и жилое строительство. Особенно продуктивны были 1920-е – 1930-е гг. – время активной работы пионеров советской архитектуры, развивавших творческие концепции конструктивизма.

Конструктивизм – направление авангарда в архитектуре в начале 1920-х годов. Основной установкой нового стиля было сближение искусства с практикой индустриального быта по линии формы, геометризации контуров и обнажение технической основы строительства. Активными пропагандистами этого стиля были В.Е. Татлин, А.М. Родченко, братья А. Весин и В. Весин, М.Я. Гинзбург.

Машинный стиль конструктивизма создавал миф о беспредельном могуществе науки и техники, но в то же время обезличивал человека, превращая его в «человека-функцию» живущего в идеально организованном и выверенном мире. Самое удивительное, что сами художники так не считали. Они полагали, что своим искусством освобождают творческую энергию человека, направляют ее на благо будущего. Поэтому главными чертами конструктивизма были: подход к искусству как «миростроительству», «делание жизни» по законам искусства, но искусства особого рода, основанного на новейших достижениях научной мысли, доминантой творчества стал динамизм.

Архитекторы мечтали о гигантских пространствах, точных приборах, новых материалах. Устремленный в будущее пафос созидания прорывался в новом решении света, воплощался в композициях, с грандиозными пространствами будущих заводов, дворцов, домов и прочих «жизненных» конструкций. Традиционная изобразительность становилась для них синонимом застоя, камнем преткновения на пути нового. Они выступали против эклектики в архитектуре, но отрицали прогрессивное значение классического наследия.

Процесс индустриализации с последующей урбанизацией края заключался в возведении новых или реконструкции старых заводов и

строительстве новых городов или городских районов по единому плану, именуемых соцгородами. Исторически сложившиеся города подвергались реконструкции, предполагавшей прежде всего увеличение архитектурно-градостроительного масштаба, благоустройство, развитие городского коммунального хозяйства и резкую смену архитектурного образа города, отразившегося в названии «Большой город». И в тех, и в других в разной степени использовалась концепция города-сада.

Новые типы зданий, востребованные вновь сформировавшимся социальным заказом (комбинаты и учреждения общественного культурно-бытового обслуживания, спортивные сооружения, рабочие клубы) и функционально трансформировавшиеся под его влиянием существовавшие ранее (лечебно-профилактические, учебные заведения, жилые здания и комплексы), облачались в нетрадиционные формы нового архитектурного стиля как символы тотального переустройства и начала новой исторической эпохи.

Широкое распространение новой архитектуры в отдаленном от столиц Уральском регионе, применение перспективных методов проектирования являлось форсированием эволюционного развития архитектурных процессов края, значительно отстававших от европейской части России в предшествующие эпохи.

Административно-экономические рычаги, в соответствии с особым статусом региона как передового края индустриализации, обеспечили быстрое перемещение сюда новой архитектуры архитектурными кадрами, интенсивной практикой архитектурных конкурсов, учреждением проектных организаций, развитием собственной архитектурной школы.

Развитие советской архитектуры особенно ярко нашло свое воплощение в облике г. Екатеринбурга. В 1920-30-е гг. Свердловск становится творческой лабораторией конструктивизма. Показательной явилась работа по проектированию Большого Свердловска – центра Уральской области. Здесь были реализованы основные принципы советского градостроительства: районная планировка, зонирование территории, специализация и кооперация производства, единые системы транспортного и бытового обслуживания, озеленения и благоустройства, крупные ансамбли и комплексы.

Здесь нашла воплощение в жизнь идея о социалистическом городе с крупными жилищными комплексами – коммунами, административно-жилыми блоками, дворцами, стадионами, клубами, медго-

родками, втузгородками. По размаху проектирования и строительства в те годы Свердловск занимал одно из ведущих мест в стране. К проектированию сооружений в городе были привлечены видные лидеры конструктивизма М.Я. Гинзбург, Я.А. Корнфельд, братья Васыны, Д.Ф. Фридман, С.В. Домбровский, П.В. Оранский. К выдающимся произведениям этого времени можно отнести стадион «Динамо», комплекс Уралобкома с жилым домом областного совета, клуб строителей, комплексы-коммуны по пр. Ленина, 52-54 и ул. Малышева, 21, медгородок. Они признаны образцами архитектуры того времени. Коллекция памятников архитектуры конструктивизма насчитывает в городе более 140 объектов.

Мировой известностью обладают Водонапорная башня УЗТМ (арх. М. Рейшер, 1929 г.) и Городок чекистов (арх. И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов, 1934 г.). Истоками архитектурного авангарда для Уральского региона послужило влияние творческих союзов Москвы, особенно ОСА, через практику архитектурных конкурсов. Выходцы из Ленинграда, – другого авангардистского центра в России – были ещё одним источником идей новой архитектуры. Выпускники Томского технологического института, проектировавшие промышленные здания, внесли свой вклад в развитие новой архитектуры в регионе.

И, как стало известно, в последние годы члены «бригады Баухауза», приглашенные советским правительством в СССР для проектирования и строительства жилых и общественных зданий, работали в городах Урала в 1930-х годах, сотрудничая с советскими архитекторами в Свердловске (Екатеринбурге), Орске, Магнитогорске, Перми, Соликамске, вследствие чего творческое наследие баухаузцев стало органичной составляющей уральского наследия архитектурного авангарда. Совпадение периодизации и наиболее общих характеристик уральской архитектуры 1920-1930-х годов с другими промышленными регионами России объясняется централизацией архитектурно-строительной деятельности, государственным обеспечением Урала архитектурными кадрами (в основном, выпускниками столичных вузов), участием в уральских конкурсах лучших архитектурных сил страны, сильным влиянием столичных творческих союзов, созданием, в частности, Свердловского отделения ОСА.

Эволюция жилых зданий в стиле конструктивизма на Урале прослеживается от малоэтажных, отдельно стоящих домов секционного типа, до крупномасштабных жилых комплексов. Жилищное строительство в этот период велось в городских центрах и в удалён-

ных от города новых микрорайонах – соцгородках при вновь созданных промышленных предприятиях («Уралмаш» в Екатеринбурге, Мотовилихинский район в Перми, «Новый город» в Орске, жилой район «Красный Камень» при Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле, жилой район при Челябинском тракторном заводе). Многочисленные жилые комплексы в стиле конструктивизма демонстрируют разнообразие композиционно-планировочных схем и объёмно-пространственных композиций, степени обобществления культурно-бытовых процессов, обусловленной индивидуальным для комплекса набором зданий и помещений общественного пользования, уровня благоустройства, оригинальности разработки внутреннего пространства зданий.

Исключительное внимание уделялось строительству зданий окружного и областного управления, таких как облисполком в Екатеринбурге, Дом советов в Сарапуле, Дом горсовета в Перми, Дом горместхоза в Ижевске, Дом советов в Оренбурге. Они размещались на центральных улицах и площадях в качестве композиционных доминант главных градостроительных узлов. Интенсивное экономическое развитие края вызвало необходимость возведения зданий делового характера: контор, банков, управлений (Дом контор и промбанк в Екатеринбурге, Дом промышленности в Челябинске, здание заводоуправления ОЦМ в Ревде), менее респектабельных по внешнему виду. Скруглённые углы, заглублённые в лоджии входы, динамика объёмов, переходы над кровлями и другие характерные элементы пластики формируют их эстетический облик.

Массовое строительство зданий учебных заведений (институтов, техникумов, училищ, школ разных ступеней) было связано с государственной культурно-просветительной программой и дефицитом квалифицированных специалистов на Урале (Торгово-экономический техникум и Дом техучебы в Екатеринбурге, педтехникум в Можге, Дом техники в Перми). Здания этого круга не обрели характерных его типу специфических особенностей в стиле конструктивизма. Самыми многочисленными и разнообразными по архитектурным характеристикам были здания клубов, предназначавшиеся для новых форм общения людей, объединённых отраслевым профсоюзом, предприятием или жилым комплексом, что отражалось в их названиях: клуб строителей и совторгслужащих в Екатеринбурге, клуб металлургов в Первоуральске, клуб металлистов в Ижевске. В этом типе зданий принципы конструктивизма выразились наиболее последовательно.

С середины 1930-х гг. в советской архитектуре происходит поворот к неоклассике, связанный с усилением тоталитарного режима. В 1932 г. были воссозданы закрытая в первые годы революции Всероссийская Академия художеств и позже – Институт живописи, скульптуры и архитектуры. В 1935 году, когда СНК СССР поставил перед архитекторами и строителями задачу «решительного внедрения в практику скоростных методов строительства». Решать эту задачу предлагалась с помощью комплексной механизации строительных работ и применения стандартных деталей и конструкций, для производства которых следовало построить необходимые предприятия. Причиной столь амбициозного решения был острейший дефицит жилья, возникший в результате ускоренной индустриализации и урбанизации страны.

Решение проблемы советские архитекторы искали в двух направлениях. Первым было возведение блочных домов, до войны такие дома были построены в Москве, Ленинграде, некоторых крупных городах. В Свердловске первый блочный дом был построен в 1938 году по проекту группы архитекторов, в которую входили А. И. Вилесов, А. Ф. Романов, Е. А. Дворкович и другие. Одновременно с ними свердловские архитекторы Г. И. Потапов и Г. Г. Ростковская начали опыты по изготовлению железобетонных панелей крупного размера.

Пионеры уральского панельного домостроения Г. И. Потапов и Г. Г. Ростковская по разным причинам прекратили заниматься этим делом. «Главуралэнергострой» привлёк к работе над панельными зданиями известного свердловского архитектора В. Д. Соколова, который в 1947 году разработал первый в СССР альбом проектов крупнопанельных жилых домов. Кроме жилых, В. Д. Соколов проектировал и административные здания из сборного железобетона. Здание «Уралторфотреста» на улице Московской в Екатеринбурге. Всего по проектам В. Д. Соколова было построено около 800 панельный зданий из деталей производства БЗСК. Не все они были удачными, у некоторых зимой промерзали стыки. Было принято решение прекратить строительство таких домов. Не только по причине конструктивных недостатков. Наступала новая эпоха. Однако, в грядущем расцвете хрущёвок и «панельки» В.Д. Соколова несомненно сыграли свою немалую роль.

Все архитектурные проекты должны были отражать величие эпохи строительства коммунизма, а архитектура – иметь массовый, народный характер. Массовость вовсе не означала размаха строитель-

ства для удовлетворения нужд и потребностей людей. Декларируемая народность означала приоритетное строительство для удовлетворения нужд и потребностей людей. Декларируемая народность означала приоритетное строительство общественных зданий и сооружений. В соответствии со вкусами вождя в стране появилось огромное количество дворцов. Как и для всей художественной культуры, официальным языком архитектуры социалистического реализма становится по-своему «прочитанный» классицизм.

Но постепенно и в архитектуре возобладало мнение, что единственный стиль не может вполне соответствовать столь масштабной задаче. К началу 40-х гг. художественный язык советской архитектуры приобрел невероятную эклектичность, включив в себя элементы множества стилей и приемов мировой архитектуры.

Постепенно выделился русский ампир, наиболее цельно воплощавший идею национальной гордости и силы, особенно после войны, когда нужно было восстанавливать разрушенные фашистами города. На этой основе начал формироваться «сталинский ампир», который часто называют «псевдостилем». Сталинское руководство желало иметь уникальный симбиоз имперства и народности.

Повороты к неоклассике, эклектике, «сталинскому ампиру» замедляли развитие архитектурного творчества в СССР. На время прекратилось формирование современного облика г. Свердловска. В соответствии с классическими традициями большое внимание в 1930-50-е гг. уделяется ансамблевой застройке улиц, площадей и монументальным формам крупных общественных зданий. Перспектива проспекта Ленина завершается ансамблями Уральского индустриального института, Площадь 1905 г. акцентируется зданием городской думы (ранее горкома партии и исполкома горсовета) со шпилем и курантами. На городских площадях строились дворцы культуры, выполненные в ордерных композициях. В эти годы плодотворно работают архитекторы Г.А. Голубев (авторский проект Горсовета), К.Т. Бабыкин (главный корпус УГТУ-УПИ), В.В. Емельянов (комплекс дома офицеров), А.П. Тафф (главный корпус УрГУ).

В 1960-е гг. в связи с применением промышленных методов сборки зданий в стране широко стал применяться так называемый «международный» стиль в архитектуре. Идеи этого стиля впервые были высказаны советскими архитекторами еще в 1930-е гг., однако он не привился в СССР, но нашел развитие за рубежом. Архитекторы Ле Корбюзье, Франк Ллойд Райт разработали этот стиль и широко

применили его в США и других странах. Для этого стиля характерны коробочные здания, отказ от высоких крыш и замена их плоскими, ликвидация чердаков и подвалов, геометричность, четкость линий, отсутствие украшения, использование новых строительных материалов и современных методов строительства.

Реформы в строительной политике страны 1960-х гг. вычеркнули архитектуру из сферы искусства. На смену диктата политики приходит диктат стройиндустрии и жесткой экономии. Типовое строительство в 70-80-е гг. активно внедряется в массовую застройку городов в ущерб художественным, экологическим и комфортным качествам.

Некачественная застройка городов встречает широкие протесты общественности, особенно в исторических городах Урала. Недооценка архитектурного наследия привела к утрате на Урале многих тысяч памятников архитектуры и объектов ценной исторической застройки. Грубым искажениям подверглись исторические центры Перми, Челябинска, Ижевска, Камышлова, Невьянска, Нижнего Тагила и других городов. В качестве инструмента защиты исторических центров городов выступают охранные зоны и зоны регулирования новой застройки. Появляются архитектурно-этнографические музеи в поселке Хохловка Пермской области и селе Нижняя Синячиха Свердловской области. Первые берут на себя роль резервации недвижимых памятников архитектуры, вторые – становятся формой физического сохранения памятников народного зодчества путем переноса их в музеи-заповедники.

Массовое внедрение типовой застройки неблагоприятно сказалось и на облике Свердловска – его центра и новых жилых районов (Комсомольского, Заречного, Пионерского, Ботанического, Сортировочного и др.). Разрешение на индивидуальное проектирование получило только небольшое количество общественных зданий: Дворец молодежи, ККТ «Космос», ДК УЗТМ, цирк, театр юного зрителя, архитектурный ансамбль «Октябрьская площадь» со зданием областной администрации и театра драмы. Создание многих памятников архитектуры связано с именем архитектора Г.И. Белянкина. Он более 20 лет возглавлял Главархитектуру города и оказывал влияние на формирование основных направлений планировки и застройки города. Несмотря на определенные потери памятников истории и архитектуры, удалось не допустить массовой застройки в историческом центре Свердловска.

Реформы 1990-х гг. в целом благоприятно сказываются на архитектуре Екатеринбурга, которая вновь приобрела индивидуального заказчика и подрядчика. Рынок в строительном комплексе способствует повышению качества строительства. Создаются новые архитектурные памятники (Храм на Крови, архитектурный комплекс мужского монастыря на Ганиной яме, реставрирован архитектурный комплекс Верхотурья). Это становится важной предпосылкой возрождения и развития отечественного зодчества.

С начала XXI в. популярным архитектурным стилем становится хайтек. Его особенность – применение высоких технологий и нетрадиционных для строительства материалов. Архитекторы, работающие в этом направлении, активно используют стекло, металл и пластик. В композиции хай-тек зданий нередко можно увидеть трубопроводы, шахты лифтов и другое инженерное оборудование. Есть проекты, в которых использованы проволочная сетка и резина. В общем, многие сооружения в стиле хай-тек похожи на промышленные здания как снаружи, так и внутри. Данному стилю свойственны стремительные, прямые линии, отсутствие элементов из дерева, предпочтение здесь отдается серебристо-металлическому цвету.

За последние три-пять лет внешний облик крупных уральских городов — Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Тюмени — серьезно изменился. Строили быстро, много, высоко. Но концептуальные или хотя бы напоминающие объекты недвижимости можно пересчитать по пальцам. При этом архитектурное окружение часто не учитывается, и очередной стекло-бетонный колосс разрушает очаги исторической застройки.

В первой половине — середине 2000-х годов в Екатеринбурге строятся такие высотные здания как «Антей», 25-26 этажные жилые комплексы «Аквамарин», «Радужный» и «Кольцо Екатерины». С середины 2000-х годов в городе начинается «высотный бум»: строятся новые жилые высотки, в различных частях города начинается строительство сразу двух небоскрёбов («Высоцкий», и «Призма» и одного жилого высотного здания «Февральская Революция». Одновременно с этим разрабатывается и утверждается проект строительства в правобережной части исторического центра города делового квартала «Екатеринбург-Сити», по которому, согласно актуализированным позднее планам, предполагается построить четыре небоскрёба от 51 до 62 этажей («Урал», «Исеть», «Татищев» и «Де Геннин»), а также несколько высотных зданий, в том числе 33-этажный бизнес-центр с

конгресс-холлом «Демидов-Плаза». Всего по данным 2015 г. построено 132 таких здания (в том числе 75 от 25 этажей и выше), ещё более восьмидесяти строятся и строительство более полутора сотен зданий запланировано.

Между тем новые коммерческие объекты зачастую не вяжутся даже с себе подобными постройками. К редким удачным примерам специалисты относят строящееся здание Законодательного собрания Свердловской области. Оно расположится между «свечкой» Дома правительства и будущим Екатеринбург-Сити, из объектов которого построена пока только гостиница Hyatt. Подбором материалов и элементами оформления фасада Заксобрание будет связано с обоими объектами площадки: мрамором и лестничным маршем — с областной администрацией, серым стеклом — с отелем. «Архитектура этого здания согласовывалась не раз и не два. Было много проблем с поиском его формы, четкого месторасположения. Хотели сделать и выше, и ближе к администрации области. К строительным и отделочным материалам предъявлялись высокие требования: здание нужно было грамотно встроить в ансамбль. В реализации этого проекта как раз и проявился комплексный подход в проектировании, который должен быть использован каждый раз при возникновении сложных градостроительных ситуаций, когда необходимо увязать объекты», — подчеркивает руководитель архитектурной мастерской «Менгир» (Екатеринбург), член Союза архитекторов России Владимир Громада.

Что касается современного этапа развития архитектуры, то в его пределах можно выделить три тенденции развития архитектуры города в целом.

Первая — это освоение пригородных территорий и строительство новых районов, например, района Академического, при проектировании которого применяются разнообразные оттенки и гаммы цветов объектов, располагающихся в нём.

Вторая — замещение малоэтажных сооружений высотными объектами. Стремительный рост города порождает такую проблему как дисгармоничность взаимодействия архитектурных объектов между собой в рамках городского пространства на уровне цветовых характеристик.

Третья — при разработке цветового решения фасадов современных сооружений использование отделочных материалов белого, синего и бежевого цвета, а также остекления — синего, голубого и коричневых оттенков. Например, в таких, как здание торго-

развлекательного комплекса на ул. К. Либкнехта, БЦ «Антея», «Парк Хауса», «Гринвича», здание ТЦ «Гермес Плаза» и др. Эти тенденции ярко проявляются в контексте как исторических, так и современных улиц Екатеринбурга.

Однако при исследовании современной застройки, располагающейся в исторической среде, можно увидеть совершенно иную картину, которая заключается в том, что на сегодняшний день в г. Екатеринбурге прослеживается активная застройка исторического центра современными объектами. В большинстве случаев необдуманное внедрение в историческую среду современных архитектурных объектов ведет к разрушению её пространственного контекста.

Таким образом, архитектурное наследие Урала обширно и до сих пор играет немаловажную роль в формировании облика исторических центров городов и других населенных пунктов. Естественно, что по художественно-эстетическим качествам постройки не равноценны, но все они неповторимы уже в силу принадлежности к прошлым эпохам, к определенному срезу отечественной культуры, строительной техники, архитектуры.

В настоящее время существует острая необходимость в совершенствовании эстетических качеств городской среды. В большей степени это касается зданий и сооружений второй половины XX века, входящих в состав промышленной инфраструктуры городов, поскольку их архитектурно-художественные качества оставляют желать лучшего. Несмотря на то, что в России существует определенная система охраны памятников истории и культуры, однако сохранение культурного наследия не обеспечено в должной мере, особенно в последнее десятилетие конца XX – начала XXI вв.

Во многих индустриальных городах Урала возникла крайне критическая ситуация в сфере эстетических качеств промышленной архитектуры. Производство занимает значительную часть городов и напрямую взаимодействует с исторически ценной застройкой, что негативно сказывается на состоянии местных памятников архитектуры.

Многие архитектурные памятники разрушаются по разным причинам. В частности, при советской власти под угрозу была поставлена легендарная Наклонная башня в Невьянске, уникальный памятник, аналогов которому в мире не существует. Она находилась в то время на территории секретного военного завода. На очень близком расстоянии от нее были выстроены утилитарные промышленные

сооружения. Такое расстояние с точки зрения правил охранного зонирования считается критическим. Реставраторы, как и туристы, на территорию завода не допускались, в результате чего памятник архитектуры долгое время пребывал в запущенном состоянии. Разумеется, о каком-либо гармоничном подходе к проектированию новых промышленных зданий в исторической среде не могло быть и речи, так как это не считалось необходимым по причине закрытости данного пространства от посторонних наблюдателей.

Поэтому у краеведов-историков еще непочатый край работы. Кто, как не они, должны разъяснять, что старинные памятники архитектуры – всенародное достояние, которое необходимо беречь и охранять. В задачу краеведов также входит заполнение учетной карточки и паспорта на каждый открытый и изученный памятник. Прежде всего, краевед-историк должен зафиксировать следующее: а) название, местонахождение строения (район, близлежащий поселенный пункт, станция); б) какие постройки входят в комплекс памятника, есть ли парк; в) кому принадлежал памятник до революции, кому принадлежал в советский период; г) дата постройки, кем построена; д) что находится сейчас на территории постройки, кем и как она используется; е) сохранность и общее состояние памятника в настоящее время.

Вопросы:

1. Как процесс заселения и экономического развития Урала повлияли на возникновение архитектуры края?
2. Дайте характеристику конструктивным решениям деревянных жилищ.
3. Расскажите о декоративном убранстве жилых домов населения Урала.
4. Каковы основные принципы стиля барокко в архитектуре Урала? Назовите памятники архитектуры.
5. Каковы стилевые особенности архитектуры классицизма на Урале? Приведите примеры памятников архитектуры.
6. Как развивался архитектурный стиль эклектика на Урале? Приведите примеры памятников архитектуры.
7. Назовите стилевые особенности модерна. Приведите примеры архитектурных памятников.
8. Как развивалась архитектура в советский период: этапы, стили, особенности. Назовите памятники архитектуры.

9. Определите задачи историка-краеведа по охране памятников архитектуры.

Литература:

- Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960.
Архитектура жилища в условиях Урала. Екатеринбург, 1992.
Бубнов Е.Н. Деревянное зодчество Урала. М., 1988.
Вопросы градостроительства и архитектуры Урала. М., 1987.
Екатеринбург. История города в архитектуре. Екатеринбург, 1998.
Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. – 710 с.
Иконников, А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность / А.В. Иконников. – М.: Прогресс-Традиция. 2001. – 654 с.
Каптиков А.Ю. Архитектура Урала (XVII – первая половина XIX в.). Очерки истории Урала. Вып. 5. Екатеринбург, 1996. С. 30.
Раскин А.М. Архитектура классицизма на Урале. Свердловск, 1989.
Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII-XIX вв. Екатеринбург, 1996.
Уральская историческая энциклопедия.– Екатеринбург, 2002 . – 621 с.
Художественная культура Пермского края. Пермь, 1992.
Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв. Екатеринбург, 2002.

ГЛАВА VIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

План:

1. Литературное краеведение - предмет, объект, методы. История развития литературного краеведения до XX в.
2. Литературное краеведение в советский период.
3. Деятельность музеев в развитии литературного краеведения.
4. Вклад писателей, меценатов в развитие литературного краеведения.

1. Литературное краеведение – это изучение местной литературной жизни (края, области, района, города), биографии писателей, связанных с той или иной местностью (так называемые «литературные места», где писатель родился, жил, бывал и т.п.; литературных произведений и художественных образов, навеянных природой, исто-

рическими событиями, бытом и людьми того или иного края). Объектом литературного краеведения являются все средства увековечения памяти писателя в данном крае (музеи, памятники, мемориальные доски и др.).

В России литературное краеведение зародилось в 30-40-е гг. XIX в. Как разновидность краевой библиографии, регистрации фактов местной литературной жизни, создания (несколько позже) «образов жизни и трудов» писателей – уроженцев той или иной губернии. Однако первыми письменными источниками по истории края можно считать летописи, возникшие в Киевской Руси («Повесть временных лет»), литературные произведения («Слово о полку Игореве»), в которых имеются данные о расселении восточных славян, их обычаях, нравах, занятиях, общественном строе, о зарождении имущественного неравенства, образовании княжеств, о междоусобной борьбе князей, о городах, культуре населения Руси.

На Урале наиболее древней является башкирская литература. Ранние образцы башкирской литературы восходят к поволжским древнебулгарским поэтическим памятникам. В XII-XIII вв. зародился книжный язык родственных тюркоязычных племен – тюрки. На его основе получила развитие так называемая кипчакская литература. Дастаны «Хосров и Ширин» Котби, «Джумджула султан» Катиби, «Китаби бит-тюрки Гюлистан» Сараи стали общим классическим наследием тюркоязычных народов Урала. Присоединение Башкирии к России в середине XVI в. явилось переломным этапом в культурном развитии башкир. В башкирской литературе укрепилась национальная тематика и связь с фольклором, появились оригинальные светские жанры – шежере, таварих. Заметным становится творчество народных поэтов (сэсэн). В XVI-XVII вв. особое место занимают башкирские родословные (шежере), в которых генеалогия рода тесно переплетается с исторической летописью. Активизируется народная публицистика. «Письмо Батырши», послание предводителя восстания 1755 г. Батырши Алиева императрице Елизавете Петровне, соединило в себе историко-литературную запись событий и социально-философские размышления.

Русская литература на Урал проникает в связи с деятельностью христианских проповедников, колонизацией и усилением с XVII в. миграции русского населения в регион. В 1621 г. учреждается в Тобольске Сибирская архиепископия, в которой создается ряд оригинальных произведений. В летописи, написанной С. Есиповым (1636),

освоение сибирских земель трактуется как распространение христианства на «дикие» народности. Строгановская и Кунгурская летописи XVII в., «История о Сибири» Ю. Крижанича, житийные сочинения, посвященные Симеону Верхотурскому, кладут начало русской литературе на Урале.

XVIII век занимает важное место в становлении литературного краеведения в России. В 1742 г. был составлен сборник «Древних стихотворений, собранных Киршей Даниловым». Это была первая книга подлинных, часто уникальных записей русских былин, исторических и лирических песен, скоморошин, духовных стихов, баллад (всего 71 текст + ноты). Ряд исследователей считает этот факт началом литературного краеведения. Яркой страницей башкирской литературы XVIII в. стала поэзия С. Юлаева. В конце XVIII в. в Тобольске появляются периодические издания («Иртыш, превращающийся в Ипокрену», «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей», «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов»), в которых сотрудничают и дворяне (И.И. Бахтин, В.Я. Корнильцев, П.П. Сумароков), и разночинцы, преподаватели и учащиеся Тобольского главного народного училища (И. Лофанов, И. Набережин, М. Мамин). Они отражали идеи дворянского просвещения, настроения демократических слоев. Большое место в их творчестве занимала сатира, литературная сказка, притчи, песни, переводы.

В первой трети XIX в. на Урале возникает ряд литературных гнезд. Острые сатирические стихотворения создает учитель Пермской гимназии В.П. Феонов. Другое литературное гнездо образовалось в Оренбуржье. Южноуральские писатели обратились к жизни коренных народностей края. В повести П.Кудряшова «Абдрахман», сказании «Киргизский пленник», ряде стихотворений и цикле башкирских песен романтические мотивы соседствуют с точностью социально-этнографических описаний. В начале XIX в. получает известность творчество сэсэна Буранбаи-Яркея, участника Отечественной войны 1812 г., сосланного за выступления против феодалов в Сибирь. В 1812 г. в Казани в переводе Т.Беляева на русский язык было издано сказание «Куз-Курпач. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчи и переведенная на российский в долинах гор Рифейских».

Стимулирующим фактором развития литературы на Урале в первой половине XIX в. было пребывание в крае писателей-декабристов: В.К. Кюхельбекера, И.И. Пущина, А.И. Одоевского. Уральские впечатления имели огромное значение для творчества А.С. Пушкина, В.И. Даля, С.Т. Аксакова.

Интересна история начала книгоиздания в Екатеринбурге. В одном из томов «Русского биографического словаря» (М., 1916, т. Герберский - Гогенлоэ) в статье М.А. Циона, посвященной И.Ф. Герману (начальнику Екатеринбургских горных заводов), сказано, что типографию в Екатеринбурге в 1803 г. устроил Иван Филиппович. Что же побудило Германа создать типографию? Горный город Екатеринбург по своей экономической и административной значимости ничуть не уступал губернским центрам. Но в отличие от губернских чиновников, Герман как начальник заводского хозяйства существенно расширил функции ведомственной типографии. С первых дней своей деятельности (назначен был в ноябре 1801 г., но практически приступил к делу на посту «начальника железных заводов и монетного двора» в начале 1802 г.) серьезный и пытливый руководитель ясно понял, что управлять горнозаводской машиной вслепую невозможно, и стремился не только «войти в подробное узвание положения и действий уральских заводов», но и описать их, а описания – напечатать. Иначе говоря, Герман с самого начала лелеял мысль превратить типографию в техническую базу книгопроизводства. И первыми изданиями этой типографии явились сочинения И.Ф. Германа «О составлении народных таблиц» и «Описание заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоявших» (Екатеринбург, 1808).

В середине XIX в. наблюдается подъем литературной жизни на Урале, углубление демократической ориентации местных писателей. В 1859-60 гг. в Перми вышли два краеведческих «Пермских сборника» (изд. Д.Д. Смышляев), публиковавшие материалы пугачевского восстания, истории региона, культуры, записи уральского фольклора. «Пермские сборники» заложили основы изучения этнографии, фольклора, культуры края, продолженную Н.К. Чупиным, Г.П. Белорецким, трудами членов Уральского общества любителей естествознания. С 1899 г. Пермскую комиссию УОЛЕ возглавил П.Н. Серебренников, активизировавший деятельность комиссии, ставшей в 1901 г. Пермским научно-промышленным музеем (ныне Пермский областной краеведческий музей). В стенах музея им было сделано около 70 докладов, сообщений и бесед по медицине, а также уральской этногра-

фии и литературоведению. Музей издавал сборники трудов - «Материалы по изучению Пермского края» (Вып.1-5. Пермь, 1904-1915). Среди публикаций исторического и научно-естественного цикла выделялись работы краеведа и фольклориста В.Н. Серебренникова (лит.псевдоним – Г. Аргентов): «Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии». Более 40 лет он занимался собирательской работой. Загадки, частушки, пословицы и поговорки, песни беспризорников, солдатские песни, разбойничий фольклор, сказки, календарные образы, народные заговоры, заклинания и т.д. Им составлена инструкция «О записывании произведений народного творчества».

Уральские писатели активно печатались в столичных журналах. «Подлиповцы» Ф.М. Решетникова, «Порченая» и «Как жили в Куморе» А.А. Кирпищиковой изображали народную жизнь со знанием быта и психологии населения. Общественное значение имели романы Ф. Решетникова из горно-заводского быта: «Горнорабочие», «Где лучше», «Глумовы».

Ведущей фигурой на Урале последних десятилетий XIX в. был Д.Н. Мамин-Сибиряк, получивший всероссийскую известность. Он явился обновителем жанра социального романа, обогатил его новыми принципами изображения психологии разных групп уральского населения.

На рубеже XIX-XX вв. русские писатели Урала отразили модернизационные процессы, происходившие в недрах народной жизни. Писатель-народник А.С. Погорелов-Сигов в романе «Перед грозой» (1899), повести «Мрак» (1895), «Аликеев камень» (1905) вывел разные типы заводской интеллигенции, определявшей свое отношение к социальной борьбе. А.Т. Туркин, И.Ф. Колотовкин, Б.А. Тимофеев в своих произведениях отразили типичные социальные конфликты, трудовую жизнь низов, психологию народа и интеллигенции. Географ, путешественник и журналист К.Д. Носилов в ряде сборников рассказов и очерков обратился к жизни коренных народов Урала – хантов, манси, ненцев. Жизнь башкирского народа, его быт и культура привлекли внимание В.В. Брусянина, Н.А. Крашенинникова, М.А. Федорова. Заметно оживает и поэтическая жизнь. В период 1893-1917 гг. в разных городах Урала вышло более 20 книг стихов, среди авторов – Е.С. Голова (Е. Гадмер), Н.Ф. Новиков, П.И. Заякин-Уральский, Ф.Ф. Филимонов.

2. Развитию литературы на Урале в начале 1920-х гг. способствовали периодические издания нового направления – «Красные зори», «Красный труд», «Юный пролетарий». Центром собирания писательских сил региона стал журнал «Товарищ Терентий». Здесь дебютировали А.П. Бондин и П.П. Бажов. Значительную роль в развитии литературы Урала сыграли приезды в регион Д. Бедного, А.В. Луначарского, В.В. Маяковского. С Уралом связано начало литературной деятельности А.П. Гайдара, работавшего в 1925-1927 гг. в газете «Звезда» (Пермь) и «Уральский рабочий» (Свердловск). Активно шел процесс консолидации местных литературных сил. Оживает деятельность Уральской ассоциации пролетарских писателей (УралАПП); создаются литературно-художественные журналы – «Штурм», «Буксир». Первый Всеуральский съезд литераторов (июнь 1934) оформил создание Уральского отделения Союза писателей СССР.

Активно развивается и национальная литература. Обновление содержания, форм и жанров башкирской литературы в послеоктябрьский период начинается со сборника С. Кудаша «Песни свободы», «Красное знамя» М. Гафури, «Молодой Башкортостан» Ш.Бабичи. Значительную роль в развитии башкирской литературы сыграли литературно-художественные журналы «Юны юл» («Новый путь»), «Белем» («Знание»), «Янылык» («Новости»). Возникают и творческие организации: Объединение поэтов Башкирии (1923), Башкирская ассоциация пролетарских писателей (1927), Союз писателей Башкирии (1932).

После Октябрьской революции 1917 г. в соответствии с планами развития национальных культур обогащается литературная жизнь Удмуртии. 31 октября 1918 г. вышел первый номер газеты «Гудыри», а уже 21 декабря 1921 г. состоялся первый съезд удмуртских писателей. В феврале 1926 г. вышел первый номер литературно-художественного журнала «Кенеш» (с декабря 1931 – «Пролетар кылбурет удасын», с 1935 по настоящее время – «Молот»). В 1926 г. была создана Всеудмуртская ассоциация революционных писателей, с 1931 – Удмуртская ассоциация пролетарских писателей, в 1933 – организован Союз писателей Удмуртии.

Ведущей темой в творчестве писателей Урала в 1930-е гг. стал процесс социалистических преобразований, индустриализации и коллективизации в крае. Жизнь деревни нашла отражение в романах О. Марковой «Варвара Потехина» и Б. Гранина «Стручок». Выдающимся произведением русской литературы стала «Малахитовая шкатулка»

П.П. Бажова. Сказовые традиции Бажова были продолжены в творчестве С. Власовой, Н. Гребенщикова, С. Черепанова.

В национальной литературе в 1930-е г. на первый план выходит проза. Писатели осваивают приемы психологического анализа, изображения внутреннего мира героев. В поэзии 1930-х гг. преобладают стихи о социалистическом строе. Противопоставление драматического прошлого удмуртского народа и современности легло в основу поэм М. Петрова, А. Лужанина, пьесы которых составили основу репертуара удмуртского национального театра, созданного в 1931 г.

Своеобразие литературной жизни Урала в годы Великой Отечественной войны обусловлено пребыванием в крае большой группы известных писателей, главной темой творчества которых стал подвиг тыла (Ф. Гладков, А. Караваева, Ф. Панферов и др.). Новаторский характер носил цикл очерков М.Шагинян «Урал в обороне». Коллективные сборники «Уральцы в боях за Родину», «Мы с Урала», «Непобедимый народ», «Говорит Урал» раскрывали трудовые свершения уральцев, напряженную жизнь края, его роль и место в борьбе с фашистским нашествием. Единство фронта и тыла как источник победы, пристальный интерес к жизни рабочего класса характеризовали новые сказы П.П. Бажова, творчество И. Ликстанова, К. Мурзиди, О. Марковой, Б. Михайлова, Н. Поповой. Веру в неминуемую победу над врагом выражали поэма «Невидимка» и стихи Б. Ручьева.

Тема Урала, уральский материал и характеры уральцев привлекали многих известных писателей. Годы эвакуации, проведенные А. Пановой в Перми, нашли отражение в ее повести «Спутники» и «Кружилиха». А.А. Фадеев избирался депутатом Верховного Совета СССР от Оренбургской области, в начале 1950-х гг. жил на Южном Урале и работал над романом «Черная металлургия». Поездку на Урал совершил и А.Т. Твардовский (1949).

В послевоенные годы для литературы была характерна публицистичность, прямота оценок, недостаток психологического анализа, что было обусловлено давлением догматических принципов социалистического реализма. Тем не менее современная действительность активно осваивалась в жанре очерка (И.Акулов, Б.Рябинин, Н.Солдаткина). Лиризмом были отмечены стихи М.Пилипенко.

Активизация литературной жизни на рубеже 1950-1960-х гг. (период «хрущевской оттепели») выразилась в организации региональных журналов «Урал» (1957) и «Уральский следопыт» (1958), проведением ряда межобластных писательских семинаров, создании

новых литературных отделений Союза писателей в Кургане и Тюмени (1963). Интерес к истокам народного характера, традициям, истории лег в основу романов А. Крашенниникова «Горяч-камень» и «Мотовилиха», творчества А. Домнина, О. Марковой, Я. Резника и др. Устойчивый интерес читателей проявился к роману Е.Федорова «Каменный пояс»; исторической достоверностью и панорамностью изображения привлёк внимание роман Б. Барлака «Седая юность».

В это время наблюдается и новый этап развития национальной литературы. В Удмуртии переиздаются в оригиналах и переводах на русском языке книги писателей 1920-30-х гг. Ведущей темой прозы становится – исследование духовного мира современника, углубляются методы психологического анализа. Заметно стремление к монументальности изображения, жанрам диологии, трилогии и даже тетралогии (И. Гаврилов, Г. Красильников, Т. Архипов). В башкирской литературе интенсивно развиваются эпические жанры З. Биешева, Г. Ибрагимова, Я. Хамматова. В репертуар театров приходят психологические драмы, комедии и трагедии И. Абдуллина, А. Анатбаева, А. Мирзагитова.

В 1960-1980-е гг. в развитии литературы на Урале активно разрабатывалась тема труда как наиболее характерная для специфики регионального материала. Но заметно усиливается и звучание нравственных проблем (О.Коряков, В.Старилов, В.Николаев). С Уралом связано начало творческой деятельности выдающихся русских писателей второй половины XX в. В.П.Астафьева. Написанные им в период жизни на Урале повести «Стародуб», «Перевал», «Звездопад», «Кража» отличает острота нравственно-психологических коллизий, глубина изображения народного характера. Русская литература в эти годы обретает полноту аналитического начала. Повести и рассказы В. Юровского, И. Ягана раскрывают процесс формирования личности, определения ею отношения к миру, испытания героев на добро и справедливость. Нравственные аспекты исследовал Н.Никонов. Победа идеалов добра, обостренность нравственных оценок отличают творчество лауреата премии Ленинского комсомола В.Потанина. Успехи литературы для детей и юношества были определены творчеством В. Крапивина. В поэзии Урала ведущим свойством выступала гражданственность (М. Гроссман, Л. Сорокин). Активную литературную деятельность вела Л. Татьяничева. Проникновенным лиризмом, обостренным вниманием к внутреннему миру лирического героя, точностью психологического портрета отмечено творчество А. Еранцева,

М. Никулиной, А. Решетова; с начала 1990-х гг. активно заявили о себе молодые поэты Ю. Казарин, В. Кальпиди, драматург Н. Коляда.

Накопленный опыт и традиции служат основой развития современной национальной литературы. Значительны успехи башкирского литературоведения: изданы 6-томная «История башкирской литературы», монографии о творчестве ведущих мастеров, книги по теории литературы, сборники критических статей.

3. Большую роль в развитии краеведения в целом и литературного краеведения, в частности, играют музеи. Литературные музеи – научно-исследовательские и научно-просветительские учреждения, осуществляющие собирание, хранение и экспозицию (экспонирование) материалов о жизни и творчестве писателей или об историко-литературном процессе в целом.

Первые литературные музеи появились позже краеведческих: замысел создания музея А.С. Пушкина возник в 1837 г., а его реализация осуществилась лишь в 1889 г., хотя в 1879 г. была открыта библиотека Царскосельского лицея. До 1917 г. в стране были открыты музеи М.Ю. Лермонтова (в Петербурге – 1883г.; в Пятигорске – 1912 г.); Л.Н. Толстого – в Москве и Петербурге (1911).

Большинство ныне функционирующих литературно-мемориальных и историко-мемориальных музеев в СССР было открыто после 1917 г. В частности, это были: дом-музей чувашского поэта К.В. Иванова в с. Слак Башкирской АССР (1939); музей Д.Н. Мамина-Сибиряка в Свердловске (1940); дом-музей народного поэта Башкирии М. Гафури в г.Уфа (1948); музей-квартира А.П. Бондина в Нижнем Тагиле Свердловской области (1959); музей Д.Н. Мамина-Сибиряка в пос.Висим Свердловской области (1959). Среди историко-литературных музеев - Музей писателей-уральцев (ныне – Объединенный музей писателей Урала).

Заслуживает особого внимания мемориальный дом-музей П.П. Бажова, автора знаменитой «Малахитовой шкатулки», открытый в Свердловске в 1969 г. к 90-летию со дня рождения писателя (угол ул.Большакова-Чапаева). Дом сохранен в первоизданном виде: с кабинетом писателя, столовой, детской комнатой, кухней, сохранились немногочисленные надворные постройки и сад. П.П.Бажов до 1950 г. в этом доме жил и работал, атмосфера дома сохранена до сих пор. В музее собраны многие издания книг писателя, позволяющие вести речь о читательском интересе и спросе к произведениям П.П. Бажова.

На родине писателя – в г. Сысерти Свердловской области – музей был открыт в 1982 г.

В 1975 г. в г. Магнитогорске Челябинской области (ул. Ленина, 69) в обычной городской квартире открыт мемориальный музей-квартира поэта Б.А. Ручьева. Благодаря жене поэта Л.Н. Ручьевой, здесь сохранены книги, письма, автографы и книги многих известных и мало известных писателей: В. Очертина, А. Жарова, Н. Брауна, С. Орлова, Д. Ковалева, В. Кулемина.

В 1980 г. при Уральском государственном университете им. А.М. Горького был открыт Музей книги. До этого события были созданы решением Археографической комиссии АН СССР (Уральское отделение) Археографическая экспедиция (1973 г.) и археографическая лаборатория. В результате экспедиций в Музее сосредоточено большое количество редких книг XVI-XIX вв. – рукописей, старопечатных книг, имеющих непреходящую ценность.

Опыт работы УрГУ на базе Музея книги и археографических экспедиций «материально» закреплен в издании редкого по оформлению и содержанию «фолианта» - «Книги старого Урала» (Свердловск, 1989). По мнению Н.Н. Покровского, «исследование истории древней книги вывело уральских археографов на многие проблемы общей истории, краеведения, литературоведения, истории живописи».

В Пермской области в с.Троица был открыт дом-музей В.В. Каменского в 1981 г. В. Каменский – один из тех поэтов, чье имя чаще всего присовокупляют к имени В.Маяковского футуристического периода его творчества. Большинство читателей вряд ли помнят статью А.В. Луначарского «В.В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности» (1933). Автор не только вспоминает о первой встрече с Василием Васильевичем и Владимиром Владимировичем Маяковским, дает характеристику его поэзии, но и подчеркивает неразрывную связь поэта с Уралом: «Он не только верит в то, что в его уральском камском нутре всегда лежит, словно залежи самоцветов и бурмитского зерна, неисчерпаемый запас подлинных, из почвы идущих слов, но вообще не боится манипулировать словом»; «Все знают, что он уралец. Одним своим корнем он ушел в уральские шахты (его отец был штайгер), другим – в дорогую Каму (его дед был судовщиком); всем известно также, что он от природы был бунтарь и что во время беспорядков тагильские рабочие выбрали его своим «президентом», за что они сидел больше года в тюрьме».

В 1991 г. в Свердловске (ул. Пролетарская, д.6) к 150-летию со дня рождения Ф.М. Решетникова, известного писателя, автора повестей «Подлиповцы», «Между людьми», серии романов из жизни рабочих «Горнорабочие» (1866), «Глумовы» (1866-67), «Где лучше?» (1868) – был открыт литературно-мемориальный дом-музей писателя, там же воссоздан интерьер почтового быта середины XIX в.

Одним из последних музеев, открытых в Свердловской области, можно считать Литературный музей С.П. Щипачева, созданный в г. Богдановиче в 1994 г. Поэт родился недалеко от города в д. Щипачи. В настоящее время дом не сохранился, поэтому, когда вдова С.Щипачева предложила перевезти на родину из Переделкино кабинет поэта, земляки восприняли это как огромный дар. В обычной квартире пятиэтажного дома нашли место для мемориальной части музея-кабинета, небольшой лекционной комнаты и зала с экспозицией о жизни и творчестве С.П. Щипачева. Имя поэта включено в программу «Литература Урала». Литературный критик В. Дементьев в книге «Фрески» исследует творческий путь С.Щипачева, подчеркивая, что в 1930-е гг. именно Щипачев стал зачинателем советской философской поэзии. В. Перцов в короткой заметке «Степан Щипачев (новая встреча с поэтом)» пишет: «История с большой буквы стала предметом лирики – чудесная традиция нашей поэзии, столь сильно выраженная в Маяковском, но как по-разному, по-своему она находит себя у разных поэтов! В «Дорожных заметках», в «Окнах интерната» - путевых раздумьях Степана Щипачева, очерках о свидании с родным Зауральем последних лет читатель встретит и «завод огнеупоров», и «свинофермы дежурные огни», и ту же речку Полдневку из детства поэта, которую читатель полюбил и сделал своею». Свидетельством интереса к творчеству поэта послужил один из выпусков литературно-художественного альманаха «Серебряная Елань», приуроченный к 100-летию С. Щипачева и 5-летию Литературного музея поэта.

Большую исследовательскую и популяризаторскую работу ведет Свердловский музей имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, основной целью которой считает «хранение и популяризирование богатого наследия Урала». В музее проводятся юбилейные выставки, встречи, «Дергачевские конференции».

4. Большой интерес для исследователей представляет такая проблема как изучение вклада исторических и литературных деятелей в развитие литературного краеведения.

Видным представителем русского Просвещения XVIII в. и отечественного краеведения называют В.Н. Татищева (1686-1750), создавшего многотомную «Историю Российскую с самых древнейших времен», а также много работавшего над созданием первого энциклопедического словаря России – «Лексикон Российский» (1744-1745).

Имя адъютанта Академии наук И.И. Лепехина (1740-1802), выходца из низов, получившего блестящее образование (доктор медицины) интересно нам не только потому, что он талантливо описал свои исследования в книге «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» (1770), но является одним из авторов «Словаря Академии Российской», «впервые систематизировавшим данные о русском языке того времени и его истории».

Филантропы и меценаты Демидовы, не считаясь с расходами, собрали к концу XVIII в. несколько замечательных библиотек и уникальных коллекций памятников русского и западноевропейского искусства. «Мода» на просвещение, установившаяся при русском дворе в первые годы царствования Екатерины II, побудила тщеславного уральского заводчика искать знакомства с Вольтером, покупать редкие книги и картины и, наконец, предпринять трехлетнее путешествие по музеям и библиотекам западноевропейских стран (17 марта 1771 г.-22 ноября 1773 г.). Потомки Демидова (в частности его сын – Николай Никитич) пожертвовал книги, подаренные отцом, Выйскому горнозаводскому училищу (в 1806 г.). Судьба Выйской библиотеки решилась в 1854 г.: 525 книг было передано в Нижнетагильскую публичную библиотеку. В годы Гражданской войны белочехи увезли в Сибирь 12 ящиков роскошной заводской библиотеки. В 1934 г. оставшиеся книги передали в Уральский институт марксизма-ленинизма (Свердловск).

Книжные собрания находились не только в больших городах. В первой половине XIX в. достопримечательностью г. Верхотурья была библиотека купца Я.Я.Кузнецова. Это было одно из наиболее крупных книжных собраний на всей территории Урала. Наибольший порядковый номер, который удалось обнаружить исследователям – 1891 (количество томов). Большинство книг, представленных в библиотеке Кузнецова – издания московских и петербургских типографий. В основном купца Кузнецова интересовала история России XVIII-XIX вв. Из художественной литературы 60% были переводами английских, французских и немецких авторов: Жанлис, Радклиф, Лафонтен.

На рубеже XIX-XX вв. русские писатели внесли свой вклад в становление литературного краеведения: А.Н. Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву»); Н.М. Карамзин («Письма русского путешественника», ставшие своеобразным прологом к «Истории государства Российского»). А.С. Пушкин, работая над «Капитанской дочкой» и «Историей Пугачевского бунта», не только пользовался краеведческими материалами академических экспедиций, но сам побывал в Оренбуржье, изучал историю Южного Урала, записал фольклорные произведения этого края.

Самым, пожалуй, известным уральским краеведом, фольклористом, писателем и диалектологом, можно считать В.П. Бирюкова, чья исследовательская деятельность продолжалась более 60 лет. А.А. Шмаков в предисловии к книге Бирюкова «Записки уральского краеведа» писал: «Знаток истории края, Владимир Павлович, как летописец, сумел и успел записать ее движение, отметить ее вековую поступь». В.П. Бирюков является автором большого количества книг, статей: «Дореволюционный фольклор на Урале», «Исторические сказы и песни», «Литературное наследство Урала», «Поэты второй половины XIX в.». С 1973 г. в Челябинске проходят научные Бирюковские чтения, главной задачей которых является – «обобщение и популяризация всего нового, что будет накапливаться в краеведении Урала». За эти годы собран обширный материал, дающий импульс для организации краеведческой работы в регионах Урала и Зауралья (открыты школьные литературно-краеведческие музеи в г.Кургане, Шадринске, Челябинске).

О роли книги в жизни каждого образованного человека написано и сказано много. Но не менее важно познакомить читателя с историей книжной культуры Урала, с историей появления уральской книги.

В наше время центром изучения литературы Урала стал Екатеринбург с его двумя университетами, местными издательствами, большим коллективом вузовских и школьных преподавателей-ураловедов, которые занимаются созданием учебных программ, составлением хрестоматий, книг для чтения, являются авторами учебного пособия «Литература Урала», организуют научно-практические конференции. В Пермской, Тюменской, Челябинской областях также продолжается активная работа по дальнейшему изучению литературного творчества края.

Уральские ученые, исследователи, представители духовной элиты Урала продолжают великое дело сохранения в людской памяти памятников культуры родного края и распространения знаний об Отечестве.

Вопросы:

1. Что изучает литературное краеведение?
2. Особенности развития литературного краеведения на Урале в советский период?
3. Вклад музеев Урала в развитие литературного краеведения?
4. Деятельность уральских меценатов, писателей?

Литература:

- Вопросы работы музеев литературного профиля. М., 1961.
- Выдающиеся уроженцы и деятели Кировской обл.: Рекоменд. указ. лит. Вып. 5. Литература / Сост. И.Н. Войханская, В.Г. Пленков. Киров, 1962.
- Книги Старого Урала. Свердловск, 1989.
- Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справочник / Сост. Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. Пермь, 2000.
- Литературная жизнь Удмуртии: Библиогр. указ. / Сост. Л.И. Егорова, М.П. Калина, М.М. Самсонова. Ижевск, 1980.
- Литературное Зауралье: Библиогр. указ. (Писатели и ученые Зауралья). Курган, 1983.
- Милонов Н.А. Литературное краеведение: Учеб. пособие. М., 1985.
- Молодые голоса в поэзии Челябинской обл. Творчество наших земляков: Указатель / Сост. В.В. Ильина. Челябинск, 1975.
- Писатели Пермской обл.: Биобиблиогр. справочник / Сост. Л.П. Вершинина, С.Д. Широкова. Пермь, 1962.
- Писатели Среднего Урала: Биобиблиогр. справочник / Сост. В.Т. Анашкина. Свердловск, 1965.
- Писатели Среднего Урала: Биобиблиогр. указ. / Сост. Л.И. Зыкова. Свердловск, 1986.
- Писатели Тюменской обл.: Биобиблиогр. указ. Свердловск, 1988.
- Писатели Удмуртии: Биобиблиогр. справочник / Сост. А.Н. Уваров. Ижевск, 1989.
- Урал литературный: Краткий биобиблиогр. словарь / Сост. А.А. Шмаков, Т.А. Шмакова. Челябинск, 1988.
- Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 1998.
- Янко М.Д. Литературное краеведение в школе. М., 1965.

ГЛАВА IX. ГЕНЕАЛОГИЯ

План:

1. Генеалогия, ее предмет и задачи
2. История генеалогических исследований
3. Основные источники по отечественной генеалогии
4. Методика генеалогических исследований

1. Термин «генеалогия» греческого происхождения, в дословном переводе – наука о происхождении. Предмет генеалогии, как вспомогательной исторической дисциплины (ВИД), достаточно дискуссионен. По одной точке зрения, в ее сферу входит только установление родства и основных жизненных вех. По другой, ее компетенция существенно шире: это и изучение карьеры, характера, собственности и т.п. Но тогда возникает опасность размывания предмета генеалогии, слияния ее с жанром исторической биографии.

Лучшее определение генеалогии по нашему мнению, дал известный советский историк В. Б. Кобрин: «Генеалогия – специальная или вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных родов, семей и лиц, выявлением их родственных связей в тесном единстве с установлением основных биографических фактов и данных о деятельности, социальном статусе и собственности этих лиц».

Тем самым генеалогия не отрывается от биографики и не смешивается с ней. Биографика – ВИД, изучающая жизнь, карьеру, изменение статуса, собственности значительных членов общества. Эти две научные дисциплины находятся в неразрывном единстве. При этом генеалогия акцентирует внимание на происхождение лица, а биографика – его деятельности.

Генеалогия расширяет источниковую базу работы, способствует созданию комплексного исследования. В частности, в истории средневекового общества генеалогический фактор имел большое значение практически во всех сферах жизни. Это определяет возможность плодотворного использования генеалогии в исследованиях по экономической истории, классовой и сословной структуры, политических и государственных учреждений, менталитету феодального общества. Причем в любом из этих направлений генеалогия может не только поставлять исходный материал для дальнейших обобщений,

но и служить путеводной нитью исследования, предлагая специфические методы познания исторических процессов. Генеалогия помогает овладеть методикой работы с разнообразными, достаточно специфическими источниками.

При работе с источниками личного происхождения зачастую только знание родственных и семейно-брачных связей позволяет выявить, что различные документы относятся к одному роду. Генеалогические сведения дают возможность вместе с другими фактами опознавать адресатов и отправителей писем, не имеющих точной атрибуции.

Генеалогия отвечает естественному интересу людей к прошлому своей семьи, рода, потребностям восстановления прерванных традиций. Это особенно актуально для нашей страны, увлекавшейся лозунгом «разрушения до основания». Генеалогия обращена к общечеловеческим ценностям родства, старшинства, закономерной связи поколений и соответствующих им этических и правовых норм, выработанных в глубине веков и ныне обретающих новое качественное содержание.

В настоящее время она развивается и как междисциплинарное направление, отражающее возросший историзм общественного сознания эпохи. В современной генеалогии находят широкое применение достижения и методы других дисциплин, причем не только исторических: генетики, математики, психологии.

Наряду со специалистами широкое участие в генеалогических исследованиях принимают «любители» – люди самых разных профессий. Поэтому в определенном смысле можно говорить о феномене генеалогии.

2. Генеалогия – одна из древнейших наук. Интерес к своему происхождению был присущ человеку изначально. Генеалогия прошла в своем развитии два этапа: практический и научный. Она возникла из практических потребностей правящих кругов, нуждающихся в закреплении своих родственных отношений по целому ряду причин: необходимость точного определения места лица на лестнице социальной иерархии; разрешения проблем наследования власти (династическое право), титула, дворянства, имущества и т.п.; практики заключения браков.

Первыми профессиональными знатоками генеалогии в Западной Европе были герольды. Путешествуя от одного феодального дво-

ра к другому, они собирали информацию о происхождении и родословию различных представителей дворянства. Именно они давали соответствующие справки на рыцарских турнирах: право участия в них получали только те, чьи предки в четырех поколениях были свободными людьми. Герольды же составили старейшие в Западной Европе родословные книги.

Подлинный расцвет генеалогии в Западной Европе приходится на XVI–XVIII века. Появились справочные пособия, излагавшие методику составления родословных, первые генеалогические коллекции, рассчитанные не на конкретного заказчика, а на использование их специалистами. В тот период времени стали закладываться и основы научной генеалогии: критическое изучение документальных актов, мемуаров, вещественных памятников и других материалов, на которых основывались родословные, обязательность подтверждения каждого из положений ссылками на источник.

На Руси генеалогические известия имеются уже в летописях. В них содержатся перечни предков одного лица, определяющие его происхождение. В XV в. на Руси появились первые родословные указания, в XVI в. – первые родословные книги и росписи.

Значительную роль в генеалогических изысканиях на Руси играло духовенство. Ведь Русской Православной церкви (РПЦ) многие века отводилась ключевая роль в семейно-брачном праве. Она безусловно запрещала браки в кровном родстве по прямой линии вообще, а по боковым линиям, вплоть до начала XIX в., до 6–7 степени родства включительно (уровень троюродные братья-сестры). Это объяснялось как генетическими (неполноценное потомство), так и нравственными (сомнительны с моральной точки зрения) соображениями. В странах, где господствовало католичество, нормы были мягче: разрешались даже браки двоюродных брата и сестры.

Генеалогические аспекты семейно-брачного права накладывали глубокий отпечаток на самые различные стороны жизни населения. Естественно, что на практике по различным причинам церковное брачное право применялось далеко не всегда. В России зачастую делались исключения из его норм в сельской местности, где выбор женихов и невест был ограничен.

Вместе с тем известны многочисленные случаи применения церковного права со всей возможной строгостью. Это происходило тогда, когда нарушения в этой области получали огласку и делу давали официальный ход. В таких случаях «неправильные» браки запре-

щались или признавались недействительными, а родившиеся в них дети объявлялись незаконнорожденными, со всеми вытекающими отсюда подчас драматическими последствиями.

Впервые в России вопрос о целях и задачах генеалогии в исторической науке поставил В. Н. Татищев во второй четверти XVIII века. Он поместил родословные таблицы в приложения к своему масштабному исследованию «История Российская». Подобной практике стали следовать и другие известные российские историки.

Окончательно же генеалогия оформилась в научную дисциплину в нашей стране на рубеже XIX–XX веков. В 1898 г. в Санкт-Петербурге было создано Русское генеалогическое общество (РГО), а в 1904 г. в Москве – Историко-родословное общество (МИРО). Второе было более демократичным по составу, допуская в свой состав и недворян. Оба общества издавали свои периодические издания: «Известия РГО» (до 1917 г. вышло 4 выпуска) и «Летопись МИРО» (44 выпуска).

Научная генеалогия имеет два основных направления исследований: теоретическое (теория и методика исследований) и прикладное (история конкретных фамилий, родов и т.п.). Огромный вклад в ее развитие внесли Л. М. Савелов и Н. П. Лихачев.

Они были в числе активных организаторов вышеназванных обществ. Кроме того, Савелов составил обширный библиографический справочник, начал читать специальный лекционный курс по генеалогии, в котором разработал методику генеалогических исследований. Лихачев стал основоположником критического источниковедческого изучения русских родословных книг.

После Октябрьской революции наступил долгий упадок в отечественных генеалогических исследованиях. Ведь до 1917 г. классическая генеалогия ограничивалась в основном изучением дворянских родословий. Поэтому она фактически была объявлена чуждой наукой. Оба столичных общества были закрыты, многие видные генеалоги оказались в эмиграции.

Частичная «реабилитация» генеалогии в нашей стране началась с конца 1950-х годов. Постепенно она вошла в состав учебных курсов по ВИД, стали выходить специализированные статьи, сборники и монографии. Генеалогические сюжеты стали яркими частями исследований А. И. Аксенова по купечеству, А. А. Введенского – роду Строгановых, А. А. Зимина и В. Б. Кобрина – правящей верхушке XVI в.,

Н. И. Павленко – металлургическим заводовладельцам XVIII в., Н. Я. Эйдельмана – декабристам.

Специалисты же по истории советского общества особо не жаловали генеалогические изыскания. Они могли привести к нежелательным для них результатам. В частности, в середине 1960-х гг. печальными последствиями завершились разыскания известной писательницы М. Шагинян по родословию В. И. Ленина. Найденные в архиве Житомира документы о том, что его дед по материнской линии был крещеным евреем, были срочно перемещены в Комитет государственной безопасности (КГБ), причем без оставления копий. Их публикация была запрещена с формулировкой, что это «не прибавит авторитета ни В. И. Ленину, ни еврейскому народу». Официальная наука всегда заявляла о великорусском происхождении «вождя мирового пролетариата». Только в постсоветский период в нашей стране было издано капитальное научное исследование по генеалогии В. И. Ленина (Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб., 2004).

Генеалогическое изучение советского периода ограничивалось в основном публицистическими очерками о трудовых династиях и приписыванием аппаратчикам пролетарского происхождения. Отметим такой своеобразный факт: если до Октябрьской революции многие стремились зависить социальный статус своих предков, то в советских анкетах и автобиографиях несомненна тенденция к его намеренному занижению.

С конца 1980-х гг. в нашей стране начался настоящий генеалогический «бум». Генеалогические изыскания развернулись на различных уровнях как профессиональной науки, так и широком кругу любителей. Они связывались в общественном сознании с переосмыслением опыта прошлого, духовным и культурным возрождением. Определенную роль играет и возможность получения значительного финансирования со стороны организаций и частных лиц.

Периодически собираются различные, в том числе и международные, генеалогические конференции. Регулярно издаются книги, пособия и методические разработки для специалистов и любителей. Начаты масштабные работы по переводу генеалогических данных в цифровой формат.

В связи с этим возникла проблема доступа к генеалогическим базам данных, созданным в государственных учреждениях. В зару-

бежных странах за это обычно взимается небольшая плата, но к созданным базам прилагается качественный инструментарий.

Наряду с двумя возрожденными дореволюционными (с 1990 г. Историко-родословное в Москве, с 1991 г. Русское генеалогическое в Санкт-Петербурге), активно действуют и новые генеалогические общества. При Российской национальной библиотеке создан Институт генеалогических исследований. Многие из генеалогических обществ имеют свои периодические издания: сборники или журналы.

На Урале важным генеалогическим центром стала Пермь. Здесь возникло наиболее крупное из обществ – Пермская ассоциация генеалогов-любителей (АГЛ), которая даже претендовала на объединение любителей генеалогии всей России. Однако вскоре она фактически распалась на несколько коммерческих групп. Государственный архив Пермского края (ГАПК) осуществляет самые масштабные программы в регионе по оцифровке источников, содержащих генеалогическую информацию.

В Свердловской области генеалогическое движение пытается реализовать свои амбициозные проекты. В начале 1990-х гг. в Екатеринбурге действовал международный «Центр генеалогических исследований». Он несколько лет издавал ежеквартальный двуязычный (на русском и английском) научный журнал «Историческая генеалогия».

В настоящее время в Екатеринбурге действуют два специализированных общества: Уральское генеалогическое (УГО) и Уральское историко-родословное (УИРО). Они поставили перед собой различные цели и задачи.

УГО, возникшее в 1991 г., работает по клубному принципу и объединяет людей, занимающихся преимущественно родословием своих семей и вопросами близкими к этой проблематике. Они регулярно собираются на заседания, где делятся результатами исследований. Это общество имеет свое периодическое издание – «Сплетались времена, сплетались страны...».

УИРО было создано в 1995 г. 11 членами УГО, как отделение Московского ИРО. Его участники имеют более широкие исследовательские интересы. Они выходят на региональные и общероссийские проблемы в области генеалогии и смежных ей ВИД (геральдики, эмблематики и др.). Это общество придерживается других форм работы: проводятся только отчетные и тематические собрания, в том числе и выездные в городах области. Члены УИРО, в том числе из других регионов России, подразделены на почетных, действительных и сорев-

нователей. Общество также имеет свое периодическое издание – «Уральский родовед».

Генеалоги Свердловской области ведут активную просветительскую деятельность. С 2001 г. в Екатеринбурге ими ежегодно проводится научно-практическая конференция. С середины 2000-х гг. различные генеалогические общества действуют и в некоторых городах Свердловской области.

Генеалогические исследования развиваются и в крупных научных центрах региона. Так, в 2014 г. на историческом факультете Уральского федерального университета (УрФУ) создан Международный центр демографических исследований (МЦДИ). Эта научная лаборатория заявила о необходимости широкого сотрудничества с генеалогами.

3. Исследователи, работающие в области генеалогии, используют разнообразные исторические источники. Источником может служить практически любой памятник, содержащий какие-либо сведения об исторических лицах и их биографиях или даже просто упоминающий его имя. Между тем ряд из них имеет специфически генеалогический характер или используются специалистами наиболее часто. Остановимся на наиболее значимых.

Родословные книги являются наиболее типичным генеалогическим источником. Их частные варианты появились на Руси в конце XV века. Первая официальная родословная книга («Государев родословец» середины XVI в.) состояла из 43 глав, каждая из которых была посвящена отдельному роду. Таким образом, в ней отражен состав тогдашней высшей аристократии. Последняя официальная родословная книга в России (т.н. Бархатная) была создана в конце XVII века. Анализу этих ценнейших генеалогических источников посвящена монография М. Е. Бычковой.

Не менее ценным генеалогическим источником являются разрядные книги. Они стали своеобразным памятником усердию московской бюрократии, связанным с таким специфическим российским явлением как местничество. Начиная со второй половины XV в. и до 1682 г. в Разрядном приказе велись записи назначений на все важные должности, а также мест, занимаемых служилыми людьми на некоторых официальных придворных церемониях. На их основании разрешались многочисленные местнические споры. Однако в 1682 г. местничество было отменено, а разрядные книги торжественно сожжены.

Специалисты вынуждены пользоваться либо их сохранившимися черновиками, либо списками, составленными частными лицами для собственных нужд.

Одна из главных проблем, возникающая при работе и с родословными росписями, и с разрядными книгами – это содержащиеся в них ошибки. Они связаны как с ошибками переписчиков, копирующих монотонный текст, так и намеренными искажениями с целью возвысить свой род или унижить другие. Поэтому необходимо тщательно сверять их разные редакции и списки.

Формулярные списки появились в России в начале XVIII века. Первоначально они составлялись по конкретным случаям: перемещение чиновника по службе, награждение и т.п., а в 1760-х гг. превратились в учетную форму по состоянию государственного аппарата.

При Николае I окончательно установились единые требования к формулярным спискам. В них после титульного листа помещалась обширная таблица, обычно на целый разворот или несколько (в зависимости от срока службы чиновника и т.п.).

В первой графе формулярного списка кроме фамилии, имени и отчества помещались сведения об имевшемся чине, происхождении, вероисповедании и возрасте. Только указ Правительствующего Сената от 31 января 1831 г. предписывал вписывать в послужной список не количество полных лет, а дату рождения. Однако на практике это реально не выполнялось.

Далее следовали графы о наличии недвижимой собственности, причем отдельно: родовой и приобретенной, а также отдельно, что получил за женой. Затем следовала самая обширная графа обо всем прохождении службы, начиная с получения образования и получаемом жаловании, в том числе чинопроизводстве и полученных наградах. Далее были графы об участии в военных действиях, наложении судебных приговоров или дисциплинарных взысканий, нахождении в отставке или отпуске и о том, способен ли к службе и заслуживает ли повышения. В последней колонке содержались краткие сведения о семейном положении (женат таким-то браком, холост, вдов), жене (фамилия, имя, происхождение, вероисповедание) и детях (имя, возраст, вероисповедание). У иностранцев вероисповедание чиновника, его жены и детей зачастую отличалось.

Все сведения о лице должны были быть приведены «со всею подробностью», основываться на документах, подтверждающих их точность. Для избежания ошибок список подписывался чиновником,

на которого он был составлен. Большинство исследователей сделали вывод о высокой степени надежности данных формулярных списков.

Значительное количество формулярных списков хранится и в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Причем сохранились и списки «низших» категорий, в частности мастеровых казенных заводов Урала. Но они составлялись в существенно усеченной форме. Послужные списки церковнослужителей назывались клировыми ведомостями.

Важным генеалогическим источником являются «ревизские сказки», составлявшиеся с целью точного подушного обложения податных сословий. В 1719–1858 гг. в России было проведено 10 ревизий, причем хронологически они распределены весьма неравномерно. «Приписные души» искали и после их окончания. Причем если вновь обнаруженные души учитывали, то умерших не исключали из учетных документов до следующей ревизии.

В ревизских сказках содержатся именные списки включенного в ревизию населения городов, сел и деревень с указанием состава семьи, сословного положения, возраста, национальности, рода занятий. С третьей ревизии была введена единая печатная форма сказки. Тогда же в них стали заноситься (для счета) и женское население податных сословий.

Материалы ревизий, как и документы церковного учета населения, являются уникальными источниками генеалогических сведений о представителях низших социальных слоев, которые, как правило, не фигурируют в других источниках. Именно они являются основным источником о движении народонаселения в России на протяжении XVIII – первой половины XIX века.

Особую ценность представляют документы церковного учета населения. Это, прежде всего, метрические книги, содержащие регистрацию церковных таинств: крещение, венчание и отпевание, соответствующих современным актам гражданского состояния: рождение (его дата также указывалась), заключение брака и смерть.

Первые неудачные попытки их введения в православных приходах были предприняты в Москве в 1666 году. Повсеместно начали вести метрические книги только с 1720-х гг., согласно положениям Духовного регламента 1722 года. Указ Синода 1724 г. впервые ввел графические формы и уточнил особенности их ведения. К концу 1730-х гг. удалось добиться наличия метрических книг во всех право-

славных приходах и обязательное представление сводных данных в Синод.

В начале метрической книги располагалась вводная часть, в которой указывалось, что где она прошнурована, ссылка на указ и должность того, кто ее должен вести. После этого следовало четыре таблицы: о родившихся, бракосочетавшихся, умерших и сводная. С середины XIX в. было введено раздельное ведение метрических книг по рождениям, венчаниям и смертям.

С 1830-х гг. сведения в метрических книгах весьма обширные: отдельно по мальчикам и девочкам для удобства. Здесь есть дата рождения и крещения, полное имя, сведения о родителях и восприемниках (крестниках) с их сословным положением, вероисповеданием, местом рождения, возрастом, местом рождения и «номером» брака.

До 1917 г. метрические книги велись духовными лицами приходских церквей. За правильностью их заполнения следили благочинные. Перед передачей в консисторию, с метрической книги делалась копия, которая оставалась на хранении в приходской церкви. Она использовалась для выдачи различных справок (выписей). В государственных архивах отложились в основном консисторские экземпляры метрических книг, а сохранившиеся вторые имеются в музеях и церковных организациях.

Достоверность данных метрических книг со временем увеличивалась, но вызывает сомнения специалистов. Это во многом объясняется «человеческим фактором»: плохой грамотностью, пьянством священников, предрассудками населения. Кроме того, существенную роль играл и природно-географический фактор: большая территория приходов, отсутствие дорог, морозы и т.п.

После Октябрьской революции регистрацией семейно-брачных отношений стали заниматься гражданские органы. Доступ исследователей к их документам крайне затруднен. В 2007 г. срок ведомственного хранения документов в Загсах увеличен с 75 до 100 лет.

В случае утраты метрических книг возможен поиск сведений в метрических выписях. Они составлялись на их основе по требованиям различных ведомств. Важным источником по родословию православной семьи являются составлявшиеся ежегодно исповедные росписи.

Церковный учет населения других конфессий в России начался существенно позже: католического – с 1826, мусульманского – с 1831, лютеранского – с 1832, иудейского – с 1835 года. С 1874 г. стали учитывать раскольников.

Сведения о чиновниках различных учреждений можно почерпнуть в «Адрес-календарях», издававшихся с 1765 г. и «Памятных книжках» (с 1827 г.). Монопольная привилегия на издание «Адрес-календарей», приносящая солидные доходы, до 1867 г. сохранялась за Академией наук. Причем сведения для «Адрес-календарей» собирались автономно, вне зависимости от других форм учета чиновничества. Поэтому многие из них неполны, т.е. не дают сведений обо всех чиновниках учреждения. Требуется их тщательная сверка с действующими в тот период Штатами государственных учреждений.

Для более поздних периодов важную роль играют надписи на могильных памятниках (некрополях), материалы переписей населения, автобиографии и анкеты. Некоторые из них опубликованы в различных сборниках. К сожалению, из первичным материалов всех отечественных переписей XX в. сохранились только выборочные фрагменты.

В целом восстановление недворянских родословных наталкивается на серьезные трудности. Для непривилегированных слоев общества не составлялись родословные книги, у них гораздо хуже сохранялись семейные документы, значительно позднее стабилизировались фамилии. Кроме того, среди крестьян и горожан-недворян больше носителей распространенных фамилий и соответственно однофамильцев, не состоящих в родстве. Поэтому случаи, когда недворянское родословие удастся восстановить более чем для четырех-пяти поколений, являются скорее исключением, чем правилом. Причем это практически всегда требует длительного и кропотливого труда.

4. Генеалогическое исследование следует начинать с тщательного анализа специальной литературы. Это позволит овладеть основными приемами и методами работы, принятой символикой. В методических пособиях подробно разбирается достаточно сложная терминология родства и свойства, широко употребляемая в обиходной речи (например, золовка – сестра мужа, деверь – брат мужа; сводные – происходящие от разных родителей и т.п.).

Начинающему исследователю желательно завязать сотрудничество с единомышленниками и специалистами. Оно позволит избежать типичных ошибок, повысит эффективность работы.

Если задачей исследователя является составление семейного родословия, то следует начинать с опроса родственников, знакомства с документами семейных коллекций. Большое количество и разно-

родный характер потенциальных данных делают необходимым их предварительную обработку и унификацию. Поэтому желательно сразу взять в соответствующих исследованиях или составить самостоятельно «генеалогическое досье» (универсальный набор пунктов, в зависимости от интересов, объема и возможностей получения информации). В соответствии с ним и проводится этот этап исследовательской работы.

Далее полученные сведения необходимо проверить и дополнить документами государственных и ведомственных архивов и музеев, частных коллекций. При фиксации всех полученных данных обязательна точная ссылка на источник информации.

Первичную работу удобно выполнять в форме картотеки, являющейся промежуточным видом родословия. При этом каждый выявленный член рода и собранные о нем сведения, в четком порядке в соответствии с пунктами «досье», заносятся на отдельную карточку. Каждая карточка должна находиться на своем месте в соответствии с принятой нумерацией.

Несомненными достоинствами картотеки являются: легкость внесения дополнений; возможность «рассыпать» ее в связи с выполнением какой-либо определенной задачи, например, прослеживания свойственных связей, а затем вновь быстро привести в порядок. По принципу картотеки разрабатываются компьютерные программы генеалогических исследований.

Вместе с тем у картотеки есть и явные недостатки. Она недостаточно наглядна и не может использоваться в качестве выставочного материала. Возникают определенные сложности в поиске нужного лица. Поэтому после накопления определенного объема материала следует переходить к составлению двух основных видов родословий: таблицы (схемы) и росписи.

Таблица (схема) – наиболее старый вид родословия. Его прообраз – генеалогическое древо. В древности знатный человек обычно рисовал своеобразное дерево, на стволе которого у корня помещались его имя и герб. Далее от ствола отходили две главные ветви, содержащие сведения об отце и матери, а также их гербы. Главные ветви делились на меньшие, содержащие сведения о более отдаленных предках. Постепенно к именам стали прибавлять сведения о рождении, браке, смерти, а гербы наоборот перестали изображать.

Возникновение и устойчивая популярность такой формы родословий не случайна. Генеалогическое древо было вариацией «мирово-

го древа» или «древа жизни», характерного для космологических представлений древнего мира и средневековья. Соответственно возник образ «древа человеческой жизни», в котором соединялись прошлое, настоящее и будущее, воплощенное в человеческих генерациях, торжествовала идея бессмертия, вечного продолжения жизни.

С XVI в. наиболее употребительной формой обобщения генеалогических сведений стали таблицы (схемы). Как и все родословия, они делятся на восходящие и нисходящие.

Генеалогические таблицы могут проследить родство по мужской, женской линиям или смешанное родство по обеим линиям. В восходящих сведения располагаются от определенного лица к его предкам. Этот вариант считается первоначальным видом родословия.

Наиболее употребительный в научной работе тип – таблицы нисходящего родства по мужской линии. Они включают потомство обоого пола, но происходящее только от мужчин. Потомство же женщин – представительниц рода – не указывается, ограничиваясь лишь фамилией и именем их супругов. Это определяется тем, что и земельная собственность, и социальный статус, и титулы передавались по мужской линии.

Смешанная таблица с указанием всех потомков по мужской и женской линиям, из-за своей сложности составляется редко, как правило, с какими-либо специальными целями. Внешний вид генеалогических таблиц может варьироваться: они бывают вертикальными, горизонтальными и круговыми.

Главным достоинством генеалогических таблиц (схем) является наглядность, позволяющая быстро находить интересующее лицо, устанавливать его родственные связи. Вместе с тем они имеют и свои недостатки. Такая форма вынуждает составителя быть чрезвычайно лаконичным, указывать лишь минимум сведений о каждом лице. В таблицы достаточно трудно внести дополнительные сведения.

Между тем в современной генеалогии наблюдается тенденция к насыщению родословия все большим количеством информации. Сюда предполагается включать портреты исторических лиц, сведения из их биографий, ссылки на источники. Таблица не дает этих возможностей. Кроме того, генеалогическая таблица может охватить около десяти поколений, редко – больше, так как в этом случае число лиц входящих в нее, приблизится к тысяче. Дальнейшее ее продолжение затруднит работу и создаст проблемы с изданием такого материала.

Поэтому исследователю рекомендуется создать и второй основной вид родословия: роспись. Она составляется поколенно. Каждому поколению присваивается порядковый номер – римская цифра. Каждый упоминаемый член также получает порядковый номер – арабскую цифру. При этом при упоминании детей справа обязательно помещается ссылка на отцовский номер. Таким образом, самый дальний из известных предков получает номер I. Его детям в порядке рождения присваиваются номера II, 1; II, 2; II, 3 и т.д.

В саму роспись, наряду с обязательными анкетными данными, могут заноситься всевозможные сведения о человеке: образование, прохождение службы, награды, сноски на источники и т.п. Таким образом, роспись, явно уступая схеме в наглядности, превосходит ее по количеству содержащихся в ней сведений.

В генеалогии сложилась устойчивая система нумерации, применяемая как в таблицах, так и в поколенных росписях. Для восходящих родословий используется нумерация, предложенная еще в XVII в. испанцем Х. Соса (система Соса-Страдонитца). Лицо, которое является объектом исследования, обозначается № 1, его отец и мать получают номера 2 и 3, родители отца – соответственно 4 и 5, родители матери – 6 и 7 и т.д. При этом четные номера всегда присваиваются мужчинам, нечетные – женщинам. Таким образом, номер отца всегда представляет собой удвоенные номера детей, номер матери – удвоенный номер детей +1. Эта нумерация проста и позволяет оставлять пропуски в родословной, когда имена прародителей неизвестны.

Нумерация в нисходящих родословиях сложнее, так как число детей в каждом поколении неодинаково, и здесь не соблюдаются математические закономерности. В этих случаях для обозначения порядкового номера колена используют римские цифры, а для нумерации детей внутри одного поколения – арабские. Номер I получает общий предок. Его детям в порядке рождения присваиваются: № I/1, I/2, I/3, содержащие, таким образом и номер их отца. Внуки от первого сына получают обозначения I/1/1, I/1/2; от второго сына – I/2/1, I/2/2 и т.д. Количество цифр в номере каждого лица указывает, к какому поколению оно принадлежит. Эта нумерация носит название системы Абвилля.

Учитывая, что каждый из видов родословия имеет свои преимущества и недостатки, полезно составить все из них. При этом естественно введенная нумерация членов должна быть одинаковой и в росписи, и в схеме, и картотеке.

Новой тенденцией в генеалогических исследованиях стало широкое применение компьютерных технологий. Так, широким коллективом специалистов создана компьютерная система «Русская генеалогия». В нее уже введены родословия российских фамилий с X по XX века. Здесь уже имеются сведения более чем о 300 тысячах человек, главным образом дворян. Планируется ее расширение и за счет представителей других сословий.

Таким образом, методика генеалогических исследований достаточно разнообразна, постоянно совершенствуется и может изменяться в соответствии с исходным материалом и целями работы.

Вопросы:

1. Покажите значение генеалогии в исторических исследованиях.
2. Определите особенности генеалогического движения на Урале.
3. Дайте характеристику основных источников по отечественной генеалогии.
4. Сравните преимущества и недостатки генеалогических картотек, таблиц и росписей.

Литература:

Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации (1917–1991 гг.). Справочное пособие. М., 2010.

Бычкова М. Е. Что значат имена родные? М., 2000.

Генеалогия и системы социального этикета // Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2000. С. 328–363.

Дмитриева О. В. Генеалогия // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.

Калистратова Э. Основы науки о родстве. Екатеринбург, 2001.

Онучин А. Н. Твое родословное древо. Практическое пособие. Пермь, 1992.

Романова С. Н., Глуховская И. И. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. – 1917 г.) // Вестник архивиста. 1998–1999. № 46–50.

Смирнов М. И. Компьютерная обработка генеалогической информации: возможности, результаты, перспективы // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999.

Уральская родословная книга. Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000.

ГЛАВА X. ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

План:

1. Из истории школьного краеведения.
2. Формы организации историко-краеведческой работы.
3. Школьный краеведческий музей.
4. Работа со школьниками над собственной генеалогией.

1. Система школьного исторического образования переживает сегодня серьезные перемены, которые связаны с попытками пересмотреть, оптимизировать структуру и управление, содержание и формы. Современная школа находится в поиске технологий обучения и воспитания, позволяющих ей решать стоящие перед образованием и обществом проблемы адекватной социализации личности. Значительную роль при этом может сыграть историческое краеведение, включенное в современные образовательные процессы. Использование краеведческого материала на уроках истории приобретает особую важность как фактор формирования исторического мышления школьников, познания истории местного края, национального самосознания и социализации личности в целом.

Одной из форм организации краеведения является школьное краеведение, когда изучением родного края занимаются учащиеся под руководством учителей. Историко-краеведческая работа в школе способствует осмыслению учащимися сложных тенденций развития страны в целом и родного края, в частности; причастности к историческому развитию своей Родины. В этой связи осмысление истории развития, понимание закономерностей и особенностей школьного исторического краеведения представляет теоретический и практический интерес.

Школьное краеведение в истории народного образования дело не новое. О необходимости изучать родной край и использовать местный материал в обучении и воспитании подрастающего поколения писали еще Я.А. Коменский, Г. Песталоцци, А. Дистервег и другие зарубежные педагоги и ученые. В России эту идею развивали В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, В.Г. Белинский, К.Д. Ушинский и др. На необходимость знакомить детей с окружающей жизнью трудом людей обращал внимание Н.И. Новиков. Он рекомендовал водить детей и показывать им как «обрабатываются многочисленные богатства

земли, как приготавливаются они к употреблению для пользы и удовольствия людей». Н.Х. Вессель утверждал, что «местный элемент составляет самый ответственный, ничем не заменимый и вполне достаточный материал для всестороннего развития способностей человека, а, следовательно, и для общего образования его». О важности привлечения местного материала при изучении исторических событий говорили многие передовые педагоги конца XIX - начала XX вв. (В. Волжанин, А. Кролюницкий, В.Я. Уланов). В 60-е гг. XX в. такой принцип обучения получил название «краеведческого». Его определение было сформулировано П.В.Ивановым: «под краеведческим принципом в обучении мы понимаем использование в учебном процессе, в связи с программным материалом, материалов о природе, труде, экономике, культуре, быденной жизни и истории края, с целью обогащения учащихся краеведческими знаниями, раскрытия значения, сущности и закономерностей, связей местных явлений и фактов на основе приобретаемых знаний по основам наук, выяснения их места и значения в природе или жизни местного края и в науке». В 70-е гг. XX в. в методике преподавания истории краеведческий принцип был назван А.А. Вагиным словом «подход». Под ним понимался «своеобразный способ отбора познавательного и воспитательного материала по истории современной жизни родного края».

Особенно активное развитие школьное краеведение получило после того, как в 1918 г. декретом правительства школа была объявлена трудовой. Новая концепция наиболее последовательно излагалась в документах: «Основные принципы единой трудовой школы», «Положение о единой трудовой школе», согласно которым, проблема освоения знаний ставилась в органической связи с конкретным реальным трудом, с практическим участием в местном производстве. Основные положения были направлены на широкое использование материала о трудовой жизни населения края на всех этапах обучения в школе 1 и 2 ступени (то есть обучение и краеведение понимались практически как синонимы).

В объяснительных записках к программам школ I ступени указывалось: «Третий год обучения носит преимущественно краеведческий характер...» Так как программам был придан схематический характер, то каждая школа должна была составлять свой план работы. Школьники самостоятельно изучали отдельные вопросы путем экскурсий, наблюдений, работы в архивах.

«Всплеском» развития школьного краеведения явился период 20-х гг. XX в., который С.О. Шмидт назвал «золотым десятилетием» краеведения. Обращение в эти годы к изучению своего города, села, края было связано с отменой урочной системы и введением комплексного преподавания. Получалось, что региональный материал являлся одновременно и объектом, и средством познания. Поэтому педагоги утверждали, что «в местном варианте внимание естественно обращается не на его специфические признаки, а на то, что в нем есть общего, родового». Комплексные программы создавали благоприятные условия для развития школьного краеведения: во-первых, давали возможность связывать всю учебную работу с окружающей действительностью, с современной жизнью, с преобразованиями в своем районе, области; во-вторых, обеспечивали более полное удовлетворение всех интересов, потребностей школьников, связывали их с теми социальными преобразованиями, которые тогда наблюдались; в-третьих, содержание комплексных программ, будучи ориентированными на изучение ребенком окружающей действительности, не было жестко регламентировано, а гибкость, вариативность, подвижность его давали возможность более свободного изучения родного края. Однако введение краеведения в комплексные программы школ не способствовало расширению объема знаний учащихся по основам наук, систематичности и последовательности их изучения.

На Урале в октябре 1924 г. состоялся II областной съезд деятелей краеведения Уральской области, который решил ряд организационных вопросов, в том числе, о развитии школьного краеведения. Съезд постановил организовать объединяющий и планирующий краеведческую работу орган – Уральское областное бюро краеведения (УОБК). За сравнительно короткое время своего существования (1924-1929 гг.) УОБК издало два сборника «Уральское краеведение» и несколько бюллетеней.

Изучение местного края в основном проводилось методами экскурсий двух видов:

1. Экскурсии в музеи, к памятникам истории и культуры, в соответствии с принципами и методами, характерными для искусствоведческой работы. В разработке научных основ экскурсионного дела принимали участие видные педагоги и искусствоведы: И.Э. Грабарь, Н.А. Гейнике, Ф.И. Шмидт, А.Б. Бакушинский, П.П. Блонский.

2. Исследовательские экскурсии, позволявшие наряду с посещением музеев, общеизвестных памятников истории и культуры, ор-

ганизовывать также поиск новых объектов, представляющих интерес для изучения. Развитием этого направления занимались И.И. Полянский, И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, М. Чернов.

В 1920-е гг. исследователи экскурсионного метода считали, что экскурсии должны носить активный характер. Во время экскурсий учащиеся выполняли исследовательские, проблемные задания. Ребенок превращался из стороннего наблюдателя в активного исследователя. Часть педагогов 1920-х годов (В. Всесвятский, Я.Г. Ярошевская) считали, что историческое краеведение позволяет направить деятельность учащихся на получение ими знаний в процессе самостоятельного исследования. Факт отсутствия самого термина исторического школьного краеведения, на наш взгляд, связан с ликвидацией в новых программах ГУСа курса истории как самостоятельного предмета и введением в 1921 году нового предмета - обществоведение.

В 1930-е гг. в стране начала складываться система образования, получившая впоследствии название традиционной. Разрабатывались предметные программы с четко ограниченным кругом систематизированных знаний. В центр образовательной системы были поставлены Знания, Умения, Навыки. Ослабло внимание методистов и учителей к проблемам связи школы с жизнью и трудовым обучением.

Новый подъем школьного краеведения наступил после Великой Отечественной войны. Краеведение в школе развивалось по двум направлениям: учебному (предусмотренному программой) и внеклассному (внепрограммному). С 1948 г. в пояснительных записках к учебным программам появляются рекомендации по увязке преподавания основных курсов с краеведением. В 40-50-е гг. XX века на первое место в обучении истории выдвигается воспитательная цель. Краеведение было признано эффективным средством воспитания патриотизма. Большой вклад в развитие школьного краеведения в эти годы внесли педагоги, историки - методисты - П.В.Иванов, А.А.Свечников, А.Е.Ставровский и другие. Были сформулированы принципы школьного краеведения, определены его виды и содержание.

Внеклассное краеведение приняло большой размах в связи с проведением Всесоюзных экспедиций комсомольцев, пионеров, школьников. Основной задачей этих экспедиций было изучение родного края в сочетании с посильной поисковой и исследовательской работой. По результатам этих экспедиций проводились Всероссийские конференции, из собранных материалов создавались экспозиции

школьных музеев. С 1956 по 1983 гг. прошло десять туристско-краеведческих экспедиций.

В 1970-1980-е гг. в отечественной педагогической науке произошло изменение образовательной парадигмы. На смену традиционной системе обучения, когда в центре внимания были знания, умения, навыки, пришла система развивающего обучения. Возродив столь популярную в 1920-е гг. идею исследовательского метода, как обязательного условия образования, развивающее обучение перестроило весь образовательный процесс, сделав предметом своего рассмотрения приобретенные учеником путем самостоятельного поиска новые знания. В связи с этим школьное краеведение вновь признали эффективным средством обучения и воспитания.

Подъему школьного исторического краеведения во второй половине 60-х гг. XX века способствовал переход страны на новые учебные программы по истории (1966-1977 уч.г.), а именно включение в программу по истории СССР тринадцати тем краеведческого характера «Наш край» по крупным периодам с древности до современности. В совершенствование системы школьного исторического образования внесло много принципиально нового историческое краеведение. Последовательное применение краеведческого принципа при изучении истории являлось одним из средств в решении образовательных и воспитательных задач. При этом на первый план были выдвинуты две научно-педагогические проблемы по школьному краеведению: 1) определить педагогические основы краеведческого принципа и его применения в процессе обучения; 2) наряду с общей методикой школьного краеведения разработать такие же методики по остальным учебным предметам. Такая постановка вопроса о школьном краеведении нацеливала учителей на восстановление и дальнейшее совершенствование лучших традиций педагогической мысли 20-х гг. по использованию местных материалов в обучении.

Важно отметить, что с введением в программы по истории СССР краеведческих тем в качестве обязательных компонентов значительно увеличилось количество изданий специальных пособий по истории местного края для учителей и учащихся. Написанные в соответствии с учебными программами, они давали полное представление о прошлом и настоящем родного края. В связи с этим следует отметить, что применение местного материала теперь являлось обязательным элементом обучения истории и не находилось в абсолютной зависимости от личного опыта и склонности учителя. Следовательно,

школьное историческое краеведение приобрело более целеустремленный характер, поскольку внимание учащихся сосредотачивалось, прежде всего, на наиболее важном в учебных целях материале и служило прочному усвоению системы знаний, определенных школьной программой.

Теоретическим проблемам школьного исторического краеведения на данном этапе посвящены труды А.Я. Вагина, П.В. Вагина, П.В. Иванова, Н.Н. Бескаравайного, И.С. Матрусова, Н.П. Милонова. В частности, не было единого мнения о том, к какой дидактической категории отнести школьное краеведение. Одни (П.В.Иванов, Ч.С. Матрусов, К.Ф. Строев) считали его принципом обучения, другие - краеведческим подходом (А.П. Вагин). Продолжается разработка понятий «край», «местный материал», «краеведческий материал» и т.п.

Анализ архивных материалов, статей в педагогических журналах, опыта учителей позволяет сделать вывод о том, что одной из характерных черт развития школьного исторического краеведения во второй половине 60-х - первой половине 70-х гг. как в общеобразовательных учреждениях на Урале, так и по России в целом является активное применение исторического краеведения во внеурочной деятельности. Так, в практике внеклассной работы по историческому краеведению в 1960-1980 гг. в школах Урала получили распространение такие формы, как краеведческие кружки, факультативы, экскурсии и туристические походы, организация краеведческих уголков и музеев.

В 90-е гг. XX века методическими основаниями к отбору содержания и структурированию курсов истории, наряду с традиционным формационным, были предложены цивилизационный и социально-региональный подходы.

Новые цели и подходы к отбору содержания и построению исторических курсов в школе потребовали и адекватных этой новизне средств, методов и приемов использования краеведческого материала на уроках.

В рассматриваемый период значительно расширили границы актуальности школьного краеведения, в том числе и учебного исторического, П.В. Иванов, Г.Н. Матюшин, Н.А. Милонов, Р.Р. Муниров. Утвердилось единое мнение учителей и учащихся о краеведении, определился понятийный аппарат школьного исторического краеведения.

В конце 1980 - начале 1990-х гг. в педагогической литературе появляется новый термин «региональный компонент» исторического образования. К основным структурным единицам регионального компонента исторического образования можно отнести факты местного значения, используемые в качестве дополнения при изучении основного курса истории, а также в качестве применения теоретических знаний, полученных в ходе изучения дисциплины. Под региональным компонентом исторического образования мы понимаем педагогически отобранный исторический материал в контексте базового содержания предмета истории, раскрывающий типичное и особенное в социально-экономическом, политическом и духовном развитии конкретного региона. Характерной особенностью 80-90-х гг. стало использование в педагогических кругах наряду с понятиями «краеведение», «школьное краеведение» понятий «народная педагогика» и «этнопедагогика».

В краеведческой работе учителей и учащихся также произошли значительные изменения. Модификация методов краеведческой деятельности проходила в направлении активизации познавательной деятельности учащихся, развития самостоятельности школьников в изучении и использовании краеведческих материалов, что особенно проявилось в постепенном переходе от репродуктивно воспроизводящих к творческо-поисковым и проблемно-познавательным, к активным методам более тесной связи школьного и внешкольного краеведения.

Школьное краеведение действенное средство связи школы с жизнью. Оно способствует развитию у учащихся познавательных интересов, помогает учителю активизировать учебный процесс, используя возможные межпредметные связи и проблемные ситуации в учебных темах. Краеведение развивает у учащихся наблюдательность, мышление, способствует увлечению наукой, воспитанию воли и других ценных качеств личности.

Массовыми формами приобщения детей к изучению родного края остаются экскурсии, экспедиции, туризм и создание школьных музеев. Данное направление сегодня объединено программой туристско-краеведческого движения учащихся «Отечество».

В Екатеринбурге в Областном методическом центре дополнительного образования «Дворец молодежи» действует отдел краеведения и туризма, который проводит большую работу, связанную с вовлечением учащихся к изучению родного края. В течение нескольких лет проводятся областные конференции учащихся, итогом которых

является издание сборника «Летопись уральских деревень». В сборниках публикуются рассказы, очерки, воспоминания старожилов, рисунки, фотографии – плоды исследовательской работы юных краеведов и учителей. Школьники выявляют особенности истории и культуры уральского края, изучают жизнь и деятельность земляков.

Таким образом, становление и развитие школьного исторического краеведения проходило в тесной связи с общественно-политической и социально-экономической жизнью страны, развитием науки культуры и было обусловлено задачами обучения и воспитания, стоящими перед общеобразовательной школой. Развитие школьного исторического краеведения на Урале является целостным поступательным процессом, состоящим из трех этапов.

Первый этап (1917 - первая половина 1960-х гг.) заложен фундамент дальнейшего развития школьного краеведения; определены его организационные формы и методы; начинается теоретическая разработка терминологического аппарата школьного исторического краеведения, определены основные направления историко-краеведческой деятельности.

Второй этап истории школьного краеведения (вторая половина 1960-х - первая половина 1980-х гг.) обусловлен усилением внимания к собственно истории и необходимостью более глубокого ее осмысления за счет включения в программу по отечественной истории краеведческих тем; значительная часть учителей в основе учебно-воспитательной работы по предмету видела систематическое изучение с учащимися местных материалов в связи с общим курсом истории России, при этом история «малой родины» составляла неотъемлемую часть системы знаний по отечественной истории; растет число публикаций по содержанию историко-краеведческой деятельности, обмену опытом и его обобщению; повышается профессиональный уровень руководства историко-краеведческой работы со стороны педагогов и органов народного образования.

Третий этап (вторая половина 1980-х – 2000-х гг.) - время расширения границ школьного исторического краеведения в связи с повышением внимания к вопросам этнокультуры, общечеловеческим ценностям; происходит модификация методов краеведческой работы в направлении активизации познавательной деятельности учащихся, развития самостоятельности учащихся в изучении и использовании краеведческих материалов.

2. Школьное краеведение может осуществляться через фрагментарное введение краеведческого материала в общеобразовательные предметы. Этот подход к краеведческому образованию исходит из принципа дидактики, заложенного Я.А. Коменским, который советовал идти в познании «от близкого к далекому», «от известного к неизвестному», «от простого к сложному». Практика свидетельствует о том, что использование местного материала на уроках как средства конкретизации не только не вызывает перегрузки учащихся, но и, наоборот, значительно облегчает усвоение учебного материала общеобразовательных предметов, делает знания учащихся более прочными и более глубокими.

Краеведческое образование учащихся может осуществляться через составление отдельного краеведческого курса. В истории народного образования такие курсы назывались по-разному: «отчизноведение» (Н.Х. Вессель), «отечествоведение» (К.Д. Ушинский), «родиноведение» (Н.Ф. Бунаков, В.Е. Глудзовский), «краеведение», «градоведение». В целом данные курсы носили характер комплексных. Так, Н.Х. Вессель в своей статье «Местный элемент в обучении» (1862 г.) указывает, что специальный предмет «отчизноведение» должен содержать три элемента: местная география, естествознание и история. В современной отечественной педагогике эти традиции продолжают в составлении комплексных курсов «Землеведение и краеведение», «Эколого-географическое краеведение», «Родной край» и др.

Внеклассная и факультативная работа по краеведению, в свою очередь, подразделяется на несколько основных форм:

- школьный кружок – позволяет организовать систематические занятия по определенной программе и с постоянным составом учащихся. Кружок не является продолжением классных занятий, а только базируется на знаниях, которые учащиеся получили на уроках.

- историко-краеведческий вечер помогает учащимся разнообразными средствами искусства (художественным чтением, музыкой, инсценировкой) эмоционально воспринять значение и содержание исторического события, факта, явления. Вечер должен преследовать образовательно-воспитательные цели, должен быть интересным, носить характер праздника. Новые знания на вечере сообщаются учащимся в форме игр, викторин, конкурсов.

- историко-краеведческие олимпиады и викторины – это соревнования учащихся в знаниях по истории села, города, края. Задания

могут охватывать как отдельные темы, так и весь комплекс краеведческой работы. Цель – заинтересовать учащихся знаниями о своем крае, стимулировать чтение краеведческой литературы, местной печати.

- историческое общество (клуб) – это высшая форма организации внеклассной работы. Нередко оно имеет свой девиз, эмблему, устав. Его члены разрабатывают программы деятельности, участвуют в организации других форм учебной, внеклассной и внешкольной краеведческой работы в школе.

- экскурсия – изучение местных объектов в их естественной обстановке. Такими являются экскурсии к историческим памятникам и памятным местам, а также историко-производственные экскурсии. Несколько иной характер имеют экскурсии в краеведческие музеи – там предметы как бы вырваны из их естественной обстановки и систематизированы по историческим эпохам.

- историко-краеведческие конференции отличаются научностью и академической строгостью. Обычно проводятся по итогам определенного периода исследовательской работы кружка, общества.

- школьный музей – естественный результат краеведческой работы: изучение литературы по краеведению, знакомство с историческими памятниками, памятными местами и интересными людьми, сбор материалов о них – создают условия, необходимые для существования музея, и приводят к его организации.

Внешкольная работа по краеведению проводится под руководством специально созданных учреждений дополнительного образования, которые имеют специально созданную для этого материальную базу и штат сотрудников-специалистов (Дома и Дворцы школьников, станции юных туристов). Эти учреждения организуют туристско-краеведческие походы, археологические и этнографические экспедиции, лагеря, слеты. Все формы организации историко-краеведческой работы близки принципиальным основам содержания, и педагогически продуманное, разумное сочетание этих форм – условие успешной организации и функционирования системы школьного краеведения.

Учебная экскурсия, как метод воспитания и как метод наглядного обучения, появилась в русской педагогике во второй половине XIX в. Разработка теоретических и методических проблем организации образовательных экскурсий связана с именами А.Я. Герда, В.В. Водовозова, Н.Ф. Бунакова, П.Ф. Каптерева. Однако долгое время

устройство экскурсий считалось прерогативой естественных дисциплин и лишь в августе 1916 г. Министерство народного просвещения издало циркуляр, которым разрешило организовывать экскурсии с учащимися преподавателям всех без исключения учебных дисциплин средней школы.

Образовательным экскурсиям придавали большое значение. По мнению Н.Березина, умственное воспитание во время экскурсии обеспечивается бессознательным восприятием ученика, сознательным наблюдением и приобретением знаний под руководством педагога: «Кроме тех полезных впечатлений и знаний, какие усваиваются в течение экскурсии вполне сознательно, огромное значение имеет все то, что воспринимается бессознательно и нередко всплывает впоследствии, вплетаясь в свое время и ряд логических ассоциаций. Эти впечатления представляют то умственное богатство, которое выносят из экскурсий, разумеется в различной степени, все ученики».

Экскурсии – коллективные посещения природных объектов или достопримечательных мест, предприятий, музеев с целью изучения и сбора краеведческого материала – широко распространенная форма организации историко-краеведческой работы.

По месту нахождения объектов экскурсии бывают ближними и дальними, а по характеру изучения материала и ознакомления и с ним – тематическими и комплексными.

Проведение каждой экскурсии состоит из трех этапов:

1) подготовка к экскурсии учителя и учащихся; 2) проведение экскурсии; 3) анализ и оформление полученного материала.

Подготовка учителя включает:

- определение темы, цели и места экскурсии;
- изучение и подготовка материалов, намеченных к использованию в ходе экскурсии;
- тщательное обдумывание методических приемов и маршрутов экскурсии;
- подготовка индивидуальных заданий для учащихся;
- продумывание проблемных ситуаций и подготовка заданий и вопросов, ответы на которые учащиеся получают в ходе экскурсии;
- предварительное сообщение учащимся темы экскурсии;
- решение организационных вопросов (предварительная договоренность с администрацией школы о проведении экскурсии; уточнение времени и места встречи с учащимися, вида транспорта, проверка оборудования и т.д.).

Подготовка учащихся состоит в предварительном знакомстве с темой, целью экскурсии, подготовке личного снаряжения (блокнот для записей или зарисовок и др.).

Проведение экскурсии включает информационную часть и рабочую. Информационная часть – это рассказ, объяснение учителя (экскурсовода в музее) на природе или объекте. Рабочая часть – деятельность учащихся: описание и зарисовка объектов, фотографирование, сбор коллекций (черепков керамических сосудов, предметов быта и др.).

Археологические экскурсии и экспедиции школьников.

Цель археологических экскурсий и экспедиций – изучение исторического прошлого края по вещественным источникам. Места обнаружения этих источников являются археологическими памятниками. Изучение непосредственных остатков человеческой деятельности в древности дает возможность реконструировать не только их экономическую историю и духовную культуру, но и в целом процесс исторического развития.

На Урале огромное множество разнообразных памятников, отражающих различные этапы жизни человеческого общества. Всестороннее изучение этих памятников позволило восстановить древнюю историю народов, населяющих наш регион.

При организации экспедиций важно иметь в виду два вопроса: что изучать и как правильно организовать его изучение. Школьной археологической экспедиции даже при наличии Открытого листа вряд ли целесообразно заниматься раскопками. Самостоятельные раскопки могут вызвать разрушение и даже уничтожение ценного научного материала. В этом отношении заслуживает внимания сотрудничество Уральской археологической экспедиции (УрГУ) со школьниками г.Екатеринбурга и археологической лаборатории Нижнетагильского государственного педагогического института.

Участие в школьной археологической экспедиции позволит учащимся уяснить:

- как идет процесс выявления и предварительного исследования археологических памятников (поиск с целью открытия новых памятников, обследование открытых памятников для выбора объекта раскопок, нанесение на карту археологических объектов своего района, сбор подъемного материала);
- как осуществляется охрана археологических памятников;

- что такое камеральная обработка археологических материалов.

Школьники могут овладеть первичными методами научных раскопок и методами фиксации археологического материала.

В окрестностях г.Екатеринбурга расположены известные памятники археологии. Остановимся на некоторых из них.

Район деревни Палкино давно привлек к себе внимание в связи с находками здесь некоторых полезных ископаемых и предметов быта древних людей. В 1827 г. впервые вблизи Палкино купцом, любителем археологии С.С. Сиговым были найдены изделия из меди – чело-векообразные и птицеподобные идолы и подвески, покрытые оловом. Кроме того, здесь были найдены остатки древних медеплавильных печей. По мнению О.Е. Клера, в окрестностях и на территории современного пос. Палкино в эпоху неолита и бронзы (5-7 тыс. лет назад) было крупное поселение.

Озеро Шарташ и парк «Каменные палатки» входят в городскую черту г. Екатеринбурга. В конце XIX в. эти места изучались членами УОЛЕ О.Е. Клером, Г.Ф. Абельсом, Л.П. Сабанеевым и др. Тогда же здесь были открыты следы стоянок древних людей эпохи неолита и бронзы. Эти стоянки располагаются преимущественно на западном и северо-восточном берегах водоема (мыс Рундук, урочище Красная горка и др.). У подножия Каменных палаток обнаружены жертвенные места эпохи железного века.

В окрестностях станции Сагра располагается еще один известный археологический памятник – «Чертово городище». Существует легенда, что нагромождение каменных плит – дело рук сверхъестественной силы, отсюда и название (черт нагородил). В сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) древние обитатели Урала нередко делали под прикрытием этих каменных плит свои жилища или устраивали жертвенники. Глиняные сосуды с мясом приносимых в жертву животных устанавливались на самых высоких выступах скал. Не случайно у подножья останцев обнаружено много орнаментированных черепков глиняных сосудов, бронзовых и железных изделий, пережженных костей животных и т.д.

Однако самыми монументальными, живописными неприступными являются скалы Семь (в действительности их больше) Братьев и Одна Сестра. В эпоху неолита и бронзы здесь тоже жили люди. Скалы служили им местом дозора и вместе с тем скрывали от врагов.

Возможен вариант и посещения краеведческого музея с целью осмотра археологических коллекций. Перед посещением с учащимися проводится беседа, во время которой даются задания для самостоятельной работы в музее. Возможно предложить следующие задания: 1) зарисовать 2-3 орудия древних людей; 2) записать и запомнить стоянки каменного, бронзового века, селища, городища или группы курганов железного века, находящихся на территории края; 3) зарисовать орнаменты керамических сосудов; 4) найти в музее и назвать не менее трех изобретений первобытного человека, которыми пользуются до настоящего времени. Завершить экскурсию можно повторительно-обобщающей беседой: 1) когда впервые был заселен людьми наш край; 2) как менялась техника изготовления орудий труда; 3) когда возникло земледелие и скотоводство на территории нашего края и т.д.

Этнографические экскурсии и экспедиции школьников.

Цель – изучение материальной и духовной культуры народов, их семейного и общественного быта, хозяйственных занятий и этнических процессов. Материальная культура включает в себя жилище со всеми хозяйственными постройками, одежду с комплексом украшений, пищу, утварь, орудия труда и средства передвижения. Духовная культура – это обычаи, обряды и праздники, религиозные и мифологические представления, поверья и приметы, народный календарь и традиционные знания (народная медицина), художественная культура (народная музыка и хореография, традиционное изобразительное и устно-поэтическое творчество), а также игры.

Этнографическую работу со школьниками целесообразно начинать с изучения литературных источников о культуре и быте изучаемого ими народа, с экскурсий в музеи, где можно познакомиться с этнографическими коллекциями, т.е. с исследования всех тех материалов, которые были собраны предшественниками. Данная работа будет являться подготовительным этапом к этнографической экспедиции.

Основным методом этнографического изучения культуры и быта народов является наблюдение. Учащиеся выезжают в экспедиции и собирают полевые материалы – записи наблюдений и бесед с населением, рисунки, чертежи и фотографии, фиксирующие предметы материальной культуры и элементы духовной культуры (обряды, игры).

Важная часть экспедиционной и всей в целом поисковой историко-краеведческой работы – составление документов, фиксирующих строго в соответствии с научными требованиями, выявленные и соб-

ранные памятники истории и культуры, а также разнообразные сведения о них. Перечень документов, которые составляются во время этнографической экспедиции:

1. **Полевой дневник.** В нем описываются ход поиска документов и предметов, условия, в которых они находились, история этих памятников (услышанная и прослеженная). При этом очень важно обращать внимание на степень достоверности заносимых в дневник сведений. Записи в дневнике ведутся в хронологическом порядке.

2. **Полевая опись** представляет собой документ учета и описания отобранных в ходе экспедиции предметов материальной культуры. Она должна включать в себя следующие графы: порядковый номер предмета, дата и место обнаружения, наименование, материал и способ (техника) изготовления, назначение предмета, способ использования и сохранность, краткое описание с указанием особенностей, владелец или источник, история предмета (историческая справка), примечания. В конце полевой описи проставляются итоговые данные о количестве внесенных в опись памятников. Документ подписывается руководителем экспедиции и лицом, ответственным за учет и хранение собранных экспедицией материалов.

3. Передача памятников истории и культуры участниками экспедиции регистрируется в **актах приема-передачи**. На бланке ставится штамп школы (внешкольного учреждения). Акт заполняется в двух экземплярах. Оба экземпляра подписываются дарителем и руководителем экспедиции. Один экземпляр акта остается в школьном музее, второй передается дарителю. При приеме предметов важно получить от лица, передававшего их, сведения (они могут быть составлены дарителем или записаны участниками экспедиции) о происхождении памятника, прежней его принадлежности, связях с определенными историческими событиями и лицами, о времени изготовления, месте бытования, условиях и способах использования и т.п. Эти сведения хранятся при актах приема-передачи.

4. Во время экспедиций юные этнографы встречаются с людьми, которые знают много рассказов, песен, сказок, преданий, помнят исторические события, очевидцами которых были. Весь этот материал записывается в специальной **«Тетради для записей воспоминаний и рассказов»**. Описания делаются подробные, фиксируются все детали рассказа. Запись ведется от первого лица. В начале необходимо сообщить, кто дает сведения (фамилия, имя, отчество, возраст рассказчика, его профессия, место работы, занимаемая должность, место

проживания), а также указать фамилии и имена учащихся, проводивших беседу, место и дату составления записи. Очень важно по окончании беседы прочитать запись рассказчику и получить подпись. В таком случае текст можно будет рассматривать как подлинный документ. К беседе необходимо тщательно подготовиться. Важно заранее продумать и сформулировать вопросы, при этом нельзя не учитывать личность собеседника. Имеют значение и уровень образования, состояние здоровья, возраст.

5. Если участники экспедиции используют в своей работе звукозаписывающую, фото- и киносъёмочную аппаратуру, то возникает необходимость составлять сопутствующие учетные документы – **«тетрадь фиксации звукозаписей», «тетрадь фотофиксаций», «тетрадь для записи снятых кинокадров».**

Чтобы не перепутать собранные во время экспедиции предметы и документы, их следует шифровать уже в полевых условиях. Шифром служит порядковый номер памятника, под которым он зарегистрирован в полевой описи. Шифры наносятся не на самом памятнике (это делается при поступлении его в фонды музея), а на упаковку или на отдельную этикетку, которая кладется вместе с находкой.

Большое значение имеет правильное хранение материалов, собираемых во время экспедиции. Плоские материалы помещают в папки, небольшие объемные – в коробки, а более крупные заворачивают в плотную бумагу. Хрупкие предметы необходимо прокладывать ватой или бумагой. Материалы на бумажной основе для предохранения их от сырости помещают в полиэтиленовые пакеты.

По результатам этнографических экспедиций проводится организация собранных материалов в музейные (выставочные) экспозиции на основе их систематизации и анализа; проведение этнографических праздников, инсценированных и театрализованных представлений.

Если целью этнографической экспедиции было изучение народного художественного творчества жителей родного края, то помимо выявления и собирания коллекций декоративно-прикладного искусства юные краеведы обычно учатся у мастеров приемам и технике изготовления изделий художественных промыслов (росписи по дереву, художественной обработке бересты и керамики и т.д.). После таких экспедиций проводятся фестивали народного художественного творчества, дни ремесел, практические мастер-классы.

3. Естественным результатом краеведческой работы в школе является создание школьного музея. Собранные в экспедициях материалы анализируются, систематизируются и составляют его экспозицию.

Музеи в школах и других учебно-воспитательных заведениях создавались еще в дореволюционной России. Это одно из самых самобытных явлений в отечественной истории.

Деятельность школьных музеев неотделима от краеведческого движения. Массовое развитие и упадок их всегда были связаны с политическими процессами, господствующей идеологией, экономическими преобразованиями, уровнем духовности и культуры. Помимо этих внешних условий, конечно, необходимым обстоятельством для организации и успешной работы школьного краеведческого музея является вовлечение учащихся в краеведческую работу, создание активной группы школьников-краеведов, заинтересованных изучением края и подготовленных к сбору материала и его музейному оформлению. А это возможно лишь тогда, когда в школе есть учитель, любящий свой предмет, изучающий и знающий свой край. Изучение любой территории базируется на основе умения видеть и воспринимать окружающее, поэтому важно научить школьников быть краеведами, развивать у них наблюдательность и интерес к родному краю.

В одних школах создаются *музеи комплексного профиля*, т.е. имеющие в своей экспозиции материалы по природным условиям края и его истории; в других – краеведческие музеи тематического содержания: *исторические* (история края, в т.ч. археология, этнография), *естественно-научные* (природные условия края и их использование), *литературные и художественные*; в третьих школах организуются *мемориальные музеи*, посвященные памяти местных выдающихся деятелей, участников Великой Отечественной войны и др. Профиль музея может зависеть от интересов учащихся, специальности учителя-руководителя этой работы и особенностей развития данного края.

Школьный краеведческий музей имеет специфические особенности и задачи. Во-первых, музей носит учебно-педагогическое значение – в нем все предназначено для учащихся и в основном создано их руками под руководством учителя. Экспонаты в школьном музее – это наглядные пособия для уроков, поэтому экспозиция должна строиться так, чтобы быть использованной в учебном процессе. Во-вторых, сама организация музея является одной из форм про-

явления самостоятельности и инициативы учащихся – приобщения их к исследовательской работе, к выполнению творческих поисковых заданий. В-третьих, школьный музей – это не только хранилище выставок, коллекций и других экспонатов, но и место научной обработки собранного материала и создание на его основе текстовых описаний, графиков, диаграмм, рисунков и, главное, карт. Создание карт – это наилучший способ отображения размещения и связей явлений. Карты могут отображать маршруты археологических и этнографических экскурсий и экспедиций учащихся школы, места расположения исторических памятников района и др.

Но есть принципы организации, которые роднят школьный музей с государственными музеями. В частности, в процессе создания школьного краеведческого музея следует различать основной и вспомогательный фонды музея. В состав основного фонда включаются все подлинные памятники материальной и духовной культуры (вещественные памятники, произведения искусства, письменные источники и др.), а вспомогательный материал образуется при создании музея и служит средством пояснения различных памятников или для их замены.

Оформление собранных материалов и их хранение также должны соответствовать общим правилам учета и хранения музейных фондов. Каждый экспонат основного фонда регистрируется в инвентарной книге. При этом необходимо, чтобы ученики умели делать правильные записи. Описание музейных экспонатов является одним из этапов краеведческой работы, т.к. знакомит учащихся с разнообразными источниками по истории края. В инвентарной книге должна содержаться следующая информация: название предмета; его краткое описание; материал, из которого сделан предмет; датировка предмета; откуда и когда получен; сохранность предмета.

Важен не только учет собранных памятников, но и их бережное хранение. Прежде всего, надо оберегать экспонаты от яркого света, от пыли, влаги, резкого охлаждения, чрезмерной сухости или сырости. Нужно бережно обращаться с подлинниками: не приклеивать документы, фотографии, а помещать их в паспарту, не прибивать их гвоздями, кнопками (это относится и к тканям), не делать надписи, портящие предмет.

Созданию экспозиции школьного краеведческого музея предшествует постепенное, систематическое накопление материала, который собирают в ходе полевых исследований в экспедициях, на экс-

курсиях, в походах, работы в архивах, музеях и других учреждениях. Однако при теснейшей связи краеведческой работы в школе и организации школьного музея нельзя два этих направления работы считать одним или, развивая одно, забывать о другом. Не все результаты краеведческой работы могут получить отражение в музее. Школьная краеведческая работа не исчерпывается организацией краеведческого музея; и деятельность этого музея не включается целиком в рамки внутренней жизни школы.

4. Генеалогия, или родословие, изучает происхождение, историю и родственные связи родов и семей. Через изучение генеалогии можно лучше узнать историю Отечества и других стран. В каждом историческом событии принимают участие люди, главные и второстепенные персонажи истории. У каждого из них своя судьба, своя жизнь. При изучении истории своего рода можно выявить своих родственников, принимавших участие в исторических событиях. Тогда ряд исторических понятий делается для учащихся зримым, осязаемым, они по-другому начинают смотреть на многие вещи, по-другому относиться к людям (даже к своим родственникам), к их труду.

Работа со школьниками по составлению своей генеалогии очень увлекательный процесс. Можно начать ее с анкеты, которую ребята заполняют вместе со своими родителями:

- 1) Назови имена, отчества и фамилии своих ближайших родственников: родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедов по материнской и отцовской линиям.
- 2) Из каких семей происходят твои бабушки и дедушки, где они родились, какое имеют образование, где и кем работают (работали).
- 3) С какого времени примерно проживает твоя семья в данной местности.
- 4) Какие обычаи, традиции существуют в семье.

Результаты такого анкетирования как правило примерно одинаковы во всех школах. Учащиеся почти ничего не могут написать о своих прабабушках и прадедах (лишь некоторые знают их имена). Почти ничего не могут ответить на второй вопрос анкеты. После проведения анкеты ребята приходят к выводам: необходимо познавать свою родословную; важно, пока живы родственники, записать их воспоминания; собрать и изучить сохранившиеся документы – свидетельства истории семьи. Затем необходимо обсудить с учащимися

примерные вопросы для беседы с членами своей семьи, дать рекомендации как правильно провести запись рассказа, воспоминания.

На других занятиях целесообразно осветить следующие темы:

- изучение семейных традиций, обрядов;
- материалы о национальных, географических сословных, религиозных корнях рода;
- изучение родословных именитых родов, земляков;
- разработка и создание личного и родового герба;
- изучение происхождения фамилий и имен представителей рода, семьи.

К итоговому занятию оформляется выставка, которая расскажет о прошлом и сегодняшнем дне семей школьников, об отдельных династиях. На выставке будут представлены подлинные документы и предметы, а экскурсоводами выступят сами учащиеся. В дальнейшем эта выставка может стать частью экспозиции школьного краеведческого музея.

Итак, школьное краеведение осуществляется посредством разных организационных форм. Важнейшими условиями успешной краеведческой работы являются: во-первых, глубокое знание самим учителем истории своего края, владение методикой его изучения; во-вторых, систематическое использование местного материала на уроках истории и постоянная перспективная внеклассная и внешкольная работа; в-третьих, глубокая научная основа.

Вопросы:

1. Назовите основные этапы в развитии школьного краеведения.
2. Каковы основные формы организации историко-краеведческой работы?
3. Особенности организации внешкольной работы по краеведению?
4. Задачи школьного музея.
5. Основные моменты работы школьников над собственной генеалогией.

Литература:

Александрова Н. Советы опытного экскурсовода (методика проведения выходного занятия) // Преподавание истории и обществознания в школе.- 2004.- № 2.- С.22-23.

Архипова Н.П. Заповедные места Свердловской области. Свердловск, 1984.

- Архипова Н.П. Окрестности Свердловска. Свердловск, 1981.
- Ашурков В.Н., Кацюба Д.В., Матюшин Г.Н. Историческое краеведение. М., 1987.
- Басунин В.М. Методические аспекты экскурсионной деятельности // Преподавание истории в школе. - 2002. - №10. - С.69-73.
- Белов А.В. Новые подходы к обучению местной истории и использование краеведческого материала в школе // Преподавание истории в школе. - 2000. - № 10. - С.47-49.
- Внеклассная работа по истории. Краеведение: Пособие для учителей. - М.: Просвещение, 1975. - 192 с.
- Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Краеведение. Теория и практика. - Уфа, 1995.-190 с.
- Гусаркина А.В. За эффективность учебных экскурсий со школьниками // Преподавание истории в школе. - 1994.- № 1.- С.58-59.
- Гусарова А.О. Музей и школа // Советская педагогика. - 1996. - № 5.-С.34-39.
- Летопись уральских деревень. Сысертьский район. Вып.1. Сысерть, 1992. Вып.2. Сысерть, 1995.
- Масленников Е.П., Рубель Р.Б. По окрестностям Свердловска. Свердловск, 1980.
- Никонова М.А., Данилов П.А. Землеведение и краеведение: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2000.
- Памятники материальной и духовной культуры в музейных коллекциях. Программа музейного всеобуча для детей дошкольного и школьного возраста. Свердловский областной краеведческий музей. Екатеринбург, 1996.
- Патриотическое воспитание музейными средствами: возможности, опыт, проблемы. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999.
- Сейненский А.Е. Родной край: страницы истории. В помощь педагогу-краеведу. М., 1994.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ УРАЛА

Учебное пособие

*Рекомендовано Ученым советом федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве учебного издания
(Решение № 405 от 01.07.15)*

Подписано в печать . Формат 60х84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Усл.-печ. л. 18,5.
Уч.-изд. л. _____. Тираж 500 экз. Заказ _____.
Уральский государственный педагогический университет

620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Тел. (343) 235-76-30. Факс (343) 336-12-42

ISBN 978-5-7186-0688-1